

ЕЖЕГОДНИК

ВЫСОКИЕ
СТУПЕНИ
2026

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕГОДНИК

ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ
2026

ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ-2026. Литературный ежегодник.

Чикаго, США. POEZIA.US, 2026. — 421 стр.

Составители: Татьяна Ивлева (Германия /), Михаил Рахунов (США /)

Первый выпуск литературного Ежегодника «ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ» вышел в свет в 2024 году в Чикаго, США, в издательстве «POEZIA.US». «ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ» – литературный проект, объединивший современных российских литераторов и авторов Русского Зарубежья под эгидой поэтического форума «СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР». Эта книга является третьим выпуском Ежегодника и предлагает читателю образцы современной русской поэзии, прозы, публицистики. Идея проекта возникла в «эти огненные годы», в «эти пламенные дни» – в тревожную эпоху глобализации, вражды и ненависти, массовых миграций, отрицания человеческих ценностей, в смутное время нестабильности, неравенства, несправедливости и нетерпимости... Все эти тревожные обстоятельства, конечно, не могли не отразиться в произведениях современных поэтов и писателей, являющихся очевидцами и свидетелями нашего весьма неблагоприятного времени. Предлагаемый сборник по сути является не только собранием литературно-художественных произведений, но и документом нашего трудного, неоднозначного времени.

Главный редактор Татьяна Ивлева (Германия /)

*All rights reserved.
Russian Edition*

Library of Congress Control Number: 2026939709

ISBN: 979-8-9929531-3-8

©2026 POEZIA.US

Составители сердечно благодарят Дину Дронфорт (Германия /, Анну Рубин (Германия / и Сашу Зеленскую (Швейцария / за существенную помощь в издании этого литературного ежегодника.

А ТАКЖЕ БОЛЬШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ НАШИМ СПОНСОРАМ

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

И лестница всё круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтоб стать звездой под
На небе бытия?

В.Я.Брюсов

Идите и идите по лестнице, которая называется цивилизацией, прогрессом, культурой – идите, искренно рекомендую, но куда идти? право, не знаю. Ради одной лестницы этой стоит жить.

А. П. Чехов

«ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ» – это новый литературный проект. Издание, которое вы держите в руках, является литературным ежегодником – первым номером проекта. В номере представлены произведения современных литераторов – поэтов, писателей, журналистов. «Путь в тысячу ли начинается с первого шага», – сказал китайский философ Лао Цзы. И создатели данного сборника полны надежд на то, что сделанный шаг станет началом долгого пути.

Необходимо признать, что сей трудный шаг был сделан в непростых условиях, в смутное время – время глобальных потрясений, в «эти огненные годы», в «эти пламенные дни», в тревожную эпоху нарастающей ненависти, вынужденных массовых переселений, ломки традиционных ценностей, усиливающейся нестабильности, возрастающего неравенства и непримиримых противоречий. Все эти обстоятельства, конечно, не могли не отразиться в произведениях авторов, являющихся свидетелями «пламенных дней» нашего – XXI века. «Inter arma silent musae», – говорили древние, – «когда гремит оружие, музы молчат». Но не всякое молчание – золото. «Мир раскололся, и трещина прошла по сердцу поэта», – признался когда-то великий Генрих Гейне. Участники презентуемого сборника с горечью откликаются на боль мира. Именно поэтому настоящая книга, по сути, есть не только собрание литературно-художественных произведений, но и документ наших «огненных лет», а сами авторы – летописцы этой, полной драматических событий, поры.

Итак, книга представляет собой коллекцию прозы и поэзии современных писателей и поэтов, живущих в разных странах и пишущих на русском языке. География авторов обширна: Германия, Голландия, Италия, Франция, Россия, Белоруссия, Украина, Литва, Израиль, США, Аргентина...

Среди имён, давно ставших легендой в истории русской литературы, читатели встретят прославленные и любимые имена поэтов и писателей времён советской эпохи (1917–1991 /: Евгения Рейна (род. в 1935 /, Александра Кушнера (род. в 1936 /, Олжаса Сулейменова (род. в 1936 /, Ильи Эренбурга (1891–1967 /, Самуила Галкина (1897–1960 /, Виктора Некрасова (1911–1987 / ...

Вровень с этими знаковыми именами стоят имена широко известных, пользующихся у читателей заслуженным вниманием, поэтов и прозаиков, посвятивших себя служению многонациональной русской литературы середины XX начала XXI веков: Бахыта Кенжеева, Евгения Чигрина, Евгения Витковского, Бориса Левита-Броуна, Михаила Синельникова, Владимира Делбы, Михаила Рахунова, Бахытжана Канапьянова, Елены Печерской и многих других.

На страницах ежегодников также будут представлены публикации работы художников и фотографов нашей современности.

Таким образом, цель нашего проекта ясна: объединить творческих людей – писателей, поэтов, философов, журналистов, художников, фотографов, предоставив им возможность публиковаться.

Возможно, читатель спросит, почему названием сборника послужили именно «ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ»? Скорее всего, потому что в данном словосочетании заключены знаковые понятия и символы, в которых есть всё, что нужно творческому человеку: высота, устремлённость, восхождение, преодоление, духовный труд, творческий подъём... Лестница в небо, то есть, вверх, ввысь – это есть и сама жизнь, и духовное становление, и ступени творческого процесса, и преодоление новых высот.

Хотелось бы поблагодарить авторов, принявших участие в данном проекте, за предоставленные к публикации произведения и желание поддержать в столь критическое время родной язык и единокровное русское слово.

Всем авторам и читателям ежегодника «ВЫСОКИЕ СТУПЕНИ» желаю добра и мира, творческих восхождений и новых вдохновений на высоких ступенях лестницы жизни, ведущей вверх!

Татьяна Ивлева –
автор проекта, редактор, поэт, переводчик.

Май 2026 – Эссен, Германия.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Олжас Сулейменов / Казахстан /

Сулейменов Олжас Омарович. Родился в 1936 году в Алма-Ата, Казахстан. Пишет преимущественно на русском языке, но также и по-казахски. Поэма "Земля, поклонись человеку!" (1961 / посвящена Юрию Гагарину). В поэзии - философичность, эмоциональная напряженность, ритмические поиски: сборники стихов и поэм "Солнечные ночи" (1962 /, "Глиняная книга" (1969 /, "Повторяя в полдень" (1973 /, "Определение берега" (1976 /, Сборник стихов и прозы "Над белыми реками" (1970 /; книга историко-филологических эссе "Аз и Я" (1975 /; киносценарии. Культовым писателем Сулейменов стал еще тридцать с лишним лет назад, когда увидела свет (увы, не в Москве! / его культурологическое эссе "Аз и Я", где подробно, с привлечением житейского опыта, глубоких лингвистических познаний и здравого смысла, свободного от идеологических догматов того времени, было дано развернутое исследование взаимодействия тюркской и русской культур. В 2005 году издательство "Грифон" впервые осуществило выпуск этой книги Сулейменова в Москве. Олжас Омарович Сулейменов, ныне выполняющий дипломатические функции при ЮНЕСКО от имени Республики Казахстан, продолжает работать над статьями и эссе.

Жан Бахыт

УЗЕЛ КУЩЕНИЯ (К девяностолетию поэта /

Вспоминаю цитату Леона Робеля, когда он представлял французскому читателю свой перевод поэмы «Глиняная книга» именно в те семидесятые годы прошлого столетия, когда вышла в свет и «Аз и Я»: «Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он читает историю как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю

Человечества, все же единственную, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство. Давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса – мы признаем Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно».

Вот так, естественным образом наше восприятие мира по Олжасу перешло от Гильгамеша к Бильгамешу.

К цифрам всегда надо относиться поэтически, ибо они завораживают. К векам, столетиям и тысячелетиям по разуму великого и благонамеренного читателя. Все помнят строки Николая Гумилева:

«Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города»,

однако далее следует:

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умною число передает.

«Умные числа» «Аз и Я» сопровождают нас ежедневно и всю оставшуюся жизнь. Исходя из недавнего выступления Олжаса Омаровича по Осирису, есть большое желание просто поэтически поиграть словами, с оттенками смысла, ибо все это написано и сотворено Поэтом по музыке слов и значений, по смыслу интуиции и научного разума.

Великий евразиец Лев Николаевич Гумилев утверждал, что «только тогда можно получить верные результаты, когда мы имеем достаточно обильный и широкий материал. Это методика, которая одно время применялась в Западной Европе, уступила в наше время месту узкой специализации. А узкая специализация не дает возможность сделать верный и убедительный вывод – так как нет сопоставления на широком фоне, и мы не можем знать, случайно ли это совпадение или закономерное».

Любое слово двойится, вызывая неожиданные сближения по существу. Вспомним пушкинское «Странные сближения».

Олжасу Сулейменову – знатоку буквы поэтического языка,
в честь его славного девяностолетия,
от поэта Михаила Рахунова,
родившегося на Златоустовской улице,
с фамилией, указывающей на гору Рахун,
куда, по преданию, ступила нога Адама, изгнанного из Рая.

ПОЭЗИЯ

Где быт, суета и короста
Привычек оставили след,
В сетях своего благородства
Живет, задыхаясь, поэт.

В помятом камзоле, при шпаге
Сидит за столом, одинок,
И мысли его на бумаге
Острей, чем у шпаги клинок.

Пусть мимо грохочет эпоха,
Варганя делишки свои,
И с некою долей подвоха
Молчат за окном соловьи,

Но там, в несгорающей выси
Другой на события взгляд –
Там звезды рождаются мыслью
И буквами в небе горят.

Беззвучно в мерцающей бездне,
Послушны игре волшебства,
Сплетаются звезды в созвездья –
За буквою буква – в слова.

И стих, бесконечный и тонкий,
Бежит за строкою строка,
Как будто бы острой иголкой
Незримая пишет рука.

Так вот почему ты такая,
Поэзия! Вот почему
Мы долго глядим, не мигая,
В бескрайнюю звездную тьму!

И, бредя заведомым раем,
Мы знаем уже навсегда
Какую мы книгу читаем,
Где каждая буква – звезда.

Появляются странники и страны. В слове Осирис, для меня лично, прячется незаменимый термин оси, осиру – выращивать, тяга к росту.

Есть понятие у ботаников – узел кущения. Это когда злак начинает жизнь по малому горизонту, а затем окрепнув в благодатной почве, образовав узел кущения, тянется сквозь мрак вверх, к Солнцу и чистому небу (Ашық Аспан /).

А у Конфуция (V–VI век до н. э. / среди его афоризмов есть и такой: - Если в повозке нет оси, как можно на ней ездить?

Великим странником осевого времени был Мурат Ауэзов. И не только по Карлу Ясперсу, но и по орхоно-енисейским стелам, по Энкиду и по «Эстетике кочевья».

Тюрки и славяне всегда были открыты миру, то есть никогда не было стены отчуждения. В тюркославистике можно найти и корни таких этносов, как крымчаки и караимы, то есть тюрков иудейской веры. И образ Тенгри очевиден, особенно у крымчаков. Они судьбу обозначают не тагдыр, а «қызмет болса», то есть была бы работа, а все остальное приложится. А месяц декабрь – желтоқсан, они именуют «Соғым ай», то есть время убоя скота... Все это есть в книге «Аз и Я». И даже открытия рунического понятия «Тенгри» «Есть день, который должен быть отмечен на календаре тюркологии красным числом – 25 ноября. Первым в мире узнал, что у кочевых тюрков была своя письменность, датский рунолог Вильгельм Томсен. 25 ноября 1893 года ему удалось выделить из текстов орхонских надписей первое слово – Тенгри», - подчеркнул Олжас Сулейменов в своей знаменитой книге «Аз и Я».

И здесь необходим Млечный путь Тенгрианского космоса, когда, разрушая шаблон и ярлык космополита, вспоминаешь шамана языкознания и востоковедения Николая Марра, Шамбалу Николая Рериха и его «Знамя мира», что взвилось над пустыней Гоби, и само проникновение Востоку (нахт Остен / и не сопротивленца Махатму Ганди, чьи слова не раз любил повторять мой Учитель Олжас: «Хорошо, что твоя Вселенная начинается с родного очага, с родного порога, но плохо, если она там и завершается...») Быть может, оттуда, из глубины веков кредо и принцип, формула Олжаса:

От веков зависимости,

Через период независимости –
К эпохе осознанной взаимозависимости.

А еще в 1966 году в газете «Қазақ әдебиеті» тридцатилетний Олжас опубликовал на языке Абая свою статью «Таңбалар тарихынан». Об этой ранней научной работе О. Сулейменова вскользь упоминает В. Юдин в своей статье «К

этимологии этнонима «казах», которая была написана в середине шестидесятых прошлого столетия и впервые опубликована только в начале этого века. А речь шла о той самой Бехистунской надписи* (VI век до н. э. / из эпохи Дария, где «девятый явно не перс»).

А образ Осириса ждал своего кипчакского часа со времен Плутарха и Аристотеля. Где-то после выхода книги «Аз и Я», когда всюю кипели литературоведческие, критическо-идеологические страсти, в Алма-Ате (1977 год, март / проходила всесоюзная писательская конференция, подтекстом звучали (и напрямую / «ошибочные мировоззрения Олжаса». Неправильность его позиции. И здесь выступил Евгений Евтушенко. А он всегда обладал даром честного слова в нужном месте и в нужное время «Я «неправильного» казахского поэта Олжаса никогда не променяю на сто правильных русских поэтов!» Одной из первых критических рецензий на книгу «Аз и Я» была развернутая статья критика В. Владимирова в октябрьском номере «Простора» за 1975 год.

Видимо, с ведома первого секретаря Д. А. Кунаева, эта статья завершалась загадочно (по памяти цитирую – «Многим ученым выдано сполна, справедливо или нет? Книга только вышла к читателю» /. Мы все помним и статьи Ю. Селезнева в журнале «Москва», и М. Кузьмина в «Молодой гвардии», и все такое прочее... И чем это все закончилось, завершилось в те годы – общеизвестно.

Исследовать великое «Слово» уже стало невозможно вне присутствия, явного и крамольного по тем временам, книги Олжаса «Аз и Я», книги благонамеренного читателя. Это сейчас общеизвестно, что книга «Аз и Я» – исследование о тюркских корнях «Слова о полку Игореве». Одни эту книгу приняли на «ура», другие были категорически против. На самом деле это была (и есть / книга о языковой общности Евразии – великого континента, где сплелись племена и языки. Как известно, все это

* Бехистунская надпись – трёхязычный (древнеперсидский, эламский и аккадский / клинописный текст на скале Бехистун (Бисутун / , юго-западнее Экбатан между Керманшахом и Хамаданом в Иране, высеченный по приказу царя Дария | о событиях 523–521 гг. до н. э.

кончилось тем, что в ЦК КПСС и Академии наук СССР решили просто прекратить дискуссию вокруг этой книги.

В те же годы (1978 / вышла большая статья Льва Гумилева «С точки зрения Клио», журнал «Дружба народов». Многие дальше этой темы «Русь и Степь» не выходили. А зря. По Олжасу, по его «Аз и Я» есть понятие «макропоззия» и «микропоззия». Как утверждает Учитель, первая – это мифы, геометрия,

Париж, штаб-квартира ЮНЕСКО, 1997 г. Леон Робель, Олжас Сулейменов, Бахытжан Канапьянов.

астрономия, геология, физика. Она облекает в плоть слова – понятия неосязаемые, взглядом не охватные. Обожествление символов развивает искусство, духовную культуру человечества. Микропоззия – производитель вещи. Мать техники. Она выращивает из семени символа не дерево познания добра и зла, а

обыкновенное дерево. Утилизируя созданные макропоззией, превращает их в предметы.

Модель Вселенной превратилось в практическое колесо (кстати, изобретателем гончарного круга, а значит, колеса

является скифо-сакс Анахарсисасис /. Далее Учитель подчеркивает, что, пытаясь определить назначение точки, макропоэты приходят к идее Первого человека. Они называют точку древнесемитским числительным Ахтум-первый. В Египет вернется первым мужчиной Атум, родится в индоиранской среде Адам. Микропоэты придут к осознанию мельчайшей частицы материи – Атом. И впервые поделят Атом пополам египтяне в мифе о происхождении человека.

Отсюда, на мой взгляд, и корневая связь Осириса и Оси мироздания.

«Я верю, – пишет Учитель, – что в далеком будущем появятся этимологические словари, в которых происхождение слова будет связываться с письменным знаком. Я не оговорился, именно «в далеком», ибо бесконечно прав Эйнштейн, когда однажды воскликнул в отчаянии: – «Легче разложить атом, чем предрассудок».

Мы находимся в особом переходном пункте человеческой истории и не просто потому, что хронологически отражаем календарь, а потому что наш мир сам по себе меняется.

Прошла уже четверть века нового столетия. Геополитические барьеры разорваны и возникает новый мир. К сожалению, возникает этот новейший мир в беспорядке, смятении и в хаосе.

Новые технологии, нефтебизнес и энергоносители, глобализация экономики превратили нас внешне в один мир, но нас разделяли и разделяют консерватизм различных религиозных конфессий, культуры и этнические традиции. И наша задача, наша цель, а в данном случае по «Аз и Я» и по Осирису – находить общие для всех земель точки соприкосновения, общие в силу нравственности и самих этнических норм, которые за многие столетия выработало человечество. И здесь не должно быть перекоса в ту или иную сторону, ибо любой такой перекокс нарушает устойчивость межнациональных, экономических, общественно-культурных отношений.

Видя ежевечерне на телеэкране невинную кровь убитых и раненых юго-востока Украины, жертвы и разрушения с той и с

другой стороны на единых когда-то землях Дешти-Кипчак, слыша из уст бесстрастных дикторов имена и названия местности – Азов, Майдан, Донец, Беркут, Айдар, Саур, Карачун, Аксу, понимаешь – разумом, душой и сердцем – что все эти наименования из эпохи «Слово о полку Игореве», Калки, Каялы. И, быть может, совсем по-иному могла сложиться нынешняя ситуация, если бы книгу Олжаса Сулейменова «Аз и Я» начали изучать еще в те самые семидесятые годы прошлого столетия.

Постигая ее живые страницы на молекулярном уровне, вынашивая для будущего те самые атомы взаимопонимания, выстраивая на века и столетия этимологию духа. Как знать...

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Владимир Делба / Россия /

Прозаик, поэт, эссеист. Родился 24 мая 1946 г. в Абхазии. Секретарь Ассоциации писателей Абхазии, член Русского ПЕН-центра, сопредседатель литературного Совета Ассамблеи народов Мира. Публикуется в периодических изданиях Абхазии, России, США, Израиля, Египта, Черногории, Казахстана. Автор десяти книг. Дипломант 26-й Московской международной книжной выставки-ярмарки 2013 г. Лауреат Международной Премии имени Леонардо да Винчи за 2016 год. Лауреат Международной литературной премии им. Фазилы Искандера за 2019 год. Первое место в номинации «Проза».

«АМЕРИКАНСКАЯ КНИГА ПЕСЕН» – это собрание стихотворных импровизаций Владимира Делбы, написанных им на известные мелодии американских песен прошлых лет. Жанр совершенно новый, особый, оригинальный. Это не просто переводы песенных текстов, но самостоятельные поэтические тексты, заслуживающие внимания. Не припоминаю, чтобы когда-либо в сборниках русской поэзии что-либо подобное было опубликовано. И пройти мимо этих поэтических озарений, вдохновлённых старыми, знакомыми американскими мелодиями, наполненных романтикой высоких чувств было невозможно!

Поэтому, чтобы порадовать читателей, составители решили включить в ежегодник эту уникальную лирическую подборку. Дебют нового жанра. Дебют поэта в новом жанре.

Составители – Татьяна Ивлева, Михаил Рахунов

«АМЕРИКАНСКАЯ КНИГА ПЕСЕН»

С каждым прожитым годом всё сильнее ощущается ностальгия по прошлому. Это, увы, данность. Вспоминается, как во времена «железного занавеса» к нам, в основном через радиоэфир, прорывались популярные песни, чаще всего американские. Прекрасные мелодии брали в плен, провоцировали в наших юных душах рождение романтических эмоций – влюблённости, радости, лёгкой грусти. Языка мы не знали, и нам казалось, что и слова песен были такие же прекрасные, возвышенные, как и мелодии.

Позже оказалось, что это далеко не так.

С годами тяга к тем мелодиям не утасла, а совсем наоборот стала более сильной, манящей. И я решил рискнуть. Выбрал одни из самых любимых мелодий и, зная уже, о чём в них поётся, решился на своего рода импровизацию.

Это не попытка создать вариант свободного перевода, а, скорее, эмоциональная реплика, рефрен. Не знаю, удалось ли мне избежать излишней слащавости, присутствующей иногда в оригиналах. Решать читателям.

Итак – «Американская книга песен».

Владимир Делба

THE SHADOWS OF YOUR SMILE

Твоей улыбки тень...
Полны тревогой сны,
То ночь, то снова день,
Фантом былой весны.

Прошедший стороной,
Как дождь, унявший грусть,
Холодную волной
Окатит, ну и пусть.

Напомнит болью вдруг
Забытая мигрень,
А память чертит круг...
Твоей улыбки тень.

STARDUST

В ночной тиши я часто наблюдаю
Пыль звездную, мелодией простой
Мои надежды в прошлом оживают,
И верится, что снова ты со мной.

И пусть мечты мои порой напрасны,
Остался лишь рефрен любви былой,
Пыль звездная мелодией прекрасной
Как память, как любовь, всегда со мной.

MISTY

Посмотри, над собой я теряю контроль,
Словно кошка в тумане густом,
Или в облаке цвета сметаны,
Может в зале огромном, пустом,
Где за окнами клёны багряны.
Там танцует кронпринц или вице-король
С дивной женщиной в платье невесты...
Вдруг задует мистраль и разгонит туман,
Снов и страха химеры растают,
Скрипок тысячи, хриплый орган,
Свечи, как и закат, догорают,
Так вы новые люстры развесьте.
Свет играть будет в стёклах зеркал.
Что сулят мне смычки твоих скрипок,
Весть благую или вечный обман?
Мир вокруг ненадёжен и хлипкок...

Таю, таю я сам, превращаюсь в туман,
Всё иллюзия: музыка, свечи и зал.

LONELY TABLE JUST FOR ONE

Ресторана шумный зал,
Столик, где один прибор,
Блеск обманчивый зеркал,
Мыслей тёмный коридор,

Мрак, предательства и боль,
Песен нежные слова.
Жизни странный карамболь
Не приемлет голова.

Не понятен и душе
Тлена горько-сладкий вкус,
Тостов древнее клише,
И знакомый старый блюз.

Пью за прошлое бокал,
Пусть мелодия звучит,
Как всегда, я опоздал,
И вино, увы, горчит.

THE SUMMER WIND

Мой старый друг, мой летний бриз,
Над морем пролетев,
С высот небесных рухнул вниз,
От солнца разомлев.

Коснулся вдруг твоих волос,
Слегка их растрепав,
Умчался, словно альбатрос,
И горд и величав.

Манило золото песков
Всё лето напролёт,
Все дни и ночи сладких снов,
Как сказочный полёт.
Той страсти летней нежный плен
Под куполом небес,
Неведом был измены тлен,
Интриг крутой замес.

Но как же слеп я был, любя,
В плену у звёздных грёз,
Тот летний бриз увёл тебя,
И в синеву унёс.

Теперь ночей тревожных темь,
Ветров осенних вой...
Но летний бриз тот, его тень,
Вдруг жалит, как иглой.

Мой старый друг, мой летний бриз...

TEA FOR TWO

«Ти фор ту энд ту фор ти»,
Вечер, в зале полумрак,
Чай, конфеты «Ассорти»,
За роялем мой земляк.

Боже, старый вальс-бостон,
Свечи, «Ватерлоо мост»,
Словно древний патефон
Чудом в юность перенёс.

Сквозь туманы, дождь и снег,
Через годы и века,
Ленты пыльных фильмотек...
Вальсу в такт, к щеке щека.

Рук твоих ловлю тепло,
Танца дивный окоём,
Счастье, как мне повезло,
Ты и я! И «Чай вдвоём».

CORCOVADO

Древних клавиш рояльных тепло,
Дрожь в руках, как бессонницы след,
Рамы скрип, в пятнах краски стекло,
Волны музыки, солнечный свет...

Знаю точно, в назначенный час,
Зазвучит вновь знакомый мотив,
Сложным ритмом войдёт контрабас,
И кларнет, что порою плаксив.

Жду я чуда, парада планет
Слыша музыки сложной лады
Здесь, в краю бесконечных вендетт,
Где креолки стройны и горды.

Небеса словно чёрный муар,
Гор гранитных вдали череда,
Искупитель под звуки фанфар
Не сошёл с Корковадо сюда.

Вечерами опять звон гитар,
Босса-нова призывно звучит...
Друг мой милый, я знаю, что стар,
Что же сердце так громко стучит?

I WISH YOU LOVE

Есть у любви, обычно, срок,
Формат, границы, сердца пыл,
Усвоить сложно ли урок,
Мечты, увы, сменяет быль.

Прощай, хотя мы и друзья,
Сердца не бьются больше в такт,
Забылась слов галиматъя,
Фальшивых, словно контрафакт.

Забудь! И, прежде чем уйдёшь,
Послушай мой прощальный тост.
Слова ты в сердце унесёшь,
Любви разрушив хрупкий мост.

Желаю я спокойных вод,
Когда везде, увы, штормит,
И бирюзовый неба свод,
Без туч, где гром не прогремит.

Как в лимонаде пузырьки,
Пусть лёгким будет, к счастью, путь,
Пусть будут ночи коротки,
А ветер тёплый в спину дуть.

Прощай! Растает образ твой,
Но повторяю вновь и вновь –
В судьбе, теперь совсем иной,
Тебе желаю я любовь!

AND YOU MY LOVE

Мокрый пёс, дитя заката,
В дымке дальний яхты свет,
Ранит душу, как когда-то,
Чей-то плачущий кларнет.

Море тешится волнами,
Женский профиль, рук изгиб,
Пьёт огромными глотками
Берег, пристань, стаю рыб.

Не пропасть бы в той пучине,
Уцелеть и псу и мне,
Незнакомой балерине,
Растворившейся в волне.

И когда настанет утро,
Снова берегом морским,
В предрассветном перламутре,
Пёс бежит, судьбой храним.

ВЛАДИМИР ДЕЛБА: «СНАЧАЛА – МУЗЫКА...»

Известный русский и абхазский прозаик, лауреат премии имени Фазилы Искандера Владимир Делба втайне от поклонников своих очаровательных рассказов и повестей наряду с ними пишет стихи. И, что совсем неожиданно для многих, создал цикл поэтических импровизаций на любимые мелодии, словно утверждая: «В начале была музыка...»

На самом деле безупречное чувство ритма, музыкальность и великолепная легкость, сродни пушкинской, свойственны дарованию Владимира от природы, за что бы он ни брался. В этих строфах, созданных «по мотивам» в буквальном смысле слова, писатель делится мыслями, чувствами, ассоциациями и, в целом, состоянием души, которое навевала музыка.

Как известно, любой экспромт хорош тогда, когда он хорошо подготовлен. Многие строки этой импровизации я бы назвала блестящими, без преувеличения. Уровень мастерства, который невольно отмечаешь в них, был подготовлен всем предыдущим путем Владимира Делбы в художественном и литературном творчестве. Просто прислушайтесь к звукам его лиры, они действительно этого достойны.

*Елена Печерская –
поэт, литературный критик*

Лирика Владимира Делбы – в общем философская. Это если говорить формально (и скучно /). На самом деле философский подтекст всегда присутствует в его поэзии явно или тайно и очень чувствуется. Однако с таким же успехом можно сказать, что лирика Делбы психологическая, она действительно тончённо проникает в состояние души человека, в самые глубины его переживаний. Но я бы сказала, с моей точки зрения, стихи Делбы преимущественно ностальгические – с разными оттенками: от того, «что в памяти вспыхнет, как порох» до того, что греет душу «теплом давно сгоревших дров». Прошлое «тревожит сердце эхом дальним» и отзывается на жизненных моментах настоящего. И сегодня, в наши беспокойные дни, светлые и мрачные воспоминания, выраженные поэтом в самобытной образной форме, настраивают на неспешные углублённые

размышления о самых сокровенных всечеловеческих вечных проблемах. Несмотря на внутреннюю сложность стихов В. Делбы, они прозрачны для понимания и потому легко воспринимаются читателем.

Приятно удивил необычный поэтический эксперимент Владимира. На известные зарубежные мелодии он написал свои тексты, созвучные настроению музыки. Они далеки от истинных текстов песен, но, на мой взгляд, очень органично выражают особенности звучания оригиналов знакомых мелодий.

Эльмара Фаустова
Главный редактор Международного
Литературного журнала «Новые Витражи».

Мой друг Володя Делба прислал свои стихи с названиями знакомых джазовых тем, которые я пою. Попросил прочитать и сказать, что я думаю. Сначала не поняла, но прочитала, отвечаю – это же нельзя спеть. А он говорит – а не нужно петь, и пытаться совместить слова с конкретными мелодиями, это просто ощущения, мысли на темы песен, своего рода импровизация.

Прочитала ещё раз и, это удивительно – ты вспоминаешь как звучит песня, а читая стихи, погружаешься в удивительную атмосферу, которая дополняет, расширяет эмоции, как будто слова обвиваются вокруг музыки, и сами становятся музыкой. Это как чудесная рама для прекрасной картинки.

Я даже предположила такую концертную программу – стихи, предваряющие музыку...

Ирина Салмова, джазовая певица,
вокалистка группы «The Old Tigers»

ГРАНАДОЮ ЛОРКИ.

Эссе

*И тополя уходят — но след их озёрный светел.
И тополя уходят — но нам оставляют ветер.
И ветер умолкнет ночью, обряженный чёрным крепом.
Но ветер оставит эхо, плывущее вниз по рекам.
А мир светляков нахлынет — и прошлое в нём потонет.
И крохотное сердечко раскроется на ладони».*

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод А. Гелескула

Узкая улица бежала, спешила куда-то вниз. И соцветия граната будто плыли над высокими глухими оградами домов. А воздух раннего утра, спрессованный, казалось, из крохотных прохладных молекул, пьянил, заставляя сердце стучать быстрее и громче... Как и положено воздуху весны. Хотя «на дворе» стояла поздняя осень.

Откуда-то сзади доносились звуки странной перепалки. Знакомый женский голос громко и возмущённо высказывал, как можно было подумать, своё неудовольствие кому-то, невидимому мне, на испанском. Неожиданно женщина перешла на русский. Текст звучал примерно так: «У тебя, путана, хватает наглости утверждать, что ты цыганка! Ты – самозванка, а настоящая цыганка – я! Не позорь мой народ! И вообще, катитесь отсюда обе, пока я не вызвала полицию!»!

(Позже оказалось, что две косовских албанки, выдававшие себя за цыганок, пытались бритвой вскрыть барсетку одного из наших друзей. Тамилла, добрая фея, организатор всех поездок группы по Андалусии, вовремя отреагировала. Кстати, первыми заговорили на русском языке именно «цыганки». Тамилла – грузинка, зачем-то объявила цыганкой и себя. Для усиления эффекта «наезда», возможно /.

*Колоколам Кордовы
зорька рада.
В колокола звонки
её бей, Гранада.*

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод И. Тыняновой

Когда человек в движении, иногда возникает иллюзия, что наоборот, ты стоишь, а перемещается всё, что вокруг тебя. Только в обратном направлении.

Вот и сейчас слева от нас медленно двигалось назад огромное сооружение на холме, то ли крепость, то ли дворец. А может, дворец внутри крепости? Внушительный ансамбль красновато-коричневого оттенка, контрастный, чётко видимый в косых лучах утреннего солнца, медленно, не торопясь, с достоинством являл всё новые и новые архитектурные детали, невидимые ранее, с точки начала движения.

Изящество, совершенство форм экстерьера вкупе с мощным объёмом всего комплекса, непривычная для глаза архитектура. Да ещё это самое странное его движение назад... Только ли в пространстве?! А может, ещё и во времени?! Было от чего окончательно потерять голову!

Но ведь я прекрасно знаю, что это за здание! И где сам нахожусь в данное время! Просто поверить в реальность происходящего пока никак не могу!

А так – да, конечно, знаю! Это легендарная Альгамбра, действительно крепость-дворец, образец арабской мавританской архитектуры, строительство которого началось в далёком XIII-м веке. А улица, «бегущая с горки», ведёт вниз, где уютно и вальяжно разлётся город. Великий и скорбный. Город, подаривший миру Поэта! Город, убивший Поэта! ЕГО город...

Она остановила коня. По сигналу оруженосца остановилось всё кастильское войско.

Город лежал перед Изабеллой – светлый, величественный, огромный! Настолько красивый, что казался нереальным. И был ли он на самом деле? Или это плод оптической иллюзии? Королева не знала. Глаза её застлали слёзы, то ли радости, то ли умиления, то ли тревоги. Всё, что она пыталась рассмотреть, было шатким, нечётким. Башни, крыши домов, минареты...

Иллибера, Мадинат Гарната, Гранада! Шёл 1492 год от рождества Христова.

Это было очень давно.

А сегодня я, без воинства, в группе моих земляков, стою и смотрю на город примерно с того же места, где стояла когда-то королева Испании. И у меня тоже всё расплывается перед глазами. Смазанные, нечёткие очертания зданий, деревьев, на фоне которых вдалеке угадывается неясный силуэт мужчины в тёмном костюме и шляпе. ЕГО силуэт, я думаю.

Он машет рукой. Мне? Зовёт меня? Куда?
Насколько хорошо мы знакомы? И знакомы ли вообще?
Каков он вблизи?

*Я собран из осколков разбитой луны
уходящего лета.
Из города призраков
в ночь полнолуния чувств
ея посылаю в подарок тебе
георгин печалей и радостей, моё горячее сердце.*
Федерико Гарсиа Лорка. Перевод И. Гориной

Небольшого роста, щуплого, как говорят, сложения, с немного крупной для его фигуры головой, молодой ещё человек, сотканный не из плоти и крови, как должно быть, а из загадочной какой-то космической материи, чистой и прохладной энергии лунного света, звёздной пыли («из осколков разбитой луны» /... И, конечно, неземной (а порой, очень даже узнаваемой, приземлённой / музыки слов.

Застенчивый, с большими печальными глазами, Поэт, будучи привратником неизмеримого хранилища любви, щедро её раздаривал! И светлая любовь его стихов шла по жизни рука об руку со смертью, трагедиями, горем!

Удивительно, но человека, так мощно заряженного любовью, эта самая любовь, обычная земная любовь, часто обходила стороной. Женщины, окружавшие поэта, восторгались его поэзией, но в спутники жизни выбирали других. А может планка личных ожиданий была им самим поднята слишком высоко?

Сегодня, в эпоху «полной свободы» озвучивания любых идей и предположений стали появляться версии о якобы имевшей место гомосексуальности Лорки. И вроде у него с Дали было взаимное влечение (факт, не имеющий реального подтверждения /, и опубликованные в восьмидесятые «Сонеты тёмной любви» поэта, непревзойдённый, на мой взгляд, по мощи поэтического и эмоционального звучания, памятник любви, когда-либо созданный пером стихотворца, посвящённые загадочному Рафаэлю Родригесу Ропуну. А разве нельзя посвятить стихи о любви другу, мужчине?! Не думая о том, что кто-то когда-то начнёт искать в посвящении некий тайный смысл.

Я не собираюсь ничего оспаривать. Но кто, кроме Лорки, мог возвести в степень «абсолют» возвышенную любовь к

женщине и мощный вулкан физической страсти, соединив их с высочайшим градусом нравственности?! Стоит перечитать «Неверную жену»! Или те самые сонеты!

*В недрах любви,
в корнях моей души таится смерть.
Я снова оживу в словах твоей любви...
Её дыхание в молчании твоём.
И аромат моих увядших чувств
разносит ветер, не отбрасывая тени.
Коварство тигра с кротостью голубки
для т поединок мой безумия любви.
По жилам у меня струится яд луны...
что каплями дождя омоют корни
и прекратят мою агонию души.*

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод И. Гориной

А пока же мы движемся по «городу призраков» молча, лишь порой ОН лёгким движением руки указывает направление моему взгляду. Контур тела спутника временами становится расплывчатым, бесплотным, но я постоянно вижу (или чувствую, на уровне тонких материй / его, идущего рядом.

Вообще, всё, что происходит со мной сейчас, трудно поддаётся объяснению, ибо передвигаемся мы как бы внутри мощного энергетического потока, подчинённого чье-то воле, одновременно и во времени, и в пространстве.

Невидимый же Демиург, как опытный психолог, режиссёр, сценограф, периодически «проецирует» отдельные эпизоды происходящего вокруг нас, в стиле чёрно-белого ретро кино, вводя убыстрённый ритм движения, сохраняя в изображении характерные для старых лент дефекты: полосы, хаотические возникающие точки, вспышки света...

Королева стояла у окна. Лёгкий ветер теребил шторы, слегка играя с волосами Изабеллы, приносил издалека запах гаря, оседавший горечью на губах. По выражению лица невозможно было определить, чем заняты мысли вершительницы судеб, какие эмоции бурлят внутри, и бурлят ли вообще?

Можно было предположить, что женщина просто любуется открывающимся из окна видом.

Но королева не любовалась, она наблюдала, сконцентрировав внимание на площади, лежащей под окнами дворца, как на ладони. А зрелище происходящего там, было

страшным, но, одновременно, и завораживающим!

Там пылали гигантские костры, выбрасывая высоко в небо то языки яркого пламени, то клубы вонючего чёрного дыма. Трещало горящее дерево, и до дворца явственно доносился гул толпы, одобрителный гул, как хотелось думать Изабелле. Народ любил свою королеву, а посему всегда считал все её решения и приказы единственно правильными. Даже самые варварские и недалёковидные.

«Хлеба и зрелищ»! Этот расхожий лозунг безотказно работал уже много-много веков! Хлеб и вино у жителей Гранады были, дело оставалось за зрелищами. А чем не зрелище, это самое огненное аутодафе? К тому же сегодня на ярко пылающих кострах сжигали не еретиков или цыганских гадалок. По приказу королевы Изабеллы в этот день в славном городе Гранаде жгли книги.

Книги, которые с любовью и почтением бережно собирали на протяжении веков. Мысли гениальных философов, поэтов, инженеров, врачей. Египтян, арабов, евреев, европейцев. Записанные на ветхих папирусах, на хрупком пергаменте, отпечатанные на тончайшей рисовой бумаге и сброшюрованные в весомые фолианты с великолепными иллюстрациями, с футлярами, украшенными золотом и драгоценными камнями. Гордость одной из лучших в мире библиотек. Сокровище, потеря которого сродни природной катастрофе планетарного уровня, восстановить которое не удастся никому и никогда.

Итак, в Гранаде в этот день сжигали книги. Книги сгорали, превращаясь в пепел, который поднимался высоко в небо, и ещё долго-долго оседал на город, посыпая, образно говоря, головы его жителей. Испания погружалась во тьму.

Это аутодафе ещё аукнется Европе. И будут, в разное время, на протяжении веков пылать костры из книг, и не только из книг, на уютных площадях европейских городов.

*О мой цыганский город!
Прочь жандармерия скачет
чёрным туннелем молчанья,
а ты – пожаром охвачен.
Забыть ли тебя, мой город!*

*В глазах у меня отныне
пусть ищут твой дальний ответ.
Игру луны и пустыни.*

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод А. Гелескула

В моём горле неожиданно першит, я явно чувствую горечь того пепла, и кашляю, кашляю, а глаза застилают слёзы.

И твои книги, Федерико, тоже будут сжигать, обвиняя автора во всех смертных грехах, в безумном желании искоренить из людской памяти и само имя твое и всё написанное тобой, уникальные твои стихи, великие твои стихи, вобравшие в себя вселенскую печаль, неземную возвышенную любовь, всю горечь и боль твоей «Андалусии слёзной». (Какое же счастье, что, как утверждал другой великий гражданин планеты, рукописи не горят /.

Большевик, красный, ату его, ату!

– Да нет же, – улыбается мне Поэт, – Никогда не был ни красным, ни белым, ни социалистом, не фалангистом. Никогда не занимался политикой. Я просто испанец, влюблённый в свою страну, в её талантливый народ, живущий далеко не в раю, часто подвергавшийся страшному давлению и насилию, неимоверным испытаниям, не потерявший национальный стержень, стойкость, мужество, пронесший сквозь века тягу к прекрасному, сохранивший свою культуру и традиции. И мне всегда просто хотелось быть его частью. Частью моей страны.

*На темени горном,
на темени голом —
часовня.
В жемчужные воды
столетние никнут
маслины.
Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер,
вращается денно,
вращается ночью,
вращается вечно.
О, где-то затерянное селенье
в моей Андалусии слёзной.*

Федерико Гарсиа Лорка. Перевод Цветаевой

Тем временем город, населённый совсем не призраками, шумный и весёлый, приводит нас к ещё одной улице, бегущей вниз. Да это и не улица в классическом смысле слова, а просто большая лестница, напоминающая тоннель, ибо неба в этой тенистой трубе не увидеть, и не только потому, что пёстрой узкой лентой струится она между домами, а ещё и потому, что улица торговая.

Calle Caldeteria Nueva. Десятки, а возможно, сотни лавок, небольших магазинчиков, кофеен и кальянных по обеим сторонам улицы, большинство из них защищены от возможной непогоды тентами, навесами, маркизами, которые окончательно отсекают солнечный свет.

Первые впечатления вызывают ассоциации с другим древним городом, Иерусалимом, где улицы в старой его части ведут к Храму Гроба Господня. Похожая брусчатка, гомон толпы, выкрики расхваливающих свой товар арабских торговцев. И даже похожий ассортимент: самые различные сувениры, одежда, антиквариат (или новодел под «раритеты» /, ювелирные изделия, ковры, кожа.

И здесь торгуют, в основном, арабы. Правда, как выясняется, это не потомки арабов, живших здесь «при маврах», и даже не «мориски», принявшие когда-то, под невероятным давлением, христианство. (Кстати, это не спасло их от изгнания из Андалузии /. А торгуют на Calle Caldeteria Nueva выходцы из соседнего Марокко.

Но ощущается нечто, неуловимое пока, что отличает улицу-лестницу в Гранаде от многих других европейских и восточных торговых улиц. Однако, по мере движения, несложному анализу подвергается всё, что воспринимается одинаково экзотично и глазами, и носом, и это самое нечто перестаёт быть загадкой.

Ибо здесь – королевство, да нет, здесь Империя чая! Да, да, чая! Чай в фабричной упаковке, сувенирных коробках, банках, мешочках из ткани или в кожаных пеналах. Но в основном предлагается чай собственной, «домашней» расфасовки, в небольших полиэтиленовых пакетах, свёрнутых в трубочки, с этикетками, часто написанными от руки. Выбор и количество композиций ошеломляет, их тысячи! А названия?! «Гранадские чары», «Вздых мавра», «Турецкая любовь», «Шелковый путь», «Снег и Солнце», «Сны Альгамбры».

Фантастические смеси на основе чёрного или зелёного чая, с фруктовыми, цветочными добавками, с молоком или

сливками, кардамоном, гвоздикой, ванилью... Даже чай с марихуаной.

Федерико улыбается мне. Губы что-то шепчут, я не могу на расстоянии услышать, что именно, но пытаюсь угадать: – И как тебе Гранада? – Возможно спрашивает он. И что тут ответить?! Столько неожиданных, мощных эмоций сразу свалилось на меня! Смогу ли справиться с ними?!

После полумрака улицы-лестницы солнечный свет казался неестественно ярким, слепящим! На небольшой площади, где мы неожиданно оказались, жизнь, что называется, кипела вовсю. То ли отмечался неизвестный нам праздник, то ли шёл карнавал, то ли просто продолжался в Гранаде туристический сезон.

Синьоры и сеньоры, в платьях «под» Эпоху Возрождения, либо в мавританских одеждах, церемонно прогуливались по брусчатке, не спеша рассматривая друг друга в антикварные лорнеты. Группа «бродячих» циркачей, экипированных в соответствующем стиле, демонстрировала невероятные, фантастические акробатические номера, идущие против всех законов анатомии, да и физики, заодно. В нескольких метрах какой-то непонятный персонаж, с нарисованным поверх чёрного трико белым скелетом, изрыгал изо рта потоки пламени, а ещё дальше танцевали, неистово стуча в бубны, четыре цыганские девушки удивительной красоты, в ярких одеждах. Потрясающее зрелище!

Сюрприз, как оказалось, ждал впереди. Там, на импровизированной небольшой сцене без декораций, шёл спектакль. Хотя, возможно, сама площадь и служила естественными декорациями. А рядом со сценой, чуть в стороне, стояли два автомобильных прицепа, на каждом из которых отчётливо читалось – «LA BARRACA». О. Боже, да это же передвижной театр «Балаган», ЕГО театр!!! Придуманый и созданный им когда-то! Очень, очень давно! Вот это точно сюрприз!

Ищу Поэта глазами, чтобы разделить радость и восторг от увиденного, но... Снова и снова внимательно осматриваю площадь, но безуспешно.

Так может вопрос его и не заключался в том, какое впечатление произвела на меня Гранада? Да и был ли это вопрос? Может, он, человек широчайшего сердца, просто дарил её мне, свою Гранаду? Может быть, ему хотелось, чтобы кто-то,

неважно кто, хоть немного полюбил её, думал о ней, вспоминал её?!

На Гранаду медленно опускались сумерки. Как и всё хорошее, когда ни будь заканчивается, завершился и этот фантастический день.

И уже сидя в удобном кресле нашего «Luxury Bus», включив индивидуальный светильник, я попросил у Тамиллы лист бумаги и ручку.

Стихи возникали как бы внутри, независимо от меня, и так же почти без моего участия ложились на бумагу...

ГРАНАДОЮ ЛОРКИ

1.

Над улицей, бегущей с горки,
Плывут соцветия граната,
Вплетает горе в строки Лорки
Осиротевшая Гранада.

Протяжный стон гитары дальней,
Как эхо, в чёрном крепе тает,
Свинцом горячим, кровью алой,
Розаном красным расцветает,

И ангел мраморный бескрылый,
Фонтана слыша шёпот слёзный,
Склонится на рассвете стылом
В печальном покаянье позднем.

2.

Как кровь, стекают строки
С измятого листа.
Скитания, дороги,
Вокзалов суета.

Холодных рук касанье
Сквозь паутину снов.
Потери, расставанья
Судьба пророчит вновь,

Рассвета пылью звёздной
Мостит в потёмках путь.
Солеа рифмой слёзной
Вернусь когда-нибудь.

Курка щелчок зловещий,
Засовов ржавых стон,
Небесный купол вечный,
И колокольный звон.

З.
Над слёзной родиной поэта
Фламенко в муках умирает,
Цыганский табор ночью этой
В долине призрачной растает.

В проулках стены пахнут пеплом,
Скорбят Альгамбры древней камни.
Монахи в одеянье белом,
И чёрные глухие ставни.

Закончив писать, обессиливший от эмоций дня, почти уже засыпая, я отодвинул шторку окна автобуса. Та часть дороги, по которой мы передвигались, почему-то не была освещена, и в этой, почти полной темноте, усыпанное мириадами звёзд чёрное небо, окружающее нас со всех сторон, смотрелось особенно загадочно и торжественно.

На ум пришли Его слова: «А за окном школы – звёздный полог!» (Перевод О. Савича /

26.02.2025 – Москва

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Елена Печерская / Россия /

Поэт, переводчик, литературный критик. Родилась и живет в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор девяти поэтических сборников, а также многочисленных публикаций в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Арион» и др. Основные направления деятельности: Поэзия: в центре творческого внимания – философская лирика, осмысление культурной памяти и связи времен. Перевод: переводит с английского, литовского и латышского языков, представляя русскому читателю как классиков, так и современных авторов. Критика: регулярно выступает с эссе и рецензиями, посвященными современному поэтическому процессу и наследию Серебряного века. Член Союза писателей Москвы. Лауреат ряда литературных премий. Участник международных поэтических фестивалей и форумов

СТИХИ СЛЕТАЮТСЯ, КАК МОТЫЛЬКИ...

САЛТЫКОВКА

Как чуждый элемент на перековку,
Согласно опрометчивым мечтам
Господь меня отправил в Салтыковку,
Чтоб я невольно просвещалась там.

Когда-то здесь, гоним и неприкаян,
Лицом нечист и одежкой рван,
На даче, где совсем не он хозяин,
Жил в юности художник Левитан.

Свои полотна он не видел - СЛЫШАЛ,
И музыка витала над холстом,

Однако формой носа он не вышел:
Он был еврей и сирота притом.

Впервые здесь свою он встретил славу -
Она над ним раскинула крыла...
Но как же ненавидел он державу,
Которая гнобила и гнала!

Конечно, сознаю я нестыковку:
Давно стоят иные времена...
Но стоит мне приехать в Салтыковку -
Я Левитаном делаюсь больна.

Я сплю - и просыпаюсь беспрестанно,
И безотчетно напрягаю слух:
Ведь где-то Исаака Левитана,
Я знаю, бродит беспокойный дух.

Здесь грязные киоски, сеть паучья
И брошенное кем-то слово "жид",
И сырый воздух неблагополучья
По-старому звенит и дребезжит.

ЧЕТКИМИ ПИСЬМЕНАМИ

То круто, а то полого...
Уходит вперед дорога.
Но знаю: только отважный
До цели дойдет однажды,
Хотя ведь каждый стремится.
Скорей распахнись, страница,
Где - четкими письменами -
Все то, что пребудет с нами!

РОМАШКОВЫЙ ЛУГ

Ромашковый луг,
 васильковое поле...
Им были доверены важные роли:

В них горе и счастье затеряны, что ли.
Ромашковый луг,
 васильковое поле...

Ромашковый луг,
 васильковое поле...
Сегодня мы видим фрагменты, не боле.
Посмотришь - и тихо вздохнешь поневоле:
- Ромашковый луг,
 васильковое поле...

СКВОЗЬ ПОРТЬЕРУ

Где-то в поле пролетают пули,
Никого из смертных не щадя,
А у нас тут по стеклу черкнули
Струйки летнего дождя.

Мнится: так же по щеке черкнули
Слезы, что скатились с век...
Где-то там, в безжалостном июле,
Умирает человек.

Небо молча плачет о потере,
Но о ней не говорят.
Виден мне - сквозь щелочку в портьере -
Этот дальний ряд.

КОСОЙ ЛУЧ

Солнца луч ложится вкось
На высокий подоконник.
Вновь нам встретиться пришлось,
Позабывтый мой поклонник.

Раз поклонник, то поклон:
Разве прошлое прощают?
Сердце, взятое в полон,
Никогда не возвращают.

ПОЛЯНЫ ПАМЯТИ

Поднимусь я утром рано- рано,
Словно нет мне от тоски подмоги.
Лепестки из тонкого сафьяна
Рдяный мак постелет мне под ноги,
А тюльпанов пестрые тюрбаны
Вдалеке мелькнут воспоминаньем...
Памяти цветущие поляны,
Я хочу пройти вас утром ранним!

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

В мелодию миг воплощается -
И трелью становится краткой.
Мир с ранней весной прощается.
Я в сад выбегаю украдкой.

Не помнит зеленое воинство
Объятья сурового снега,
И здесь обрывается таинство
Раскрытья цветка и побега.

НЕЗДЕШНЕЕ ДЕРЕВО

До земли касается стручками,
А такой обычай —
Кто не знает, убедитесь сами -
Только у гледичий.

Саженец ввезли соседи с Юга —
Ей не стать свободной.
Зябнет, но растет моя подруга
В почве чужеродной.

Смысла нет от жизни отречься.
Да, на Юге лучше,
Но она из племени акаций,
А они живучи.

Воздается каждому по вере,
И в цветенье вешнем
Буду я стоять на этом сквере
Деревом нездешним.

ЦВЕТЕТ СИРЕНЬ

Сирень цветет - запечатлеть сумеите,
Не успокоясь:
Виоле-скрипке и сиринге-флейте -
Поклоны в пояс!

Сирень цветет, пылая и бушуя,
Напомятая
И горечь слез, и сладость поцелуя
В преддверье рая.

Сирень цветет...
В ней шорохи и вздохи,
Мечты и тени...
Сплелись тысячелетья и эпохи
В одном цветенье!

Я

Нет, не такая уж придира
И не такая уж зануда,
И, взглядываясь в облик мира,
Я продолжаю видеть чудо.

Стоят каштанов канделябры
Среди весенних декораций...
Счастливей нет абракадабры,
В ней так несложно затеряться.

И, с отцветающей сиреню,
Весны последние всполохи
Качнут строкой стихотворенья
Среди безжалостной эпохи.

НАША ТАНЯ

На лавочке сидит моя соседка,
Шестидесятилетняя кокетка:
Немыслимых тонов на ней жакетка,
Ее венчает шарфик кружевной...
Теперь увидеть Таню можно редко:
Преградой стала лестничная клетка.
Костыль не держит, в поле зренья — сетка,
Но хочет поздороваться со мной.

Когда явилась Таня в Подмосковье,
То силушка у ней была воловья,
Но жизнь глядит суровую свекровью,
А лозунги - лишь пепел и зола...
На просьбы вряд ли поведут и бровью.
Девчонка из крестьянского сословья,
В запасе у нее одно здоровье.
Его-то мать-Отчизна и взяла.

Румянец Тани быстро съела бледность.
Кругом нужда голимая и бедность.
Здесь молоко с пометкою "За вредность" —
Позвал завод литейный: — Приходи!
Она и не раздумывала даже:
Ведь год за полтора проходит в стаже;
Пусть день-деньской в жаре она и саже,
Но главное - квартира впереди!

Нет, вряд ли в масле наподобье сыра:
Темно на кухне, а в гостиной сыро...
Но вот она стоит, ее квартира —
Под лестницей, на первом этаже...
Возможно, наша Таня громко плачет,
Но что сегодня эти слезы значат,
К тому же их она искусно прячет,
И долго ли ей маяться уже?

ТИХОЕ МУЖЕСТВО

Тихое мужество каждого дня,
Ты сохраняешь на свете меня.
Хочешь- не хочешь, а надо вставать,
Кофе сварить и заправить кровать.
В кухню из ванной бредет, семена,
Тихое мужество каждого дня.
Скоро весна. Птицы вновь запоют.
В гнездышке нужен покой и уют.
Чтоб не душили беда и нужда,
Праздники - редко, а будни — всегда.
Ты заслоняешь от смерти меня,
Тихое мужество каждого дня!

И НЕ ЗАМЕТИШЬ...

Стали чётче силуэты улиц,
Вот и даль ясна...
На оси планеты повернулись —
И опять весна.

Брось немедля хлопоты и счёты,
Что туманят взор,
Отвернись от дела и заботы -
И бегом во двор!

Может быть, внизу котёнка встретишь,
Бабочка раскинет два крыла...
Жизнь пройдет, а ты и не заметишь,
Что она - была.

ДРЕВНЯЯ МОСКВИЧКА

Не эту ль даму вез кабриолет?
По виду ей десятков десять лет.
Пальто и молью траченный берет,
Тому назад полвека бывший в моде,
И брошка — обесцвеченный букет —
Воспоминанье о далеком годе.

Рожденная в гражданскую войну,
Она их много помнит, не одну.
Сын пал на фронте, муж пропал в плену,
Мать умерла в послевоенный голод...
Закрасив хной и басмой седину,
Она бредет по снегу, ждет весну -
И век, еще не конченный, так долгод!

Не забывает зонтик в сумку класть,
На всякий случай громко хвалит власть:
Ведь важно не упасть и не пропасть —
Вот, пригодилась старая привычка!
И, нечто нелюбезное бубня —
Вполне возможно, впрочем, про меня -
В метро заходит древняя москвичка.

ПЕРЕВОДЫ

ПАУЛЮС ШИРВИС

Паулюс Ширвис по праву считается народным поэтом Литвы. Истоки его замечательного творчества – в ее колыбельных песнях и погребальных плачах, в ее традиционных верованиях и обычаях. У себя на Родине он почитаем и любим, однако в России до самого последнего времени оставался почти неизвестен. Более того, видный теоретик перевода Лев Озеров был искренне убежден, что поэзия Ширвиса абсолютно не поддается передаче на другие языки. К счастью, он оказался не совсем прав, хотя и, в самом деле, эта задача требует от переводчика филигранного мастерства и большой душевной чуткости, не говоря уже о хорошем знании языка и народного творчества Литвы.

Паулюс Ширвис обладал необычайно тонким слухом, не только вербальным, но и музыкальным, и безошибочно чувствовал самую суть, основное вещество поэзии и мифа. Именно эти, почти неуловимые, качества его стихов ускользают от большинства переводчиков.

Поэту выпала достаточно трудная и не слишком долгая жизнь (1920 -1979гг /). Он рано осиротел, воспитывался в детском доме, во время войны сражался на стороне Красной армии, побывал в плену... При жизни творчество Ширвиса было отмечено республиканскими премиями, он учился на Высших литературных курсах в Москве, некоторые его стихи стали песнями и ушли в народ. Думаю, просто необходимо, чтобы неповторимый голос Паулюса Ширвиса был услышан и за пределами Литвы. Предлагаемые переводы выполнены с оригинала с бережным сохранением особенностей авторской ритмики, строфики и самого духа этой необычной поэзии.

ОГОНЕК

Тихий месяц мерцает сквозь клены,
Но тебе в этот миг все равно:

В май звенящий, цветущий, зеленый
Ты спешишь занавесить окно.

Что нам месяц с кленовой листвою,
Раз ты хочешь остаться со мной?..
Лишь воробышек с медной струною
Примостился в углу, за стеной.

Нас любовь прямо в сказку поманит
И сплетет небывалый узор,
Закружит, опьянит, одурманит,
Расцветая в душе до сих пор...

Унесу, выходя на дорогу,
Я твоих поцелуев костер:
Он и в бури горит понемногу,
И сквозь вихри он пламя простер.

От него я строку зажигаю,
Напевая на каждом шагу:
В сердце я огонек сберегаю
И другому отдать не могу!

ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА

Как солнца,
Жажду, жду я
Тепла
Любимых рук...

Холодный ветер
Дует
И смолкла
Песня вдруг.

Встречались ли?
Загадка.
Была
Иль не была?

А может быть,
Украдкой
Иным путем
Прошла?

Как солнца,
Жажду, жду я....
Куда твой свет
Исчез?

И увидел
Звезду я,
Упавшую
С небес.

Меж яблонь
В пене белой
Багряный бант
Пылал...

Глядел я
Оробело,
Потом
Совсем пропал.

Подумал:
Встретил ту я,
Что так желал
И ждал.

Но лгали
Поцелуи
И ярких губ
Коралл.

Я сам сгорал,
Но руки
У милой
Словно лед...

Изныло
Сердце в муке,

Мороз
Вокруг встает.

Фальшивая
Монета,
Как твой
Обманчив свет!

Зато и сносу
Нету
Такой
С теченьем лет.

Холодный ветер
Дует,
Дорога
Вся в пыли,

А та,
Кого так жду я,
Опять
Вдали...
Вдали...

И зябко ей,
И знобко
Без песенки,
Одной...

Веди скорее,
Тропка,
К неведомой,
Родной!

ПОЗАБЫТЫЙ КУБОК

Ветер звезды задул,
Белый цвет с вишни рвет...
Слышен свадебный гул,
И гармошка поет.

Ты сидишь под фатой
Рядом с парнем вдали.
Виден кубок пустой
На полу, весь в пыли.

А в укромном углу
Неприметный такой,
Кто сидит, полумглу
Разгоняя рукой?

Он-то видит вас всех,
Дальше всех видит он...
Слышен звонкий твой смех,
Кристаллический звон.

Вы расстались, вы врозь...
Он грустит о былом.
Кубок выпивший гость
Раздавил каблуком.

Словно с вишен цветы,
Облетело, прошло...
Догадалась и ты,
Кем разбито стекло.

Ветер звезды задул,
Погасил огоньки...
Отодвиньте же стул -
Подберем черепки.

Равнодушен твой вид,
Только боль о былом
Все саднит и звенит
В сердце битым стеклом.

ВЯНУТ ЦВЕТЫ В ПЕСКЕ

Двигается полк солдат.
За братом шагает брат.
Где тот,

С волосами янтарного цвета,
Посеревший от пыли,
Идет?

А дорога в пыли,
В пыли,
В пыли,
Пропадают солдаты вдали -
И только следы от их сапог
На песок легли.

Где завеса белесой пыли,
Тот солдат идет.
Для него сквозь года и мили
Цветок цветет.
Обернулся -
Не тот...

А дорога в пыли,
В пыли,
В пыли,
А солдаты вдали,
Вдали...
Лепестки от цветов, увянув,
В песок легли.

НА ПУТЯХ СРАЖЕНИЙ

Качаются дубравы
От бурь и от гроз.
На грядке никнут травы
От девичьих слез.

Сестрице жалко руту,
Еще жальче брата:
Забрили в рекруты,
Забрали солдата.

Качай, молодка, люльку,
И всадник на коне
Качнется... Да вот только
Вернется ли к родне?

Качается зыбка
Над заревом войны,
И чья в том ошибка?
Средь бурь мы рождены.

Литва, тобою дышим
Сквозь годы и века,
В историю впишем
Сверканием клинка.

А косточки наши
По берегам седым
Нельзя собрать даже
Ни близким, ни родным.

Придет иной владыка -
У сильных все права...
Но в качке этой дикой
Не сгинь, моя Литва!

Я ТАК ЖДУ

Закатилось,
Покачиваясь,
Солнце
За леса,
Поросшие пьяничкой.

Листья пали —
Пожелтели,
Умерли письма
И скатились,
Словно комья земли
На крышку гроба.

Так унынью
Сердце отворилось.
Замер я,
Словно Саулис
В легенде Чюрлениса.

За мерцающим
Звездным шлемом
Тянет Яблоня
Далекие руки —

Стосковавшаяся,
Нагая,
На меня
В ожидании
Похожа.

Я так жду,
Так жду,
Чтобы кто-то
Отодвинул затвор!
Пустота.
Ни души.
Пусть хотя бы
Заблудившийся
Вор!

Как безлюдно
В той ночи!
Как в лесу...
Может,
Смерть
Острит об окна
Косу?

Но звезда
Зовет на правильный путь
И надежду
Шлет
В преддверье зари...

Я так жду.
Я так жду...
Отвори же дверь,
Отвори!

БОЛЬШЕ НЕ ВЕРНУСЬ

Ты осталась
Навеки
Там, на другой стороне,
Где солнце
Скатилось
Над лесом.

Осталась любовь
Словно одинокая
Могила.

Там и ты
Осталась
Незапятнанной.

Больше
Не вернусь.
Там мост
Из золотой радуги
Охраняет тайну:
Маленький домик
Со всеми
Забытыми
Обещаниями.

Я ТАК ОДИНОК

Я так одинок
Я не стою
Твоих нежных слов
Словно звезд
На глади прудов

Я так одинок
Один-одинешенек
Столковался
По рассветным садам
И пению петухов

Я не достоин
Я много чего недостоин
И почти всегда неспокоен

И не только тебя
Вспоминаю порой
Когда пробираюсь тайком
В ночной
Пустой и негостеприимный
Холодный
Никого не ждущий дом

Ты чиста и свежа
Словно печаль полонеза Огинского
Так побудь же еще
Побудь
Блуждающим
Не гаснущим огоньком

ПОДАВАЛЬЩИЦА

Ты нам улыбаешься,
Официантка.
Глаза —
Как в пекле колодцы...
А мы -
Всего лишь пьяные черти,
Не в силах
С чарой бороться.

В корчме густой туман
Цвета пепла
Качнется,
Точно подвешен,
И ты несешь
Напиток из пекла,
На боли моей
Замешан.

Неси же нам водку,
Что горше жёлчи.
Всему суждено кончаться,

И, может, так же
Я буду молча
Как дым,
На сосне качаться.

Две чарки водки
Сюда неси:
С товарищем
Мы вдвоём.
За то, что каждый
В себе удушил,
Сегодня мы с ним и пьём.

Не бойся:
Не станем к тебе приставать.
Ты чарку допей -
И вот
Сама не заметишь:
В твоих зубах
Бесовский клинок
Сверкнёт.

Из мести
Я не меняю рук,
Не встану в дверной проём,
Пускай она хлопает и трещит,
Что нам не бывать вдвоём.

Как воеет сердце!
Ему велю
Я, пьяный,
Из темноты
На горле своем
Захлестнуть петлю -
И то же сделаешь ты!

Ты тоже,
Поняв, что нежность - на час
И краток любви дурман,
В холодную ночь

За прежним теплом
Уйдёшь в кабацкий туман.

Налей же скорей,
Несущая жёлчь,
Той горечи
В чарку мне!
Не бойся:
Ведь я не схожу с ума,
Не вешаюсь на сосне.

МАТУШКА ЯБЛОНЯ

Гром грохотал. Сад грозой пропах,
И за стеною ливня
Кого ты качивала на руках,
Матушка яблоня?

Зеленые ветви наотмашь
Сшибали молний клинки...
Ты бури многие помнишь:
Ведь корни твои глубоки.

Ты деток крепче стискивала
На трепетном стволе,
И слезы между вспышками
Мерцали на земле.

Недолго властвовать грому,
И солнышко вновь взойдет.
Ты саду верна и дому,
Рождая, как мой народ.

Плоды вынашивать на ветвях
В грозу - твой будничный труд,
Но те цветы, что растут в горшках,
Никак тебя не поймут.

ШЕЛ ДОМОЙ ФРОНТОВИК ЗАПЫЛЕННЫЙ

Май веселый и жаркий катился:
Реки полны воды,

Белым снегом — сады...
Шел он с фронта туда, где родился.

Через тропки-пригорки
В сизом дыме махорки,
Вещмешок за плечами зеленый —
Средь веселого мая,
Сердцем все принимая,
Шел домой фронтовик запыленный.

Вновь в краю он родимом и милом.
Если в дверь постучит,
Кто навстречу помчит,
Как-то примет идущего с миром?

Забывались былые невзгоды:
Боль полученных ран,
Дали пройденных стран...
Ведь на родине не был он годы.

У колодца, где дымка клубится,
Как богиня, юна,
Набирала со дна
Тишь вечернюю в ведра девица.

Пахла девушка ягодой спелой.
От смущенья зардев,
Башмаков не надев,
Убежала — и солнышко село.

Он вокруг огляделся невольно,
И отпущен войной,
Стал без чарки хмельной,
А в душе — словно звон колокольный.

И любого в пыли придорожной,
Лишь хватило бы рук,
Крепко обнял бы вдруг,
Если б было такое возможно.

Через тропки-пригорки
В сизом дыме махорки,

Вещмешок за плечами зеленый —
Средь веселого мая,
Сердцем все принимая,
Шел домой фронтовик запыленный.

ТЕННЕССИ УИЛЬЯМС

Теннесси (Томас Ланир / Уильямс – не просто громкое имя и культовая фигура в американской драматургии XX столетия. Это поистине демиург, сумевший создать свой собственный театр и свой неповторимый художественный мир. Не будет преувеличением утверждать: мы вправе говорить о театре Т. Уильямса так же, как о театре В. Шекспира. Разумеется, мир знает его прежде всего как драматурга, автора таких блистательных, оригинальных и ярких произведений для сцены, как «Стеклянный зверинец», «Орфей спускается в ад», «Трамвай Желание», «Кошка на раскаленной крыше», «Сладкоголосая птица юности» и многих других. Они были переведены на множество языков, с триумфальным успехом ставились на сценах всего мира, в том числе и в лучших театрах нашей страны (МХАТ им Чехова, Театр Маяковского, Театр на Малой Бронной - всех и не перечислишь, не говоря уже о провинциальных сценах / . Самые талантливые и знаменитые актеры считали честью для себя исполнять роли в его пьесах. Стоит упомянуть, что незадолго до кончины одного из персонажей Уильямса готовился воплотить В. Высоцкий в театре на Таганке. Многие пьесы драматурга были экранизированы, некоторые – даже неоднократно, и снимались в них звезды первой величины. Ничего удивительного, что экранные версии также получили мировое признание. Т. Уильямс – дважды лауреат Пулитцеровской премии. Впрочем, все перечисленное – достаточно общедоступные факты, сегодня же, наряду с ними, я постараюсь рассказать вам многое из того, что широкой публике известно гораздо меньше.

Его стихи – совсем не то, что пьесы:
Они тихи
И вот- обойдены вниманьем прессы
Его стихи
И не готовы к выходу на сцену,
А мир привык
Читать лишь то, что обретает цену:
Бродвейский боевик.
Одна беда: себя не приневолишь –
Пиши иль не пиши,
А строки все бегут..
Они всего лишь
Дневник – точней, двойник –
Его души.

Елена Печерская

РАЙСКАЯ ТРАВА

Эти ноги ступали по райской земле,
Когда солнце сияло в небесном стекле.
Эти ноги бродили по райской траве,
Когда звезды мерцали на синей канве.
А потом, в тихом шелесте майского дня,
Мать кричала от боли, рожая меня.
Я учился прямее держаться в седле,
Я учился смелее шагать по земле.
Но, лишь солнце растает в ночной синеве,
Эти ноги зудят по небесной траве,
Эти ноги тоскуют по райской траве.

ПРОСТРАНСТВО ПОТРОГАТЬ РУКОЙ

Спою я про племя бродяг,
Пока что не мертвых.
Вон юные ведьмы летят
На утренних метлах,

И голод скрывать не впервой
Задирам-мальчишкам...
Их много, но всем повезло
Признаться, не слишком.

В зеленое сердце листка
Вхожу неизменно.
Есть в мире мой собственный мир
Моя мизансцена.

Я был бы не против узнать,
Как мается демон
По истому зову небес...
Ответьте мне, где он?

Мы лучше, читатель, с тобой
Пониже поищем.
Здесь каждый предстанет, поверь,
Гонимым и нищим.

Я просто хочу рассказать,
Как пасмурным днем

Я их на дорогах встречал,
Палимых огнем.

Девчонка увидела мир,
Узнав много бед.
Мальчишка ослеп, но прозрел
Тот, внутренний, свет...

Везде, в каждой точке земли,
За каждой строкой
Пространство стремятся они
Потрогать рукой!

БЛЮЗ КУХОННОЙ ДВЕРИ

От простуды старуха моя померла.
Сигареты курила и дряхлой была:
Ребра как на корсете, прядки желтых волос...
Ее ветер из кухонной двери унес.

Впрочем, я не моложе ничуть, чем она.
Сигареты курю да сию у окна.
Вот и выгляжу что-то неважно теперь...
Закрывайте плотнее проклятую дверь!

МЕЛОДИЯ КАРУСЕЛИ

Оборот, оборот, новый оборот...
Нас, космических уродцев, карусель везет.

Мы- всего лишь кривая ухмылка творца,
И зовется звезда "Верь -не верь" в нашу честь...
Каждый видит, как пьяный, что сосед очень странный.
Каждый прав, безусловно: ведь все так и есть.

Оборот, оборот, новый оборот...
Нас, космических уродцев, карусель везет.
Мы потеем и пыжимся ради любви.
Что же это такое - любовь, наконец?
Просто не без усилий глупый маленький Вилли
Испытает все то же, что прежде отец.

Оборот, оборот, новый оборот...
Нас, космических уродцев, карусель везет.

Мы можем скакать лошадам под стать
Иль застрянем, как стрелки, внезапно...
Нет для грусти резона: ведь начало сезона.
Будет новая ярмарка завтра!

Оборот, оборот, новый оборот...
Нас, космических уродцев, карусель везет.

МЫСЛИ НА РАССВЕТЕ

За окном рассвет.
Я умру.
Но почему?
А почему бы нет?

Жив пока:
Время идет,

Небо
Посветлело слегка.

Сити продрог,
Словно молвил Бог:
"Города
Встают с восходом всегда!"

Будит восход
Всех в свой черед,

Тянется нить,
Чтоб подтвердить:

"Десятый этаж.
Пока живу.
Вместе с ним
Шевелюсь наяву..."

Словно рек Господь:
"Смерть послать?
Неет!
Пусть-ка встретит он
Еще один рассвет!"

РОЖДЕННЫЙ ВО ВТОРНИК

Мой братец Ник был вовсе не затворник.
Он в этот мир пришел во вторник,
был обаятелен, и больше ничего...
Я не любила никого.
В тот самый год,
когда на брата сыпались победы,
меня, я помню,
укусила вдруг
собака нашего соседа

(причем, похоже, именно во вторник /.
Был долгий взгляд.
Он сердце мне обжег.
Но, чтобы оглянуться, задержаться,
я не смогла найти предлог,
и больше я не видела Его...
И не любила никого.
Мой братец Ник был вовсе не затворник.
Любовницы, подобно лунам,
и до сих пор вращаются вокруг:
брюнетка, а за нею золотая,
а третья, помню, стала вдруг седой...
Но флейта, даже и грозя бедой,
по-прежнему рождает дивный звук.
Я не любила никого.
Мой братец Ник, как прежде, не затворник.
Лай гончих псов зовет издали -
забыты сразу прежние утраты...
А я смотрю на маленького паучка
среди белизны дверного косяка...
Я жду брата.

ПОСЛЕДНЕЕ ВИНО

Открыты комнаты для всех,
Кому здесь ночь встречать пришлось.
На двор просторный без помех
Свинцовый свет ложится вкось.

Звон колокольца каждый час
Кого-то поднимает в путь,
И сторож, успокоив нас,
Вновь предлагает всем уснуть.

Но если напряженный слух
Угмонить тебе дано,

Увидишь: золотой петух
Глодает звезды, как зерно,

Пока, спускаясь на этаж
Вдоль узких лестниц винтовых,
Невидимый, безмолвный страж
Несет вино сердец живых.

ХРИСТОС ИЗ ГВАДАЛАХАРЫ

1

Христос из Гвадалахары замер
в ожидании алого рассвета.
Его женственные пальцы
сжимают серебряное распятие,
а пепел отпылавших роз
он на сандалиях принес.
Его нагота, благоухающая мускусом,
бледная, словно перламутр,
окутывающий незапятнанный мир,
вытянулась в предрассветных сумерках,
чтобы смог в нее облечься Он,
в тот момент, когда будет рожден.

2.

Ласточки носятся отчаянными кругами
над потемневшими колоколами,
а на площади внизу гитана
бормочет заклинанья беспрестанно.
В комнате под высоким сводом
слышен ливень и тени крадутся;
индейцы, сидя на корточках, держат
с желтым маисом луноликие блюда.
А бутылки с Lachryma Christin*

* Lachryma Christi - сорт красного вина. Дословно - "слеза Христова"

спят на полках под паутиной,
и завтрашние святые стонут,
бичуя себя на картинах.

3.

Камень катится со ступенек -
отворяется вход в темницу.
Появляется Божья Матерь,
терпелива и темнолица.
В три погибели наклонилась,
на коленях стоит в углу
и целует одежды Гесу*
на холодном жестком полу.
И, лобзая, благословляет,
дабы легче было ему...
Слезы льются, словно алмазы,
вниз, на шелковую кайму.

4.

Время - словно гром отдаленный,
грозный ропот грунтовых вод
или колокол, чьи удары
ввысь восходят, под самый свод.
А Христос из Гвадалахары
ни восстать не может, ни спать,
и парят над ним ангелы Божьи,
дабы звук его речи принять.
Отрешенно бормочут: "Смерть!",
Он же шепчет: "Любовь! Любовь!",
и дыханье Девы Марии
между ними мечется вновь.

5.

Христос из Гвадалахары
бьется в соли своей простыни.

* Gesu -Иисус

Беспощадные гвозди пронзили
и ладони его, и ступни.
"Сжался, сжался, о Матерь Божья!"
Если б только она могла,
лишь за каплю крови Господней
свой небесный венец отдала.
Но, одна в своей царственной скорби,
La Madrecita* несет
в мир, подобный углу без лампы,
холод Розы Горних Высот.

ХИЖИНА

Было в доме уютно,
Мальва кротко цвела.
Горький шепот не крался
От угла до угла.

Солнце ярко сияло
В переплете окна,
Но мужчину и бурю
В дом впустила она.

Ныне в хижине этой
Зимний ветер поет
Там, где двое грешили
Всю ночь напролет.

Белый дождь их дыханье
Выметает долой,
Словно ведьма седея
Огромной метлой!

* La Madrecita - "матушка", то есть Богородица

ГОРОДА - ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ

Города - драгоценные камни
В семь, после заката,
Озаренные фонарями,
В сверканье аркад...
Высоко, высоко, высоко
Над ними летает тончайшая музыка ночи.

О, почему же они не те,
В какие мы свято верили прежде -
Немеркнущие самоцветы,
Бриллианты, упавшие в воду?..

ЛЕС ТЕНЕЙ

Я помню: деревцо цвело
В овраге, где всего темней,
И звали Нежностью его...
Качался рядом Лес Теней.
Ладонки-листья за плечо
Меня пытались удержать,
А я спешил увидеть мир -
И не желал стоять и ждать.
Я знаю: деревцо цветет
Все там же, но с течением дней
Мне все труднее отыскать
Мой тонкий ствол в Лесу Теней.
Оружье, что отсрочит смерть,
За нежность я отдать готов,

Но сам я обратился тень,
И не найти мне нужных слов.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ ПЬЕСЫ С ДВУМЯ ГЕРОЯМИ

1.

Страх -зверь, огромный, словно ночь.
Он тенью хочет ускользнуть
И от ловца уходит прочь,
Неуловимый, точно ртуть.
Его мы выгнали вчера,
А он обратно в дом ползет,
Как мышь, в углу сидит с утра
И стены, словно мышь, грызет.

2.

Красавицы минувших лет
Заполнили бульвар.
Болтают за игрой в крокет.
Тень лижет тротуар.
И под зеленым тентом вновь,
Былым мечтам взамен,
Коты с камнями на когтях
Крадутся в ночь вдоль стен.
Ползут, дыханье затаив,
Уставясь из-под век,
И злоба на лице любом
Застыла, словно снег.

ОРФЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

1.

Говорят, что золото подземного царства
склоняет головы под тяжестью венцов,
сжимает пальцы плотностью колец,
браслеты превращает в кандалы.
Как прошла сквозь эту тяжесть Эвридика?
Говорят, что воздух подземного царства
невозможно вдыхать от рубиновой пыли,
ибо металл и камень истирают друг друга в прах.
Как могли различить там звучание струн?

Говорят, что во мрак подземного царства
не проникает свет.
Есть лишь мучительные переходы
из тьмы во тьму,
а в них лишь смутно различим
ход судилища,
на котором судьи раздавлены
тяжестью собственных мантий
и с трудом поднимают веки.
Как прошла сквозь эту тяжесть Эвридика?

2

Конечно, можно вспомнить чудеса,
Которые творил ты на земле,
где вторили тебе лесные чащи
и реки
изменяли свои русла,
словно руки,
согнутые в локте,
вслед за твоим прикосновением
к струне...
Обыденное чудо,
которое следует счесть незавершенным.
Тебе, как и прочим смертным,
предречено узнать,
что вечной остается только жажда -
жажда паденья.
Камень с вершины
быстро катится вниз по склону,
а струя воды,
взлетая вверх,
разлетится на тысячи брызг.
О, теперь карабкайся, Орфей,
по разрушенной стене
собственного его,
ибо ты теперь не звезда,
упавшая с небес на струны лиры,

а всего лишь прах под ногами
растерзавших тебя менад!

ПОЯВЛЕНИЕ

К вам обращается он,
небеса и море!
Его не слушают -
ему и мало горя.
Не нужно серебра ему -
вот чудо!-
и не прельщает
зелень изумруда.
Ни горечь не влечет его,
ни солод.
Продрогнув,
он не проклинает холод,
согбенный,
не твердит,
что он не молод.
И юность длится,
как глоток из фляги:
трюк заклинателя
и грация бродяги.
Вновь ветер странствий
гонит из-под крова.
Придет ли он опять?
Конечно,
он вернется снова:
услышим вновь
его несказанное слово.

МИСТЕР ВСЯКЛЬ

Я повстречал его жену
сегодня у ворот.
— Где мистер Всякль? — ее спросил.
— Он в воздухе живет.

— А как он выглядит? — спросил.
— Мне это неизвестно.
Он крылышками шелестел,
ко мне прижавшись тесно.
Как птичка, на меня вспорхнул
и крыльями своими
меня слегка царапал он,
не называя имя.
— Он, верно, причинил Вам боль,
когда покинул Вас?
— Нет, что Вы! — молвила, смеясь,—
— Забыла в тот же час!
Сломалась — и пронесся стон,
чтоб завершить спектакль,
и птица выпорхнула вон:
— Знакомьтесь — мистер Всякль!

РАССВЕТ НА УЛИЦЕ БУРБОНОВ

Он знал, что он скажет это. Но мог ли он в это поверить?
Он подумал о невинных рассветах на улице Бурбонов,
о залитом солнцем дворе,
о ручке двери в виде львиной головы...
Он подумал о том, что солнечный свет
не остается прежним после дождя;
о голубях и пьяницах — они появлялись навстречу
из-под одних и тех же каменных сводов,
чтоб шевелиться словно бы с удивленьем
под благословенными солнечными лучами.
Он подумал о высоком железном всаднике перед Кабильдо,
который галантно приподнимал шляпу
перед старыми проходимцами,
в то время, как туман с реки
медленно, крадучись наползал на него.
Он вспомнил сладковатый запах гнили
в Старом квартале,
похожий на предупреждение

о том, что он прежде узнал.
Он вспомнил о вере
и об ее постепенной потере
и о том,
как вновь сложил из осколков
нечто подобное ей.
Но о, как закипела его кровь,
когда однажды, в ответ на неожиданный зов из окна,
он остановился на обочине и впервые подумал:
"Любовь. Любовь. Любовь."
Он знал, что он скажет это. Но мог ли он в это поверить?
Он вспомнил об Ирен, чье тело продавалось
ночью за собором.
Картинки, похожие на выкрики, висели в публичных местах,
грубые, точно кулак, дробящий чужую улыбку.
Он вспомнил о моряке, который писал с борта судна,
нескладно, с огромной силой своего неуклюжего языка,
погибшем на танкере у побережья Флориды,
о скрытой, нерастроченной силе, которая сгорела в нефти.
Он вспомнил о богатых торговцах антиквариатом,
чьи столы из розового дерева сверкали,
словно кровь, под светом лампы.
Он вспомнил о своих друзьях,
он вспомнил о своих погибших товарищах,
обо всех, к кому он прикасался
и чье прикосновение прежде знал.
Он заплакал от воспоминаний.
Но когда он перестал плакать, он умылся,
он улыбнулся собственному отражению в зеркале,
готовясь сказать той, которую он ожидал:
"Любовь. Любовь. Любовь".
Но мог ли он в это поверить?

БЛЮЗ ЗОЛОТОГО ЗУБА

Мы способны на многое, чтоб мужчину привлечь:
в легком платье готовы мы простудиться и слечь,

выбираем каблук высоченный, литой,
зуб здоровый меняем на зуб золотой.
У меня во рту зуб блестит золотой,
и поэтому вид у меня непростой.
В банке деньги и золото так приятно иметь,
и кольцо золотое больше ценят, чем медь,
но послушай меня, опыт мой не соврет:
не клади на хранение золото в рот.
У меня во рту зуб блестит золотой,
и поэтому вид у меня непростой.
Рано утром в постели, посмотрев на твой зуб,
может ляпнуть мужчина, тот, что так тебе люб,
и в комочек сожмется сердечко, скорбя:
"Слушай, женщина, зуб этот старит тебя!"
У меня во рту зуб блестит золотой,
и поэтому вид у меня непростой.
Если денег на выпивку не достать нипочем,
на тебя он накинется с перочинным ножом.
Он зарежет тебя, беспощаден и груб,
он продаст и пропьет его, золотой этот зуб!
У меня во рту зуб блестит золотой,
И поэтому вид у меня непростой...

ДОГОВОР

Если ты счастлива, я протяну тебе яблоко.
Если расстроена - руку твою я пожму...
Буду я рад, если только сама ты позволишь,
Радость дарить тебе, к сердцу прижав своему.
Если я счастлив, то яблоко ты мне протянешь?
Если расстроен я, руку мою ты пожмешь?
Буду я рад, если только сама ты захочешь
К сердцу прижать меня — право же, это не ложь.
Это такой договор. Заключение его могут двое,
Если уверуют, разуму вопреки,

Будто влюбленные могут прогнать злых духов
С помощью яблока или пожатья руки.

КАК РАЗВИВАЮТСЯ СОБЫТИЯ

События развиваются везде.
Во Флоренции Висконти ставит "Троила и Крессида".
Одновременно я страдаю в Риме.
Висконти, впрочем, действует в своей системе координат,
а я - в своей,
и слово "одновременно"
вряд ли здесь уместно.
Я опасуюсь заикания во время речи.
Висконти, вероятно, опасается провала.
Мы оба опасаемся людей:
я опасуюсь говорить с людьми,
Висконти - того, что скажут люди.
Наши страхи параллельны во времени.
Обоих нас спасти могла бы скромность:
вот если б я внезапно стал так скромен,
мне было б все равно.
Вот если бы Висконти стал так скромен,
ему бы тоже было все равно.
Однако гордость мучает обоих.
Считается, что мы сосуществуем во времени.
Однако время создают события,
и ежели события так различны,
как может время
быть одним и тем же?
События. Время. Система.
Слова выскальзывают из собственных значений.
Однако жизнь прошла не бесполезно.
Так думаю я,
отворяя дверь
в больницу для умалишенных.

Здесь, трижды в неделю,
я навещаю сестру
по адресу:
Лидвуд, штат Миссури.

REQUERDO* -1 БЕСКРОВНЫЕ ФИАЛКИ УИЛЬЯМС

Он вспомнил смерть своей бабушки,
чьи руки опускали
белые занавески в спальне,
пока он не переехал на Электрик авеню.
В детском спектре памяти
она оставалась белой,
словно сверток белья
в высоких солнечных комнатах.
Вряд ли было предопределено Богом
или кем-то из его приближенных,
чтобы время застревало на сгибе ее локтя,
или чтоб именно она,
которая никогда не причиняла вреда
пернатым,
отнесла клетку, полную ласточек,
в спальню недоброго гостя,
потому, что ее руки,
скрученные артритом,
кончики ее пальцев,
всегда немевших зимой,
никак не могли справиться
со старой-престарой шпилькой,
обкрученной вокруг петель
на дверце клетки...
Но вот первые,
почти бескровные весенние фиалки
убрали в подвале
из-под моечной машины,

* Requerdo (исп./ - воспоминание)

и стало ясно,
отчего такая вялость
поднималась от дверей прачечной,
заставляя гостей зевать.
Возможно, стало также объяснимым,
почему полусонное озорство
укладывало его в постель
с молодыми ведьмами,
непонятными существами
неопределенного пола,
словно медленно тянуло
жилы из его костей,
оставляя -
окончательно,
холодно,
нежно -
лишь влажные инициалы Эроса.

REQUERDO-2 ЭПИЗОД

О, пространство долгих, долгих проливных дождей!
Оззи, чернокожая нянька,
пытается сладить с навесом.
Неравная схватка,
в которой она проигрывает.
Вспышка молнии!
Ее накрахмаленная белая юбка
полощется в небе!
-О боже, миз Уильямс!
Жидкая мазь жалила ее,
а утром
телефонный кабель у нас на чердаке,
скользкий, почти бесцветный -
торнадо на берегах Миссисипи!

REQUERDO-3 БУМАЖНЫЙ ФОНАРИК

Моя сестра была во всем проворнее меня.
В пять лет она отвечала
таблицу умножения,
почти не переводя дыхания,
а я возился
с цветными кубиками
в детском саду.
В восемь она играла
"Идиллио" и "Танец с шалью",
а я корпел
над упражнениями
и таблицами.
В пятнадцать лет моя сестра
не стала ждать меня, как раньше,
на углу возле аптеки Уайт Стар,
а ринулась сломя голову
в неизведанное -
в Любовь!
И сразу встретила гибель,
поскольку вспышка любви
(врачи ее называют ранней вспышкой безумия /
пылала в ее сердце
всепожирающим огнем
всего один сезон -
и спалила его,
как бумажный фонарик!
Оторванный от бечевки,
растоптанный на полу,
мигнувший всего три раза
прощальной вспышкой огня...
Моя сестра была во всем проворнее меня.

ПУЛЬС

Она с тобой,
страна пролитых слез.

"Будь терпеливым!" -
кто совет принес?
И на глаза
густой туман ползет,
сухой, горячий
и соленый рот...
Язык привязан,
и пленен полет.
Как быстро
бьется жилка у виска!
И я, и ты -
мы на лисиц похожи,
и все мы
ускользаем от стрелка.
На краткое мгновенье,
словно крик,
свет бьется у поломанных ворот,
качается фонарь
в своем стекле -
и на биенье пульса он дает
сквозь тьмы тенета
проскользнуть земле.

ВЕНОК ДЛЯ АЛЕКСАНДРЫ МОЛОСТОВОЙ

Марии Бритневой

Хорошо вспоминать —
отмечать годовщину и вспоминать —
как мы вошли под темные своды
храма святого Филиппа
и внесли в честь нее эти розы —
мы, пятеро высоких торжественных мужчин
в простой и серой уличной одежде,
и запели,
и благоговейно мерцали свечи.
Хорошо вспоминать пятерых
высоких и скорбных мужчин

в их простом уличном одеянии.
Они не рыдали, но шли торжественно,
словно само расставание.
И было холодно в склепе,
когда мы в него спустились,
и благоговейно мерцали свечи.
Хорошо вспоминать —
отмечать годовщину и вспоминать
мелодию ее имени
Александра
и медленное повторение
имени Александра,
словно железный колокол
вызванивает до сих пор
величавое имя
Александра
и опять — Александра...
Хорошо вспоминать холод склепа,
согретый присутствием роз
и благоговейным мерцаньем свечей
и пятерых торжественных мужчин
в простой и серой уличной одежде,
поющих имя ее —
Александра,
мелодию имени —
Александра
и вновь —
Александра...
Но для тебя
было бы в тысячу раз милосердней забыть,
сестра Мария,
миру ее предать и забвению,
в руки ее вложив этот венок
и белый безмолвный крест
из России,

тихо проститься с ней,
прошептал:
"Спи, Александра..."

СТРАНА БОБОВОГО СТЕБЕЛЬКА

Видели, как безумные входят в комнату?
Слишком смело!
Их глаза взрываются в воздухе, словно бутоны:
они ведь заходят из тех миров,
где мы никогда не бывали.
Всегда их сопровождает
некто маленький и дружелюбный,
кто стоит между их страшным миром — и нашим,
по виду внося ясность,
на деле лишь улыбаясь:
так белоснежный череп кивает
над потерпевшим крушение судном.
Они не замечают нас,
как и других воскресных посетителей
среди герани и плетеных кресел,
словно Джек, который карабкается
в страну бобового стебелька,
страну молотков и сверкающих наковален,
по сравнению с которой
тот застекленный солярий,
где мы встаем им навстречу,
кажется тусклым.
Новости, которые мы приносим,
обычны и будничны,
проникнуты ясным идиотизмом полдня
и не идут ни в какое сравнение
с тем, что сами они подсмотрели
сквозь пылающие поленья
в печи у людоеда.
И мы невольно отступаем,
а некто белоснежный произносит:

"Не обращайтесь к нему:
Сегодня он возбужден!"

ЖИЗНЕННАЯ ИСТОРИЯ

После того, как вы впервые
оказались в номере вдвоем,
без преимущества или неудобства
предварительного знакомства,
другая сторона обычно произносит:
"Расскажи мне о себе.
Я хочу знать о тебе все.
Поведай историю своей жизни!"
И вы думаете: а вдруг она
и в самом деле жаждет услышать
повествование о вашем существовании?
И вы закуриваете сигарету
и начинаете свой рассказ,
при этом оба лежите
в совершенно расслабленных позах,
словно пара тряпичных кукол,
небрежно брошенных на постель
рукою ребенка,
уставшего от игры.
И вы рассказываете свою историю,
точнее, ту ее часть,
которую позволяют время или приличия.
Другая сторона произносит: "о, о, о..." —
с каждым разом немного слабее,
пока этот возглас
не становится вздохом,
и тогда обязательно что-нибудь вас прерывает.
Медлительная прислуга
приносит чашу
с подтаявшими кубиками льда,
или же один из вас поднимается
и глазееет на собственное отражение

в зеркале ванной комнаты.
А потом, не давая возможности вспомнить,
на каком месте вы оборвали
свою волнующую повесть,
другая сторона приступает
к рассказу о собственной жизни.
Вы же, в свою очередь, произносите:
"О, о ,о..." — с каждым разом все слабее,
пока этот гласный не превратится
в едва уловимый звук,
точно гостиничный лифт на полпути,
по коридору за поворотом налево,
испускает последний продолжительный вздох
крайнего утомления —
и останавливается навсегда.
Что же потом?
А потом один из вас засыпает,
другой же следует его примеру
с зажженной сигаретой во рту...
Вот именно так и сгорают заживо
в гостиничных номерах.

ЧЕЛОВЕК В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Сидя неподвижно в обрамлении
мелькающих мимо пейзажей.
сгорбленный и сплющенный
под их неуместным грузом,
человек в вагоне-ресторане
не заметил Вайоминга,
думая только о том,
о чем старался забыть
и что срасталось с ним тем теснее,
чем сильнее он рвался с этим расстаться.
Когда воздвигалась одна перегородка,
другая рушилась.
Он был в заточении

внутри душной черепной коробки
с осязаемыми частями своего тела, -
глазами, ртом, пальцами
и, коротко говоря, полом -
дававшими возможность
некоторого ухода.

Да, он не вынес
собственного заточения,
купил билет в другой город,
изменил имя,
пополнил круг знакомых
новыми лицами,
которые оказались
до обидного похожи на прежних.

И теперь в вагоне-ресторане
он ждал движения,
чтобы сбросить камень
с собственного сердца.

Однако камень ехал вместе с ним,
погрузившись в вагон в Манхэттене,
оставаясь в вагоне в Чикаго,
оставаясь в Сен-Поле,
оставаясь в Шайенне
и, похоже собрался
в кругосветное путешествие.

Он провел пальцами по жилету,
вынул из кармана часы,
передвинул цепочку,
растегнул три верхние пуговицы...

Тяжесть осталась.
То, что он вез с собой,
было невидимым балластом.

Он даже размышлял,
как бы он почувствовал себя
без этого груза:
очень легким?
абсолютно нематериальным?

Возможно, без него
ехать по железной дороге
было бы вовсе не нужно:
ощущение земного тяготения
было бы утрачено навечно.
Металлическое мерцание
огромного диска
полуденного солнца над Вайомингом
отмечало бы его надземный путь.
Тихое и мирное жужжание
в сверкающем воздухе
возвещало бы о его прибытии.
Но пока, неподвижно сидя над чашкой бульона,
содержащей полупрозрачную бесцветную смесь
мяса и риса,
он занимался расслаблением мышц
по системе йогов,
заставляя себя обмякнуть,
словно порванная бечевка.
Но губы его оставались
сухими и плотно сжатыми,
а взгляд продолжал ловить
бессмысленную вереницу
стремительно проносящихся мимо
телеграфных столбов.

ХОЛМ ЗОЛЫ

1

Позади сент-джеймских фабрик
приютился этот карлик -
дом, Матильдино добро,
выгребавшей серебро
из карманов у рабочих,
у приказчиков и прочих...
Многим позволял карман
закрутить такой роман.

2

Рыжая, черты спитые,
правда, зубы золотые,
не юна и не стара,
но известная игра
с ней всегда была приятна:
зад у ней был необъятный,
бюст внушительный и прочный,
словно с фабрики молочной.

3

Словом, ей жилось неплохо.
Право, целую эпоху,
словно сыр, каталась в масле...
Вряд ли силы в ней угасли,
но Матильда как-то вдруг
бросила наш дружный круг,
дом закрыв, где ей везло,
и оставив ремесло.

4.

Город слухами кипел:
"Как? Матильда не у дел?!
Не грозит ли ей тюрьма?
Не сошла ль она с ума?"
Лишь мороженщик, пожалуй,
забрел к ней, как бывало,
но и он, весьма похоже,
также путал правду с ложью.

5.

Шесть уж миновало лет.
Вдруг, нарушив свой обет,
без особого резона
(разве что конец сезона /
к нам Матильда вновь пришла...

Вышло солнце - меркнет мгла!
Дружелюбно, по-английски,
угощала встречных виски.

6.

Говорила громко, резко,
наподобие оркестра,
словно вновь воскресла в ней
та Матильда лучших дней.
Но мороженщик, однако,
на полу нашел беднягу -
зря над ней звонил будильник -
холодней, чем холодильник.

7.

Тут ее былая "паства"
сразу в поисках богатства —
кто лопатой, кто киркою,
всем, что было под рукою
(кто-то притащил и лом /
взрыла землю за холмом.
Ведь давно ходили слухи,
что, мол, деньги этой шлюхи
все зарыты позади
фабрики - пойдй найди!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Жан Бахыт (Бахытжан Канапьянов / /Казахстан /

Поэт, прозаик, кинодраматург, режиссер. Родился 4 октября 1951 года в г. Кокшетау в семье учителей. В школу пошел в ауле Сырым бет, где находилось родовое поместье Чокана Валиханова, который был в родстве с предками поэта. По первому образованию инженер-металлург, затем окончил Высшие курсы режиссеров и сценаристов в Москве, мастерская Эмиля Лотяну, Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР, семинар Александра Межирова. Работал инженером-исследователем в Институте металлургии АН КазССР, сценаристом, режиссером, редактором на киностудиях «Казахфильм» и «Мосфильм», в издательствах Казахстана. В 1971 году состоялось знакомство с Олжасом Сулейменовым, что и определило дальнейшую судьбу молодого поэта. Первые стихи были опубликованы в 1975 году в журнале «Простор», затем стихи и поэмы публиковались в периодической печати многих стран мира. Автор свыше **сорока** книг поэзии и прозы, вышедших в издательствах Казахстана, России, Азербайджана, Армении, Турции, Украины, США, Великобритании, Малайзии, Монголии, Польши, Франции, Сербии. Автор идеи учреждения Всемирного дня поэзии, которую впервые озвучил в 1996 году в Алматы на поэтическом вечере Андрея Вознесенского и Беллы Ахмадулиной. Награжден орденом «Парасат» (2006 /, орденом «Достык» II степени (2017 /, медалями Казахстана, России, Украины. Лауреат ряда международных литературных премий в области поэзии. Его поэтические произведения переведены на многие языки мира, вошли в литературные антологии стран ближнего и дальнего зарубежья. Лауреат Государственной премии РК в области литературы и искусства имени Абая 2020 года (за поэтическую книгу «Достояние души» / . В 2021 году за вклад в культуру и литературу награжден почетной медалью Академии наук и искусств Европейского союза (Зальцбург, Австрия /.

ТАСБИХ

Перебирая чётки лет,
По памяти перебирая,
Года и даты извлекая,
Глубинный проступает свет
И – брезжит, в тайну облекая.
Судьбы невидимая нить

По времени в пространстве ниже,
Нам суждено на свете быть
И чётки памяти хранить,
Себя из прошлых лет я вижу.

Перебирая чётки лет,
По памяти перебирая,
Я не ищу для них ответ,
Я знаю, что ответа нет,
По узелкам в судьбу вникая.

В ней не рассыпались года
И даты уходящей жизни,
В ней все хранимо навсегда,
Что ей под током провода
И даже ритуал от тризны?!

Суровой нитью бытия,
Суровая она отчасти,
От холода и до огня,
До Судного, быть может, дня,
Да, этой нитью я причастен.

ПРЕМИЯ ФАЗИЛЯ ИСКАНДЕРА

И сын мой по имени Ика
Веселую рифму нашел.
По детству с характером Чика,
Под солнцем с журчаньем арыка,
И – в этом меня превзошел.

Превыше все это, превыше
Случайных, быть может, наград.
Мой голос из детства услышан,
Мне правка суфлера из ниши
Не вовремя и невпопад.

И это мне дерево детства,
Где райские зреют плоды,
Где город уходит в сады,

Есть наисердечное средство,
Спасение в нем от беды.

ALTER EGO*

«Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг – а иной»
Владислав Ходасевич

Этот возраст невозврата
Каждым часом дорог мне.
В этой жизни небогатой
Всем доволен я вполне.

Остается только верить,
Остается только знать:
Кто за мной закроет двери,
Тот и будет провожать.

Поведеет дорожкой лунной
По течению реки.
И небесной далью струны
Вздогнут в такт моей строки.

Остается только помнить
И с надеждой молча ждать,
Что заверит путь мой скромный
Лунным оттиском печать.

Только память остается,
С памятью наедине
Место каждому найдется,
Каждому из нас придется
Завершить круг в тишине.

Этот мир,
Что остается,
Вмиг замрет
И вновь очнется.

*Alter ego – второе я.

И не (без нас /
Перевернется
В неизвестной стороне.

ПИДЖАК ИЗ ВЕЛЬВЕТА

«Сулит мне новые удачи
Искусство кройки и шитья»
Булат Окуджава

Люблю пиджачок из вельвета,
Мелкого рубчика ткань.
Прошита строчкой поэта
Хлопчатобумажная дань.

Люблю этот пар из гладильни,
Химчистку на рыбьем меху.
Мой рубчик былой говорильни
Проступит на самом верху.

Искусство невидимой кройки,
Искусство святого шитья...
Сто грамм незаметных у стойки,
С лимончиком вкус бытия.

ГЛАЗНАЯ ОШИБКА

А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.
Николай Гумилёв.

1.
Глазная ошибка мелькнула лукаво,
Вновь выйдя из здорового смысла.
И в тексте для читки она отмелькала,
Вне смысла менявшая числа.

Корректор сквозь линзы находит оплошность,
И перед уходом в тираж
Глазная ошибка в потоке на срочность
Проступит сквозь внешний кураж.

2.
И в фильме известном
С известной актрисой
Известный в миру режиссер,
С иронией горькой
Божественной искрой

Все эти, быть может,
Зеркальные числа
В семейный альбом перевел.
И зритель сквозь тайну
Вне логики смысла
Подтекстом судьбу в нем прочел.

Д. Накипов, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Бахытжан Канапьянов.
17 февраля 1996 год. Алма-Ата.

ОСЕННЯЯ ЛИСТВА ВОСПОМИНАНИЙ

Осенняя листва воспоминаний,
Омытая арычною водой.
Сбываются природы предсказания –
Зеленый лист, багряный, золотой.

И тишиной покрыта крона жизни,
И тополей пирамидальный ряд
Считает мне года без укоризны,
И вдаль украдкой кем-то брошен взгляд.

Согласно возрасту, увы, быть может,
Согласно статусу судьбы
Листва воспоминаний путь итожит,
Выдан мне хронометр ходьбы.

ЗАБЫТАЯ СТРОФА

Была пропущена строфа
Из прошлого стихотворенья,
Как не подбитая дрофа
В сезон охоты в день осенний.

*«И с посохом иду я вдоль арыка,
Мешая дни и ночи с сединой.
И от людского сглаза, может, скрыты
Багряный лист, а может – золотой»*

Я это посылаю вам,
Моим друзьям и без Фейсбука.
Пусть поведет дорога в храм,
Как завещала нам старуха.

Вы, братья и сестры по возрасту,
Живите в миру по всему,
Храню вас по тихому голосу,
И с вечной любовью, по совести,
По самому светлому образу
Свет ближних от дальних приму.
Бредущего мимо прохожего
С небесным спасителем схожего
Случайно по взгляду пойму.

СБОРНИК ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

Этот сборничек поэта
Копеек тридцати пяти,
Словно голос с того света
Строчками произнести.

Неказистая бумага,
Да и неказистый шрифт.
Для волшебных строчек мага
Вне запрета выйдет гриф.

Вне сетей, вне социальных,
Вне эпохи цифровой...
В нем живет поэт опальный,
Интеллигент провинциальный,
За обложкой прописной.

19 октября 2025 год, день памяти Лицея Пушкина.

СЕМЬ ЦВЕТОВ РАДУГИ

Уюта не было и нет,
Одни сплошные неприятности.
По жизни не хватает ясности,
Потусторонний выпал свет.

Не принимаю - что к чему;
Чему и что - не понимаю.
И все, быть может, потому
По свету мир воспринимаю.

Глубинный свет самой души,
Исчезнет хаос беспорядка.
Как в детстве — ждуг карандаши
Цветами радуги рассадки.

«Каждый Охотник Желает Знать,
Где Сидит Фазан»*
Белому свету воспринимать
Мир, что каждому дан.

Детскими красками дышит альбом,
Детской считалкой проверен.
Радуга вспыхнет на весь окоём,
Где уходящий со вздохами гром
Молнию встретить намерен.

Первичен нам свет,
А затем только звук.
Вот тайный закон
Атмосферы.

Дождинки небес
На ладони распахнутых рук,
Словно слезы любви,
Надежды и веры.

ПОСРЕДНИК

Ноября последний день
Выпал нам на воскресенье.
Иней проступил сквозь тень,
Таял за стихотвореньем.

А зачем и ни о чем,
Просто так, печали ради.
За окном – карагачем,
С ветки на поля тетради.

От природы переход
На систему интернета.

* * Детская считалка. По заглавным буквам цвета радуги - красный, оранжевый, желтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый.

Мне в стихах не нужен код,
Код не нужен для поэта.

Где-то переход найду.
Как незрячего по звуку,
За проспект переведу
Переводами по слуху.

И на улицу с бульвара,
И с арыка на проезд...
Дома ждет меня Гульнара,
Ждет – одна на весь окрест.

Я успею к ней на ужин,
Улетел осенний грач.
Нашу трапезу отслужит
У окошка карагач.

И в осенний день, последний,
И на первый день зимы,
Стало быть, я здесь посредник,
Будем этим живы мы.

30 ноября 2025 г.

Воскресенье.

ДВЕ МУЗЫ (Даяна и Лира /

Сестренка моя на Балканах,
Мой солнечный Сербии свет,
Даяша, дар лунный, Даяна,
Как мой оберег с талисмана,
Строфа переходит в куплет.

Спасибо от города яблок
Издательской фирме «Алма».
Стихов моих белый кораблик
Сквозь сети на палубе паблик,
Ты им управляешь сама.

В Швейцарии, там на террасе,
В том кресле, где клетчатый плед,

Твои переводы прекрасны,
Так Лира в своем мастер-классе
Прочтет и подаст нам совет.

Быть с вами душою в он-лайне
Стихами навек обречен.
Нас держит великая тайна,
И в этом она неслучайна,
До встречи, до лучших времен.

Да, конечно, что «Бог - есть судья!»
Так звучит твое имя с латыни.
И божественной строчкой меня
Обожгла в час закатного дня,
Что оттаял серебряный иней.

И все же богиня Луны
Благородней звучит мне по сердцу.
И время ночной тишины,
И в такт музыкальной струны
В душе зарождается скерцо.

Сквозь имя высокие чувства
Две музы вобрали в себя
В божественном мире искусства
И в письменном виде, и в устном
Из реальности бытия.

Небесная нить интернета
Все ниже нам жемчуг стихов,
Источник рождается света,
И нету в кармане билета
Для взлета до самых верхов.

Но есть у меня на планете,
Там, где выплывает земля,
Две дамы, две музы в дуэте,
Даяна и Лира на свете
И видят во мне короля.

АКРОСТИХ

1.

Даяна - ангел из Белграда,
Ангел и для песенных Балкан.
Я тайну не раскрою взгляда,
Не обозначу ряд из ряда,
А переиначу талисман.

2.

Луна из европейской ночи
Издалека свой свет хранит.
Родимые в ней вижу очи,
А следом гул степных копыт.

ОБЩАЯ ТЕТРАДЬ

(Буква и Цифра /

В линейку общая тетрадь
Мне ближе по душе – чем в клетку;
Мой почерк будет подправлять –
Как в древе молодую ветку.

Я верен остаюсь судьбе,
Той самой почерковой жизни,
Что так подвластна ворожке
В реальности и после тризны.

И эта общая тетрадь,
В ней памятью хранимый вектор,
Не цифрой – буквой будет ждать
Вне интернета – интеллекта.

Необозримая вдали,
Где вспыхнет сон неясным смыслом
За горизонтом той земли,
Там радуга ждет коромыслом.

Мой Боже, все храни опять,
Смывая с памяти линейки ...

Мне жизни общая тетрадь
Укажет место на скамейке.

«Буквой» условно называют чувственное восприятие мира, то есть поэзию, прозу, литературу, начиная с фольклора... А «Цифра» (ИИ / производная от всего перечисленного, и она мертва сама по себе, без этого базиса.

ПЕНСИОНЕР
(заполняя анкету /

Переезды, переводы,
Просит номер Kaspi Bank,
Ипотека нам на годы,
Значит, не видать свободы,
Не порвать кабальный бланк.

Радуюсь, что недостоин
Брать кредит пенсионер.
Ты свободен, ты спокоен,
Ты распоряжаться волен
На судьбы любой манер.

Выльются об этом строки,
Сумма прописью не в счет,
Жизни жесткие уроки,
Канули-минули сроки,
Унизительный почет.

ГОРОЖАНЕ

Мы росли, как трава во дворе
И дворянского прочего сбора.
Дар по яблоку нам в сентябре
И по пятницам в календаре,

По прописке мы ждали повтора,
Но судьба вышла вне приговора.

И квартала массивная дверь
Отпускала со скрипом на волю.
Ты по ней свои жизни проверь,

Вспомни все, и все это доверь
На свою непрожитую долю.

И тобою надкусанный плод
Поведет за собой вдоль арыка.
Нашей памяти зерна вернет
К тем садам, где мой город встает
С перебором годов по тасбиху.

Андрей Вознесенский и Бахытжан Канапьянов.

Горожане – прихожане,
Город – храм былой мечты.
Райских яблок нет в кармане,
А меня ущелье манит,
Где душа Алма-Аты.

ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА

Живи еще хоть четверть века...

Александр Блок

Три четверти века уже позади,
Три четверти века.
И в чётках бывшего ты миг свой найди
И – суть человека.

Нечет и чёт,
Перебирая тасбих,
Вспомнишь немало.
Стих времени гул,
Остается лишь стих –
Начало начала.

А зрение меркнет, но памяти свет
Тропой на дорогу,
Где вышла луна, никого уже нет
У Господа - Бога.

Три четверти века мне было дано
Сквозь рифмы, сквозь рифы.
Стою у окна, и раскрыто оно
Из реальности в мифы.

Осталось немного в котомке судьбы,
Хлеб с солью да звезды.
А может быть, звезды есть соль от ходьбы,
И птицы надежды от скрипа арбы
Попрячутся в гнездах.

Три четверти века уже позади
Три четверти века.
Тропою судьбы мне и дальше идти,
И помнить, что было однажды в пути,
До первых утрат,
До первой любви,
До детского смеха.

ПО ПОВОДУ

В них есть предмет для разговора,
Сказал бы критик прошлых лет.
Стихи мои, в них нет укора,
Нет утешений, нет повтора,
Все прочего помине нет.

А есть, быть может, я не знаю,
Обозначаю это так,
Что времена перемешаю,
Частицы дней перемываю,
Кастальский ключ в них отмечаю
И – запрещенный вижу знак.

ДЕТЕКТИВ

Только с чистого листа,
Где туг водяные знаки?
Яд под перстнем от перста,
Для меня, не для зеваки,
Только с чистого листа.

Не забудьте сохранить
Черновик сей для архива.
В нем серебряная нить,
Козни продолжая вить,
Выдаст ключ для детектива.

Я читаю детектив,
Попиваю эль из кружки.
Вензель виден сквозь курсив,
Непонятен мне мотив,
Что написан по-этрусски.

Возле замка у куста
Ягода намного слаще,
Это ничего не значит,
Поиск поведем иначе,
Где запретная черта.

Может, это не к добру,
Шифр проступит в промокашке
Электронный писк букашки –
Это все жучок к утру.
Может, это не к добру.

*«Стакан наполовину полон,
Стакан наполовину пуст...»*
И в банке сейф у шефа взломан,
И шепот там, без недомолвок,
Услышу из шипящих уст.

Время наше на излете,
Не разгадан в нем до сих
Томик в древнем переплете,

Где ляссе – нить в позолоте,
Где упрятан акростих.

Здесь секрета снятый гриф,
Значит, все начнем сначала.
Нашей жизни детектив,
Не упрячется в архив,
Невозможен без финала.

А в финале хеппи-энд
Или что-то вроде фарса.
Проведут эксперимент
По вкусу пестрых лент
Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

АМАЛЬГАМА

Там,
За амальгамой,
Призрак – человек.
Уходим мы,
А образ его вечен.
И профиль строг,
Свечою вглубь отсвечен,
Бесстрастен, тайной встречей
Обеспечен

Для каждого из нас
И по ночам для всех.

Сквозь зеркало плывут его черты,
Я в нем увижу
Зазеркалье взгляда.
А он со мной давно уже на ты,
И он ведет меня из этого,
Из ряда.
И я за ним,
Как будто не успел
Примкнуть к тем самым,
Что называем свитой,
А может быть, элитой
Праздных дел,
А может, птицей,
На излете сбитой.

А он с усмешкой царственной подаст
Серебряный бокал
С пенощипящим ядом.
И ненароком навсегда предаст
Мою мольбу
Потусторонним взглядом.

Жив в амальгаме
Черный человек.
Уходим мы,
Но в памяти он вечен,
Кому дарует грех,
Кому успех...
Перстом его судьбы
Путь каждого из нас
Отмечен.

ПОЗДНИЕ СТИХИ

1

Эти поздние стихи
Поздней осенью приходят,

Листьями по свету бродят
С завершающей строки.

Эти поздние страницы
Подзабытые к утру.
Вижу в них родные лица,
Строчки к ним я подберу.

Пишутся они не к дате,
Рождены, как в невпопад.
Памятью святой объята
И по-своему крылаты
В этот самый листопад.

2

А за этим листопадом
Через ночь, сквозь тишину
Над горами, и над садом,
И над городским фасадом
Снег выносит пелену.

Тают хлопьями мгновенья,
От снежинок я хмельной
Взглядом головокруженья,
Ниспадает снег забвенья,
Снег неожиданный,
Снег ночной.

Перемешано все снегом,
Парки, улицы, дома,
Мы, помешанные с небом,
Сон иль явь, не знаю, мне бы
С краю не сойти с ума

Дни короткие, однако,
Ночи длинные грядут...
Вопросительного знака
Явно не хватает тут.

КАЛЕНДАРЬ ОЛЖАСА

Сверял я жизнь календарем
Свой календарь веду с Абая.
Затем был Пушкин с январем,
Мухтар Ауэзов и Сатпаев.

Издан был, я помню - знаю,
В миру в столетний юбилей
Димаш Ахмедович Кунаев,
Во имя Родины своей.

Вот календарь, а в нем Олжас,
Учитель мой неукротимый.
Я с Патриархом каждый раз
Сверяю собственное имя.

Моя счастливая душа
Предстала вдруг душою счастья.

И трижды этим хороша
В календарях от соучастья.

Все это вышло в форме книг,
Страницы - дни, ляссе меж ними,
И каждый день, как жизни миг,
Сознания миг неповторимый.

Не знаю, что грядущий год
Нам принесет, но точно знаю:
Закон Осириса войдет
В мой календарь, где жив народ.

С Олжасом, так из года в год,
Не вглубь веков - наоборот,
Девяностолетие грядет...
За это кубок поднимаю!

Мною в разные годы были изданы настольные книжки-календари к юбилеям перечисленных личностей – 200-летию Пушкина, 150-летию Абая и 100-летию Ауэзова, Сатпаева, Кунаева. Календарь Олжаса впервые был издан в 2021 году к 85-летию.

ИЛЛЮЗИОН
Сергею Азимову

«Жизнь моя, кинематограф...»
Юрий Левитанский

За волной плывет волна
От прилива до отлива.
Уходящая, она
Гребни выгнет из залива.

У кофейни старики
В южном городке у моря
В помыслах земных легки,
В этих думах далеки,
Мудро ни о чем не споря.

По ночам неторопливо
Снится эта сторона,
Светлой памяти полна,
Потому и молчалива.

Раскрывает свой рояль
Там тапёр в кинематограф,
Нотками с немым восторгом,
Заключительным аккордом
В клубе,
Рядом с военторгом,
Вновь выносит нам печаль
Через вековую даль.

Знать, ключом заведено,
Крутится веретено.
Нарды, карты, домино,
Сладок дым табачный.

Я сквозь сон взглянул в окно,
Было это так давно,
Как вчерашнее кино
В день позавчерашний.

Там, где надпись «Синема»,
Кина нету без фильма.

И бобины круг за кругом
Возвращают в круг опять.
Стрётот пленки на округу,
Титры с надписями – ять.

Уплывают корабли
С пирса и с причала,
У неведомой земли
Все начать сначала.

За волной волна плывет,
Берег в дымке тает...
Может, все наоборот,
Просто там кино идет,
Да никто не знает.

НА ОБОЧИНЕ

На обочине стою,
Мимо жизни настоящей,
Где-то с краю, на краю
В переход переходящий.

Не найти поводья,
Соучастника по жизни.
Сгинул он с календаря,
Без налёта укоризны.

На скамейке у кафе
Вышью с кем-нибудь, быть может,
И по найденной строфе
Этот путь мы подытожим.

Воробей, незаменим,
Подлетел к ногам моим,
Чиркнул-чирк, как в зажигалке.
Чай, дымящийся в пиалке,
В этот час необходим.

По годам мы старше «Старки»,
Перекурим после чарки,
Посидим и помолчим,
И – все это сохраним.

Вот и ластится дворняга,
Вислоухий доходяга,
Пес бездомный, озорной,
Тянется и он за мной.

Я со псиной попрощаюсь,
В этом, может быть, покаюсь,
Что нас ждет, увы, не знаю,
А в глазах тоска такая,
До ушей тоска сплошная.
На углу со мной стоит,
С грустью преданно глядит,
Встречу в памяти хранит.
И – поэтому молчит.

Нам обочина родная,
Молчалива, не чужая.
Расстаемся мы одни
На вечерние огни.
На обочине стою,
Мимо проходящей жизни.
И с ладони воробью
Зерна прошлых лет даю,
И кормлю, и говорю,
Что за все благодарю
Сквозь стихи моей харизмы.

Ерулан Канапьянов, Фархат Тамендаров, Бахытжан Канапьянов, Белла Ахмадулина.

С андеграунда из арки
Где-то новый выйдет сталкер.
И по зоне со стихом
Тыщу лет я с ним знаком.

Сквозь стихи, как сквозь стихию,
Сновидения ночные,
Выйдут сны нам золотые...
В зоне шар от этих книг,
На обочине пикник.

АРБАКЕШ
(отчасти ироничное /

Увидел себя на Арбате,
Здесь где-то студентом бродил,
Но это все было когда-то,
А ныне билбордом объятый
Почти у небесных стропил.

Объехал, быть может, полмира,
Имею немало наград,
Но тайной влекомая Лира
Выводит меня на Арбат,
Как будто бы я - виноват.
(Ах, Арбат, мой Арбат... /

Мне в образ войти Арбакеша
Вновь вторят колеса арбы.
Иду я тропею судьбы,
Странно, что странствую пешим
С Ордынки моей ворожбы.

На Арбате Русский ПЕН-центр выставил билборды лауреатов Международной литературной премии имени Фазила Искандера. Там и увидел себя сквозь время, сквозь расстояния (2025 год /.

ТРАМВАЙ БЫЛОЙ АЛМА-АТЫ

Желто-красные вагоны,
Да дегтярный запах шпал.
Перекрестки, перезвоны,
За арыками газоны,
Где-то там микрорайоны,
Где-то там трамвай застрял.

Вот под номером он первым
Все пытит сквозь суету.
Мой билетик суеверный,
Он счастливый, это верно,
Сохраню его, наверно,
Через всю Алма-Ату.

Вот выходит на Орбиту,
К югу за ВДНХ.
Под пластинку Рио-Риты,
Высадив на свадьбу свиту,
Для невесты – жениха.

Вот за номером «Четыре»,
Искры выпустив дугой,
В парк заводит тетя Кира,

Я сосед ей по квартире,
Ни к чему ей проездной.

Мчит трамвай моей удачи,
У окошка я сижу.
Кто смеется, кто-то плачет,
Кто молчит, а кто судачит,
Кто-то просит с кассы сдачи,
Кто-то зайцем, не иначе...
У депо я выхожу.

Где-то на столбе табличка:
Осторожно – листопад!
Я занес бы это в личку,
Давней следуя привычки,
Как забытую страничку,
Эту старую табличку
Через сорок лет назад.

Наша память комом к горлу,
Что сейчас встает во мне,
Как по улице подгорной,
Как плывет в листве привольной,
К рельсам от ветвей раздольных,
Сверху к нижней стороне.

С желтым фонарем, со звоном,
Где-то влево наклонясь,
С поворотом на Зеленый,
Горлинкою окрыленный
И дугой замороженной
С небесами держит связь.

Путь проложен до Тастака,
А затем на Калкаман.
Сквозь вспотевшую рубаху
Нам в трамвае не до страха,
Нам на озеро Сайран.

Это было в жизни прошлой,
Там другими были мы.

После смены на подножке
Вырваться из кутерьмы.

Перестук на стыке рельсов,
Перестук земных колес.
Зимней ночью в нем прогреться
Не однажды довелось.

По ушедшему трамваю
И по снятым рельсам – плач...
Остановку забываю,
Ее помнит карагач.

ИНОХОДЕЦ

(Мой образ Кулагера /

Бигельды Габдуллину

Я – иноходец,
Вне строя иду,
Мешает мне чей-то затылок,
Быть может, однажды с тропы я сойду,
Споткнувшись о камень,
Я упаду,
На радость злорадных ухмылок.

Я – иноходец,
Мне чистый ручей,
Увы, не найти в этой жизни.
Не надо пустых,
Громогласных речей,
Прошу вас, не надо
В час тризны.

Там месяц двурогий
Укажет мне путь.
В ущелье не до привала.
И звезды помогут

Всей грудью вздохнуть,
Там,
За седьмым перевалом.

Я – иноходец,
Иду не как все.
В народе своем
Иноходец.
Сгорает звезда,
Степь в соленой росе.
И все-таки
Я – иноходец!

По жизни я вновь
Иноходью иду,
По жизни я вновь
Вымеряю ходьбу.
Мой вымер косяк,
Не кляню я судьбу
Вне строя, вне строя
Вновь будет мне шаг,
Иду я тропую исхода
Временем выверен,
Вымерен знак
Из племени
Знатного рода.

COVID-2021

(Памяти Жемис и Гульзары /.

Истаяли сёстры в тумане
Внезапно нахлынувших слез.
Любили всех нас вместе с мамой
От самого детства, где рос.

Хранили стихи, что забыл я,
Их память жива между строк.
От старшей до младшей спешил я,
Простите, что не уберёг ...

МАНГАЛОЧИЙ ДВОРИК,

Как дым твой горек.
Анна Ахматова

«Чётки» – есть сборник Ахматовой,
Бег времени из наплывающих лет.
Нечет и чет по страницам охватывал
Вензель – альбома вечернего свет.

Чётки – тасбих,
Муэдзин с минарета,
Алайского рынка
Хан – атласа ткань.

Орнамент ковра,
В нем узор силуэта,
Прошитые золотом
Бейты поэта.
И – над арыком
Урючная дань.

Мангалочий дворик
Там, где-то в Ташкенте,
Арык неприметный
Сквозь шелест листвы.
Азийской луны,
С ней родство вне анкеты,
И – где-то античный наклон головы.

КАЗАХСКИЙ ПОЭТ ПРАВИТ БАЛКАНАМИ

Прежде всего, я должна сказать, что казахская литература на Балканах неизвестна. В Сербии несколько лет назад появился памятник Жамбылу Жабаеву, но не переводились его произведения. Однако, стараниями энтузиастов появились в 2019 году переводы Абая в Белграде, но без презентаций, и о них мало кто слышал.

Ситуация с Канапьяновым — иная. Его стихи на сербском языке впервые

появились в переводе Милана Вуковича, известного югославского и сербского переводчика. Затем, в 2020 году, в Белграде были опубликованы два сборника стихов Канапьянова: «Алма-яблоко» в издательстве «Алма» и «Золотая тишина» в издательстве «Ассоциация поэтических создателей». Обе книги — в моем переводе.

Стихотворения Канапьянова переводились на македонский язык и публиковались в литературных журналах. Верим, что скоро появится отдельный сборник его стихов на македонском языке. Переводчица — Елена Петковская.

Стихи Канапьянова будут изданы к концу 2021 года в Сараево (Босния и Герцеговина / и в Загребе (Хорватия /.

В крупных издательствах «АС Оглас» и «Эверест Медиа».

Отдельные сборники стихотворений Канапьянова позже будут изданы в Подгорице (Черногория / и в Тиране (Албания /.

Поэтому одна из статей в сербской прессе озаглавлена: «Казахский поэт правит Балканами».

Балканские писатели с громкими именами: Милутин Джуричкович, Анджелко Заблчаньский, Деян Спасоевич, Зорица Тиянич, Дело Юсуфи сошлись во мнении, что поэзия Канапьянова — оригинальная, сильная, исполненная реальности и духовности — настоящий носитель любви, толерантности, гуманизма, она показывает, каким должен быть человек!

На Балканах «векзамер» — совершенно неизвестное определение. Впервые балканские народы познакомились с этим понятием и идеей через поэзию Бахытжана Канапьянова!

*Даяна ЛАЗАРЕВИЧ,
магистр филологии, переводчик.
Белград, Сербия. 2021 г.*

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Борис Илюхин / Россия /

Борис Илюхин – москвич, художник, поэт, педагог, общественный деятель - член Союза Литераторов России, член Творческого Союза художников России, член-корреспондент Национальной Академии Филателии, создатель объединения Творческих Единomyшленников «Старая Школа», автор пятнадцати поэтических сборников

БЕС В РЕБРО

1.
В привычном ожидании весны,
Привычная она, не так желанна.
Но и в семидесятый раз не странно
Её посул наивных видеть сны.

Метаться среди ночи неустанно,
Таращась глупо на блесну луны,
Писать стихи, лишь были бы грустны
И выражаться о простом пространно.

Ищу залогов я в ряду примет,
Сулящих неминуемо удачу,
Не внемля уверениям зеркал.

Ни здравый смысл, ни горький опыт лет,
Уж если бес тебя в ребро подначил,
Ни одного ещё не окликал.

2.

Когда весна, вступив в свои права,
Всё наполняет животворной силой,
То новые листья или трава
Не помнят, что в их прежней жизни было.

Но сердце попрекает голова –
Мол, столько дерзких замыслов сгубило!
Из-за твоих причуд я чуть жива,
И одного инсульта мне хватило.

Утихомирься, пощади себя,
Довольно ты напрасно трепетало
Чего во имя не припомнишь ты.

Но сердце, злую память истребя,
Смотрело только вне себя и знало –
Прекрасны и напрасные мечты.

3.

Когда ты по причине долгих лет
Все достижения бытия отметил
И для тебя уже секретов нет,
По крайней мере хоть на свете этом,

А опыта души пропал и след –
Чего-то ждёт, всё что-то на примете.
С другой душой возможно тет-а-тет
На сокровенный ей вопрос ответит.

Она весну встречает всякий раз,
Бунтуя в равнодушном старом теле,
А прелести весны, как напоказ.

Год не прошёл, как страсти откипели;
Очнулся от любовных метастаз
Я отчего-то не в своей постели.

4.

Тихея* услужила и теперь:
Свились в один клубок две разных нити.
На первый взгляд я вышел без потерь
Из перечня нагрянувших событий.

Любовь вошла, не отворяя дверь,
А убежать мне не хватило прыти.
Я счастлив, я несчастен, я, как зверь –
Обласкан и ухожен, но не выйти.

Любовь почитет на моей груди,
В моих седирах пальцами струится,
Свивает наши взгляды в общий взор.

Остановись мгновенье, погоди,
Ещё в одно не слились наши лица,
А мы ногами чувствуем Фавор.

5.

Замри моя беспечная душа,
Остановись счастливое мгновенье;
Мой разум светлый, не тебе решать
Уместно ли для сердца вдохновенье.

Как ни была бы праздность хороша,
Оно отважно ищет исступленья
И, за надеждой вздорною спеша,
Уже не предвкушает пораженья.

Вот он, уже в руках, желанный плод,
Течёт восторг в узор прикосновений
И плавит плоть на пламени любви.

Пусть сердце остановится вот-вот,
Пусть станет бытие ещё мгновенней,
Нет счастья выше – сколько ни живи!

* Тихея, Тихе – в греческой мифологии
богиня удачи, успеха, судьбы.

6.

Какая ночь, какая тишина,
Часам бы звать к заутренней, да где там.
Беспомощные сполохи рассвета
Беспечного не потревожат сна.

Во мраке спальни ты едва видна,
В пучине простыней, полуодета,
Последний может быть подарок лета
На все, что ни остались времена.

Мой милый друг, за всё тебя простят:
За дерзость юную и за призывный взгляд,
За щедрость безмятежную нимфетки,

За право пить твой жар и аромат,
За что ни осуждали б раньше предки...
И за меня, низвергнутого в ад.

7.

Воистину – нет ничему конца!
Под чьи знамёна мы встаём из праха,
Куда спешим не отвратя лица,
Не ведая сомнения и страха?

Любовь, ты проникаешь все сердца
От цезарей до низкого феллаха.
Нет от тебя спасенья мудрецам
И истовым келейникам-монахам.

И я тебя избрал в поводыри,
Зависеть стал от вздорных понуканий
И к алтарям твоим нести дары.

Но всё проходит, что ни говори.
Ведь даже ту, что вечной нарекаем,
Царит над нами только до поры.

8.

Как время мчит! И радость и печаль
Проходят, чередуясь неизменно.
Того быть может завтра нам не жаль,
Что кажется сегодня драгоценно.

Вчера любовь предстала, как сераль
Моей души, где гибнуть мне блаженно.
А нынче, праздно всматриваясь в даль,
Ищу я новых поприщ вдохновенно.

Дитя природы, дерзкий человек,
Наскучил небу ты непостоянством.
Ну, был бы счастлив, коль Господь нарек,

Так нет – бряцаешь снова окаянством,
Стихами разнося из веку в век
Вздор упований грешных по пространствам.

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Конкурс проводился с 1 февраля по 12 апреля 2026 года для отбора кандидатов на участие в 6-ом международном поэтическом форуме (Светлогорск, Калининградская область – 26 мая – 1 июня 2026 года /.

УВАРОВА ЕЛЕНА (Казахстан /
1 место в конкурсе

ЯРЕНСК

Он тихим был, но в голосе его звучала мощь не арфы, а кимвала – казалось, даже вьюга оттого молилась и по-бабьи завывала.

Он говорил: «Когда восстала мгла и смерть глядела жадно и пытливо, металась лихорадочно ветла, скрипела обессиленно олива. Сплетались страх и плач, хамсин и пыль. Прошенья были... Были бесполезны.

С небес глядела мрачная Рахиль на правнуков, блуждающих у бездны».

Подсев к печи, к желанному теплу, он кутался, надрывно сухо кашлял. Вечерний снег, стекавший по стеклу, от голода казался манной кашей. Но голод не страшней доносов, лжи, пока здесь пахнет домом сладковато, пока письмо от матери лежит в кармане залоснённого бушлата.

Сверяя речь с исписанным листком, замёрзшие ладони растирая, он говорил: «Представьте за окном Голгофу вместо ветхого сарая. Покуда мрак плодился в суете, в рассаднике страданий и печали, где Бог висел, распятый на кресте, неузнанный своими палачами, где в душах было скверно и темно, где солнце почерневшее страшило, уже рвалось в завесе волокно, уже в века летело: «Совершилось!»»

Он кашлял вновь, бумагой шелестя. И, просочившись в запертые двери, сквозняк, как непослушное дитя, раскачивал подобие портьеры. Привычная за много горьких лет дверная щель в мороз была, как жало. Но то, что согревало Назарет, и ссыльный Яренск тоже согревало. Нам было слышно, как издалека бежит впотьмах собачья злая стая. Но белый свет спустился с потолка, слепил глаза, кружился и не таял.

ГОГУЛИНА ИРИНА (Беларусь /
1 место в конкурсе

НОВЕЙШЕЕ

Провинциально мылись воробьи
В студёной луже, потешая рынок.
Дрожали капли, словно в забытьи,
На спинах рыб в морщинистых корзинах.

Пыхтел живейник, пахло табаком
И гомон дня взмывал над куполами.
Свисало небо грязным потолком,
Исчёрканным косыми журавлями.

Ряды гвоздей, разлитый керосин.
Лицо в золе, поддон сухой тарани.
Ничейный сын, забытый гражданин
Свистел задорно в пепельном тумане.

Цыганка, сняв поношенный тулуп,
Искала медь в засаленном кармане.
В её улыбке золотился зуб,
Мотыль плескался радостно в стакане.

Торговка семечки ссыпала в полотно,
Как будто время мерила горстями.
Ботинки со шнуровкой на пшено
Меняла гимназисточка с кудрями.

Глядел на солнце медный самовар,
Мелькали спины старых венских стульев.
Их гладил лупоглазый антиквар
И стучал гребнем розовый цирюльник.

Бродячий пёс у лавки мясника
Дремал, во сне считая бычьи туши.
Намедни цапнул люто моряка —
Тот прострелил ему картечью уши.

Смешались крики, запахи рогож,
В возах блестели яблоки и ситец.
Топтали жизнь подошвами галош
Священник, большевик и стихописец.

Гнездилась вечность в трещинах лотков
И в ржавых гирях закрывала бреши.
Под бойкий говор хитрых стариков
Новое сменялось на Новейшее.

АЛЕКСЕЕВА СВЕТЛАНА (Россия / *2–3 места в конкурсе*

НЕЗЫБЛЕМОСТЬ

Уходит дом с поверхности земли,
Стирается из памяти и карт.
Душа у самосвала не болит,
Когда вывозит он убогий скарб.
Разбит асфальт, подъезда больше нет –
Руины в слое грязи и белил.
Здесь я чертила крестик на стене
Ножом, который дед с войны хранил.
Ковшом бульдозер сносит погребя,
Столбы в хвостах верёвок бельевых,
Песочницу, лишённую гриба
Ещё в начале сонных нулевых,
Заборы, чей-то дряхлый драндулет...
Бульдозер раздражён и неуклюж.
Взъерошенная кошка средних лет
Разглядывает небо в толще луж.
И кажется, что это я сама
Пытаюсь что-то в прошлом увидеть.
Здесь скоро будут новые дома,
А нас уже не будет никогда.
Но нечто от незыблемости мест,
Пространство проверяя на излом,
Упрямо не даёт поставить крест
На доме, на дворе и на былом.

КАТАЕВА ЛАРИСА (Россия /
2–3 места в конкурсе

ЗВУК

Хотела б я с Тобюю говорить
на птичьем - раз они роднее небу,
без страха, удивления и гнева,
забыть про все слова и словари,
в которых всё не то и все не те -
беспомощные звуки обращений,
но вот опять в апреле сердце щемит
и путаются мысли в суете.
Хотела бы воскреснуть, как трава,
питаюсь лишь Твоим медовым светом,
и самым безмятежным в мире ветром
деревья и любимых целовать.
Не спорить, не терзаться, молча жить -
как можно незатейливей и проще,
с пернатыми выписывать над рощей
беспечные крутые виражи
в ликующей весенней вышине
и за полночь не думать над стихами
без сна, когда никак не утихает
ни эта боль, ни этот звук во мне.

БЕССАРАБ АЛЕКСАНДР (Россия /
лауреат конкурса

ВЕРГИЛИЕВО ТОНКОЕ ПЕРО

Вергилиево тонкое перо
Над строками порхает лёгкой птицей,
И смыслов вязь, сплетенная хитро,
На лист, как колос на ветру, ложится.
Смирная ум, взлетевший в эмпирей,
Вергилий слушает божественную лиру:
«Глаз, не сомкнись! Рука, пиши скорей!
Яви мой гений страждущему миру!

Он - гений мой - болезновал, алкал,
Влачился там, где не оставить следа:
Я море исходил и землю излетал
Единой мыслью. Как о том поведать
Толпе мятущейся? О, Мантуя! О, Рим!
О, вы, надменные стен высотой грады!
При всех различьях, сходны вы одним:
Ворота ваши суть преддверья ада,
Ваш нрав порочен, ваш закон убог...
Я тайны мира зрю очами сердца:
Я знаю - есть над всем единый Бог,
Я видел Деву, родившую Младенца,
И столькое ещё, что, верно, никогда
Описано не будет в полной мере.
Сколь много впечатлений и труда
Вложил я в строки, и кому доверю
Читать и продолжать? О, кто меня поймёт?
Лишь тот, кому нередко доводилось
Испить тягучий горько-сладкий мёд
Поэзии, кто обличает лживость
И любит честность, кто, подобно мне,
Вселенную своей объемлет думой,
Тому учитель стану и пример,
Того по жизни поведу угрюмой,
И в высь, и в недра кто пойдёт со мной,
Тому я друг, попутчик и советчик,
Тому слова мои - родник живой,
Неиссякающий, текущий вечно».
Вергилиево тонкое перо
Над строками плывёт, как лодка в море,
О том вещая, что, как мир, старо,
Что есть теперь, и что пребудет вскоре.
Вергилий шуруется над огоньком свечи
И слишком часто думает о Стиксе,
Чьи волны, словно пламя, горячи,
И наконец рука выводит: DIXI

ВЕЛИГОРСКИЙ ГЕОРГИЙ (Россия / *лауреат конкурса*

ТРИКТРАК

Когда в душе — и хмарь и мрак,
Ненастная пора,
Давай, мой друг, играть в триктрак?
То славная игра!
Разложим — здесь, меж стульев двух,
Где жёлт от лампы свет...
Как лак душист, как терпок дух —
Дух будущих побед!
Ах, этих шашек бойкий бег
Еще Назон знавал;
Любил его и мудрый грек,
И хитрый, гордый галл.
В стакане косточки — щелк-щелк!
Встряхни — как звонок звук!
То мчит удача — скок-поскок! —
Под бойкий перестук.
Пусть грянет бой — без пик и шпор,
Без мин и крепостей,
Где ум, как «стержень», твой остер
И скор, как стук костей.
Триктрак! Хромой французский бес
Играл в тебя — шалишь! —
Пока пылал треклятых месс
Не стоящий Париж.
Играл, дразня азартный слух,
И вор, и бонвиван.
Стук-щелк, щелк-стук — таков уж дух
Веселых парижан!
Стук-стук — пока режим крепчал,
Пока мрачнел Венсенн,
Пока на площади кричал
Расхристанный Дамьен,
Пока, пылая, оседал
В геенну Лиссабон —
Играл, играл веселый галл.
Ужели жизнь — не сон?
А коли так — всё блажь и бред!

И там — уж чья взяла:
Щелк-щелк — Марат, стук-стук — Капет,
Да — кости со стола!
Ах, старый галл, задорный галл,
Любил ты бранный звон,
И блуд, и похоть ты знавал,
И «carpe diem» признавал
И чтил, как чтят закон.
Ну что ж, мой друг, недолгий враг:
Коль бледен ты с лица,
Коль на душе — и хмарь, и мрак,
Тоску разгонит только так
Игра веселая — триктрак, — Игра для удальца!

ВЕЛИКЖАНИН ПАВЕЛ (Россия / *лауреат конкурса*

Стремительные спицы
Я помню: лето, Зауралье,
В райцентре двухэтажный дом.

На старом велике гоняли
По очереди всем двором.

... Гремит, распугивая куриц,
Двумя «восьмерками» «Салют».
Щербатые ухмылки улиц
В неведомое нас ведут.

Один в седле — ватага следом
Бежит со всех ребячьих ног.
В окно дозваться нас к обеду
Весь материнский хор не мог.

Но шина старая латалась
Так часто, что, секрет губя,
В грязи жирнущей оставалась
Одна такая колея —
Не перепутать! И нередко
По ней в безбожно поздний час

Отцов суровая разведка
В лесу разыскивала нас...

Катилось солнце катафотом
По безмятежным небесам,
Но все менялось, словно кто-то
Гвоздей повсюду набросал.

Росла скрипучая усталость
Закованных цепями звезд.
И все внутри порассыпалось,
Как спицы сломанных колес...

Теперь с трамвайного маршрута
До самой смерти не свернуть.
Тесна для сердца почему-то
Костюмом схваченная грудь.

А по ночам все чаще снится
Игра лучей на струнах арф,
Когда стремительные спицы
Плетут из пыли длинный шарф.

Как будто вновь рулем крылатым
Мой верный велик воздух рвет
И мчит вдоль памяти куда-то,
Где начинался мой полет.

ИВАНОВА МАРУСЯ (Россия / *лауреат конкурса*

ШӘЖӘРӘ

я научилась звать тебя на русском
без этих добрых круглых тюркских звуков
мой аксакал моя седая память
фигура засыпающая в кресле
в густом широком поле под сибирью
в военном кителе
под яблонево́й пылью

плывущий будто из чужого сна
увиденного много лет назад не мною
но девушкой с такими же глазами
которая потом тебя любила
которая потом тебя полюбит
и будет долго говорить с тобой
пока ты не закончишься на этой
одной из тысячи меж-жизненных сторон
мне кажется, что мы тебя забыли
напутав имя-отчество в угоду
своим ушам, ушам своих знакомых
к чужим наречьям злым и непривычным
мне кажется, забыли человека
каким ты был
каким еще родишься
двуликой крови мне добавив в вены
ты расцветаешь деревом желанным
и дерево ведет твою машину
и дерево завязывает галстук
и дерево катает на спине
уже не ты забытый двуязычный
а ветка, на которой я висела

КНЯЗЕВА СВЕТЛАНА (Россия / *лауреат конкурса*

О СНЕГЕ

Я грезила, я думала о нем –
о снеге, как о чем-то сокровенном,
Что вслед за ускользящим дождем,
он будет совершенно откровенным.

Что вместо ярко-желтого холста
он белый лист наденет на подрамник,
И жизнь начнется с чистого листа,
где нет обид, предательства и драм нет.

В любовь, где только нечет, а не чет,
и чья стезя давно полузатерта,

Он наконец-то ясность привнесет
штрихами черно-белого офорта.

Что будут оживать мечты и сны
в той жизни, что казалась кривоватой,
И выкрасит в преддверии весны
он вечера сурьмой голубоватой.

Что небо станет светлым надо мной –
ведь из него идут его истоки...
А снег прошел, холодный, стороной,
гордясь своим призванием высоким...

Колобаева Кристина (Россия /
лауреат конкурса)

ПОКА ГОВОРИЛИ КАМНИ

Пока говорили камни – я мёртвых кормила птиц.
На улицах пыльной Рязани июль переменчив и чист.
Дырявые тротуары. Холмистые облака
цеплялись за ветви парков и рвали свои бока.

В безвременье одиноко. Проспект Первомайский – пуст,
и если прибавить скорость – быстрее тебе приснюсь.
Как только взрвёт тревога, за птицами встрепенись.
Смотри, небосвод расстёгнут,
и ангелы смотрят вниз.

КРАСНОПЕЕВ ЮРИЙ (Россия / *лауреат конкурса*

ЧЕРНАЯ БАЛТИКА

Солнце простыло, сидит на больничном,
Тучей накрыв бока.
Утром ныряло в залив пограничный:
Чёрная Балтика.
Спорили чайки, что это надолго.
С пеной срослись, пока
Сосны точили для солнца иголки.
Чёрная Балтика.
Гнулись старушки — прибрежные скалы.
Длинных корней клюка
Слёзы брусничные в травах искала.
Чёрная Балтика.
Свежий компресс расстелили болота.
Клюквой зарос слегка
С красной звездой фюзеляж самолёта.
Чёрная Балтика.
Солнце в бреду закатилось в бойницу.
Сжала затвор рука.
— Русский боец, что тебе снится?
— Чёрная Балтика.

ПАРТОЛИНА НАТАЛЬЯ (Беларусь / *лауреат конкурса*

ВРЕМЯ

На прозрачное время цветной не накинешь покров,
не упрчешь его в деревянный обшарпанный ящик.

Обнажённое время летит, следом — свита ветров.
И единственный способ в нём жить — это быть настоящим.
Быть былинкой сухой, если высох, все соки отдав
семенам, что легли под снега до весенней побудки.
Быть холодной рекою, безропотно под ледостав
Уходить, но держать полынью для подраненной утки.

Это честное время, без фальши и без мишуры.
Капилляры ветвей прорисованы в небе звенящем.
И следы на снегу, и морозы свежи и остры.
И единственный способ в нём жить – это быть настоящим.

САРАФ ОЛЬГА (Испания / *лауреат конкурса*

ЛЕТАЛИ

Моя милая Белла, а что, если нам полетать?
Ангел утром шепнул, что добавит небесной лазури,
Да и трафик умеренный, а на земле, маета:
То триумф, то червяк диссонанса в высокой натуре.

Васильки в чистом небе рисуют лазурью лучи.
Гладиолусов спесь мне в богемных салонах приелась.
На танцующих крышах нам будут играть скрипачи.
Оторвёмся от прозы, моя несравненная Белла!

Время тоже летит. Ему нечего, в общем, терять.
Остановим часы. Отщипнуть не дадим им от счастья.
Там, среди облачков, Белла, льётся рекой благодать.
Мы - такое же небо, хотя, соглашаюсь, отчасти.

Сверху весь на ладони Париж - и романтик, и франт.
На него ты засмотришься, Белла, а я на Лиозно
И на Витебск взгляну - потерять непростительно шанс...
Полетели, родная! Там так хорошо! Кстати, слёзно

Ангел мой попросил привезти чуть побольше трубу.
Он мастак поиграть на досуге уставшему богу.
Просит редко, в лепёшку для ангела я расшибусь,
Но трубой обеспечу. Ну что? Ты решилась? в дорогу!

... Тридцать лет пролетали почти. А потом он один.
Прилетал в облака васильковую музу проведать.

Муза чаем поила, протягивала мастихин.
Ангел в гости спешил музицировать после обеда.
Драгоценный мой Марк! Оставайся, ты очень устал.
Невесомое небо. И Белла. И старый Шагал.

СУПРУНОВА НАДЕЖДА (Россия / *лауреат конкурса*

КАПЮШОН

Всё будет хорошо,
Но сильно после.
Как будто капюшон,
Надела взрослость,
Когда никто вокруг не вывозил.

У мамы на столе
Бутылка водки.
И слёзы, как желе,
Застыли в глотке.
«Надюша, собирайся в магазин».

Всё будет хорошо,
Стоишь на кассе,
Вдоль шкафчиков прошёл
Твой одноклассник,
Держа в руках конфеты и кефир.

В твоём же кулаке –
Бутылка водки,
И в детском кошельке
Две мятых сотки,
И странно улыбается кассир.

Всё будет хорошо,
Но очень стыдно,
Скорей убрать в мешок –
Тогда не видно,
С какой идёшь покупкой в десять лет.

На краешке стола
Бутылка водки,
Ты только что зашла,
Сняла колготки –
«Надюша, ещё надо сигарет».

Всё будет хорошо,
Мир склеен скотчем,
Пока не разбешён
Твой пьяный отчим,
Пока ты не вступаешься за мать.

И катится, звеня,
Бутылка водки,
С улыбкой вся родня
Глазеет с фотки,
И ты никем – никем не хочешь стать.

ФЕЛЬДМАН ЕЛЕНА (Россия / *лауреат конкурса*

СОН САНТЯГО

Надвигается шторм, и мигрень не щадит головы.
В темной маленькой комнате ветер гоняет газету.
Старику все равно. Старику снятся львы,
Мавританский залив и тропически-пестрое лето.

Так прозрачна вода, что нетрудно на дне разобрать,
Как ползут по песку деловитые рыжие крабы.
Океан в тишине чуть качает кровать,
Положив на борта свои мокрые лапы.

Раздвигая тростник, все плывет по волнам колыбель,
И, начавшись однажды, движение длится веками.
«Я тебя не хотел убивать, голубая форель,
Так не мучай меня хоть во сне, шевельни плавниками».

Простыня обмоталась вокруг смуглых жилистых ног,
И подушка всплывает из мрака, как снежная глыба.
Старику все равно. Старику снится Бог,
И он видит, что Бог — это добрая старая рыба.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ / Россия /

Михаил Исаакович Синельников (род. 19 ноября 1946, Ленинград / – известный русский поэт, переводчик поэзии Востока, исследователь литературы, составитель ряда поэтических антологий и хрестоматий, главный составитель в долгосрочном Национальном проекте «Антология русской поэзии». Автор 37 стихотворных книг в том числе, однотомника (2004 /, двухтомника (2006 /, сборника «Из семи книг» (2013 /, сборников «Устье» (2018 /, «Поздняя лирика» (2020 /, «Язык цветов» (2023 / Его стихи постоянно печатаются в основных литературных журналах, в «Литературной газете», вошли в существующие антологии русской поэзии XX века и переведены на английский, немецкий, испанский, польский, болгарский, сербскохорватский, словенский, румынский, албанский, турецкий, азербайджанский, таджикский, фарси, хинди, узбекский, киргизский, грузинский, армянский, осетинский, монгольский, вьетнамский, корейский, китайский и японский языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии (дважды /, Турции и Японии. Поэзия Михаила Синельникова в разные времена вызвала интерес отечественной и зарубежной критики, его деятельность поэта, переводчика, эссеиста, филолога отмечена многими российскими и иностранными премиями и орденами.

КОГДА ЧИТАЛ Я АПУЛЕЯ...

В КИТАЙ

Лететь в Китай, куда когда-то,
Свой замышляя перелёт,
Надменно и витиевато
Ребёнка зазывал угод.

Преданье детства всё волшебней
И в сновиденьях не поблек
Крутого радужного гребня
Обворожительный кивок.

Конечно, лет прошло немало,
И всё-таки за жизнь одну
Здесь всё кругом китайским стало –
Везде, куда я ни взгляну.

Дракона гордая громада
Ещё навяжет, так и знай,
Народам очертанья ада
И даже многоцветный рай.

* * *

Мемуары мои прерываются воем,
Возникает в них зек,
Много пьющий и бьющий жену смертным боем –
Уж таков этот век.

А ведь юным, влюбленным в жену драматурга
Был когда-то поэт.
Всё же, что ни скажи, третий срок у придурка –
Много лагерных лет.

Близлежащие шахты – в них нет антрацита.
Фраеров хоть на фене блатной расчихвость!
... Как, однако, в России была даровита
Даже чёрная кость!

* * *

Взывал к душе упорной,
Звал к гималайским розам
Пейзаж высокогорный,
Возникший под наркозом.

Судьба нагорьем белым
И мощным деодаром
Возвысилась над телом
Слабеющим и старым.

Но, не страшась, однако,
Скитания крутого,
Привстать и сесть на яка
Душа была готова.

Уже я видел Дургу,
Изнемогал от жара,
Но вдруг помог хирургу
Авалокитешвара.

АЙША

Под старость, в сумерках души,
Она покойному внимала.
Припоминания Айши
Бесценны, но ведь их так мало.

Сама тогда была мала.
Что знать могла о мудром муже!
Весною пальма зацвела
И пили молоко верблюжье.

Питались финиками, шли
По узкой улице Медины.
В пустыне, на краю земли,
Под вечер завывали джинны.

Муж был суровый, пожилой.
Кольчуга, белая рубаха...
Но всё же и перед женой
Он был посланником Аллаха.

НА РЕКЕ АМУ

Какие волны! Страшно их размаха.
В них бросили – вообрази! –
По гневному приказу хорезмшаха
Адиба Термези*.

Лазутчику ещё вдогонку плюнув,
Убийцы отошли... Но вот досель
Ещё мерцает, выплыв из бурунов,
Его газель.

* Адиб Термези (? – ум. между 1144 и 1147 гг. / – персидский поэт.

МЕДЖНУН

«Лейли, Лейли!» твердя донине,
Претерпевая боль и зной,
За время странствия в пустыне
Он создал образ неземной.

Вдруг дивные приходят вести
И слышится со всех сторон:
«Лейли свободна, мчись к невесте!»
Но вестникам не внемлет он.

Нет, не спешит Меджнун к Лейли,
Увидеться не в силах с нею,
Поскольку образов земли
Небесный облик стал сильнее.

БЕДИЛЬ*

Там стаи обезьян перебежали,
Там тигр рычал и шахов низвергали –
От низких каст пощады не проси!
А он, сановник в огненном Бенгали,

Слагал стихотворенья на фарси.
Спустя столетья в дальнем Хорасане
На жатву шли таджикские дехкане
И пели эту жалобу Творцу.

Серпы сновали, поле грохотало.
Аллах внимал тревожно и устало.
Потоки звёзд – как слёзы по лицу.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Собраться что ли напоследок,
Сквозь дедовский проехать лес
В ту степь, где верхоконный предок
Сражался, жил, потом исчез...

* Мирза Абд аль-Кадр Бедиль (1644–1720) / – персидский поэт, живший в Индии.

По мчащемуся междумирку
В пустынном понесёшь краю
Свою влюблённость в пассажирку,
Тоску дорожную свою.

Поэтами была воспета
И акробатами пера
Железная дорога эта.
Ей только века полтора.

Меж тем по ней в былые годы
Переселенцы протекли,
Потом и целые народы,
Родной лишённые земли.

Что ж, претерпели бед немало
И толпы беженцев, когда
Твоя империя пропала, -
Бросали камни в поезда.

Теперь скорее дружелюбно,
Поскольку злобе вышел срок,
Взыванием и дробью бубна
Тебя приветствует Восток.

Застонет, песней сердце тронув,
Пьянящий насылая зной,
Пока за окнами вагонов
Зима сменяется весной.

ЛЮЛИ

Где-то на Кафирнигане
На стоянку притекли
Говорливые цыгане,
Развеселые люли.

Что за участь бойким детям
Изначально суждена!
В углой памяти отметим
Этот день - за ним война.

А старик в халате желтом,
Презираемом в краю,
Ковыляя, подошёл там
И простёр мне длань свою.

Царь бродячего селенья
И знаток незримых сил
Погадать соизволенья
Церемонно попросил.

И возникли на ладони
Неземные города,
И зажглась на небосклоне
Небывалая звезда.

ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Уже не выжидая часа,
Вскипел он. Бешенство нашло
И абиссинская гримаса,
Состарив, сморщила чело.

Он ощущал души недужность,
В гостях блуждая, как во сне,
Являя чуждость и ненужность
Двору, империи, жене.

Знать не хотел, измучен пленом,
Что, отстраняясь от всего,
Была отчизне драгоценным
Палладиумом жизнь его.

* * *

Царь и царица, пением Плевицкой
Озарены и грубо пронзены,
Коснулись Руси истинной, мужицкой,
Дарили ей брильянты без цены.

И плакал Николай, когда, лютуя,
Зловещий голос вестницы занёс
В сад царскосельский – ветер Акатуя
И волжский плёс, и разинский утёс.

ИОАННА РУНТ

Так неприметна эта чешка.
На старых снимках ясен взгляд,
Но словно бы судьбы насмешка
Есть в том, что Брюсов был женат.

Даря уют и соучастье,
Жила, была, слыла женой,
А эти выстрелы и страсти
Прошли как будто стороной.

Поила мужа не фалерном,
Всего лишь чаем, но, тепла,
Отнюдь не огненным, но верным,
Домашним ангелом была.

Припоминала гимназиста,
Потом, как дерзостный Орфей,
Прославленного символиста,
Но не стихи достались ей.

Переговоры с Госиздатом
Вести из вещей темноты
И сорок лет к заветным датам
Нести на кладбище цветы.

* * *

Ведь мог уйти по льду залива
В чухонскую сырую мглу
И долго жить, и жить счастливо,
И Богу возносить хвалу.

А там уж и Аддис-Абеба,
И робость львов перед огнём,
И синева такого неба,
Что всё земное тонет в нём.

Узреть пустынные эдемы,
Стада жирафов, Нил и Чад!
Себя сберёг бы для поэмы,
Ведь знал, что здесь не пощадят.

Но, жадно жизнь втянув, как губка,
Презрела планы и дела
Сама поэзия поступка
И лирику превозмогла.

* * *

Виноград Палестины,
Он ведь был пилигрим,
Навестивший долины,
Что вытапывал Рим.

И на пепле и прахе
Возле замка, внизу,
Возрастили монахи
Привозную лозу.

Бодрость зрелости ранней,
Ведь в избытке тепла!
Но не той, что в Шампани,
Эта почва была.

Вот и вина заметный
В густоте обрели

Привкус ветхозаветный
Ханаанской земли.

Это грусть, это радость
И на донце сама
Горьковатая сладость
Книги Царств и псалма.

ВОИН БОГА

Бедный, слабый воин Бога...

Федор Сологуб

Стихотворенья всё короче,
Всё жёстче стих, всё проще слог,
И возвращенье к этой ночи –
Пути достойный эпилог.

Беседа долгая с поэтом,
Борцом за мир во времена

Седой угрюмости... При этом
Всегда ему мила война.

Молчу, прервать его не вправе.
Не о стихах, а о войне,
О Гумилёве и о славе
Он важно повествует мне.

Прощаюсь. Ухожу от груза
Его раздумий о былом,
И чудится: возникла Муза
Над старым письменным столом.

И, сухо посмотрев в сторонку,
Где Муза гордая проста,
Промолвил Тихонов вдогонку:
«Пройдёт и эта густота!»

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИПКИНЕ

«Жду смерти! Но... всё безответней.» –
На небо глядя, говорил
Мне Липкин девяностолетний.
Всё не являлся Азраил.

Еще стихи писал, однако.
Прощаясь, муза в них внесла
Летейского частицу мрака,
Луч иудейского тепла.

* * *

Склероз похож на берег Леты.
Вначале появился он,
А дальше будут, мглой одеты,
Коцит и Стикс, и Флегетон.

Но что мне глуби, зыби, мели,
Когда на этом берегу
Любовь и дружба ослабели,
Осталась исповедь врагу.

* * *

Так это будет – замелькают лица
И двинется стремнина жизни вспять,
Но перед тем, как время прекратится,
Хотел бы снова горы увидеть.

Ни ладана не надо, ни елея,
Ни плача, ни прощения обид, –
Лишь повидать, как бабочка, белея,
Зигзагами над пропастью летит.

КОГДА ЧИТАЛ Я АПУЛЕЯ

Всё тот же мальчик с луком и колчаном!
Резвится он, Психею истомив.
Всех баловством измучил беспрестанным...
Нелепый миф.

И всё ж, стрелой незримою уколот,
Прекрасным сказкам внемлющий с пелён,
Ты и теперь ещё довольно молод,
Пока влюблён.

* * *

Друг мой, тебя, видно, ничто не занимает,
коль скоро у тебя столько досуга для страха.

Анна Радклиф

Блуждая, как в тумане,
Ты жизнь спалил дотла.
В готическом романе
Кругом такая мгла.

Она сдавила грубо,
В ней облики висят
Приятеля-инкуба
И всяких бесенят.

Туман стоит кромешный.
Всё поздно, не спеши!
Сам видишь: многогрешной
Не уберёт души.

Но в сумраке сугубом
Ей не даёт пропасть
Внушенная суккубом
Неистовая страсть.

* * *

То были лучшие года.
Ты, недоверчивый и хмурый,
Ещё талантливый тогда,
Вошёл в бедлам литературы.

В действительность такую влип,
Где состязался четверть века
Высоцкого надсадный хрип
С натужным шамканьем генсека.

* * *

Времён одических обломков.
Был прежде гулок этот стих,
Был этот голос твёрд и громок,
Пока с годами не утих.

Сначала прекратился в ропот
Разноголосицы густой,
И вот уж слышен только шепот,
Поникший перед немотой.

* * *

Все дни за алкоголем.
Затем провальный бред,
В котором бродит Голем,
А избавленья нет.

Но призрак, зол и жуток,
Уплыл в туман и дым.
Был этот промежуток
Тебе необходим.

Ведь всё же не споили
По милости небес,
Хотя в стихе и стиле
Гулял зеленый бес.

В том помраченье раннем
Прозрению сродни
Похмелье с покаяньем,
Столь нужным в эти дни.

УСТАВШИЙ

Чуть помедли, уставший, и пройденный путь огляди!
Козьи тропы, барханы, бульвары, дворцы, перелески,
Перевалы, трущобы... Неужто они позади –
Этот зной, эта стужа и ветер бодрящий и резкий?

Ничего не поправишь. Напрасно души не тревожь!
Вновь минувшее длится и ношей ложится на плечи.
Всё же ты соберешься и той же дорогой пойдёшь,
Овеваемый ветром ещё не случившейся встречи.

Дина Дронфорт / Германия /

Поэт, основатель литературного проекта «Невод».

Родилась и выросла в Подмоскowie, окончила московский Легпром по специальности конструктор. С начала 90-х годов живет в Германии. По профессии информатик личное время отдает фотографии и литературе. С 2019 по 2021 эксперт Поэтического фестиваля «Ганноверская Весна». С 2019 активист международного литературного Форума «Солнечный ветер». Редактор литературного портала «45-параллель». Член Союза литераторов Российской Федерации.

Публикуется в ежегодной «Антологии поэзии русского зарубежья» издательства «Алетейя» (СПб /, в сетевых и печатных альманахах «Техтга», «45-параллель», «Эмигрантская Лири», «Новая литература», в «Литературной газете», в журналах «Крещатик», «Перископ-Волга», «Литературные знакомства», «Берлин. Берега», «Нева». В 2025 году издательство «Алетейя» выпустило 2-е издание поэтического сборника 2010 года «Огонь в ладонях». Готовится к печати новая книга лирики «Небеса для Юлии».

НА ВЫСТАВКЕ

Через прозоры фотографий,
друг друга силясь распознать,
эпохи тянут взгляд жирафий,
но ни продвинуться, ни вспять.

Историк вскапывает гумус,
фантасту шепчут небеса –
а здесь Грядущее, сутулясь,
Былого ловит голоса.

Былое трогает смятенно
изнанку вещевого стекла –
но непрогляднее, чем стены
времен спрессованная мгла.
Недоуменны и упрямы,
глаза в глаза – на грани рамы.

ЛЕТО

Из всех оставшихся я буду помнить это
воздушным шаром взвившееся лето,
когда не ждал никто, нигде и никогда.
Искала номера товарища-расстриги
по исхудавшей телефонной книге.
На карте мира вычисляла города,
ещё сулящие последнее начало,
и новый список грабель изучала
на горе лба, многострадальца моего.
Потери скорбно замуровывала в прошлом,
оттачивала лексику дотошно
и фехтования на перьях мастерство.

Смотрело зеркало не девицей под чёлкой,
причудой подмосковного посёлка –
две тонны взгляда и Европы тридцать зим.
Но всё не в счёт, когда, распахнутые в солнце,
дразнили летних месяцев оконца
и купидон из тучки пальчиком грозил.
Его намёк, однако, был не очень ясен –
я состоялась в каждой ипостаси,
сполна исчерпан мне назначенный удел.
Жара стояла, боги мешкали, решая
как быть с моей судьбой... А в небе шарик,
всё голубее, в неизведанность летел.

ПАРИЖ

Эйфель, Сена, бланманже...
Сон пригрезился давнишний:
на двадцатом этаже
из окна в шальном Париже –
только небо, только крыши.

Как блуждаем напролёт,
и как за полночь не спится...
Полногрудо предстаёт
королевская столица
разнаряженной девицей.

И пока пирует взгляд
кружевами портфенетра,
ты моей перчатке рад
в эту стужу и ответно
защитишь плечом от ветра.

В дымке купол невесом –
Сакре-Кёр, душа Монмартра.
Перламутры в лужах марта...
Всё к утру растает – всё
сном окажется назавтра.

МАДАМ НИКТО

Padua, Abano Terme

Мадам Никто. В местечке этом сиром
всё для меня – богиня и никто.
Осенний свет задумчивым клавиром
царит над кресел сонной пустотой.
Забилось время. Весь планктон отеля
клубится в предобеденном кафе.
Смакуя дух мудрёного коктейля,
по слову пью минуты. По строфе
сочится в отраженьях день белёсый,
дрожит в бассейне скуки голубой.
Увядших губ ноябрьские розы
несут покой, врачующий покой.
Влетают голоса гостей случайных,
легко смутив поверхности зеркал,
и чудится – какой-то важной тайны
разгадка невозможна и близка.

РЫЦАРЬ-КЛЁН

Ревнивец милый, хлопотливый клён,
полой ещё шумящей летом робы
укрой меня – на страже испокон –
от сентябрей, случайных и недобрых.

Вот-вот октябрь, пришлый мокровей,
сорвёт зелёный плащ, оставив немо
чернеть ноябрьской готикой ветвей
на ясном и сыром картоне неба.

Не ведая пока, что обречён
на небыль декабря без прав и власти,
мой рыцарь-клён, ты споришь горячо,
за нас двоих с нагрянувшим ненастьем.

СУМАСШЕДШАЯ

Называете сумасшедшей.
Мне бы радоваться – я плачу.
Как заклятье – в заботах удача,
а дела лишь надеждой тешат.

Словно в руки рог изобилия –
благодать водопадом брызжет.
Ветхий мост, переброшенный к жизни,
рухнул пропастью семимильной.

Невредима, пройду по краю,
разминусь при встрече с любовью.
Холостую, а может вдовью,
пустоцветь от себя скрываю.

Тучны пастбища – о полёте
не мечтай! – вольготно кормиться.
Ничего мне *там* не простится.
Сумасшедшая. Не поймёте.

ЗА ОКНОМ

Виртуальная вилла в нете,
окнами на восток, город рядом,
зимнее солнце нещадно.
На столе подснежный культурный слой,
ждет пробуждения интереса.
Верхние письма пахнут уже весной,

но, прежде чем копнуть мезозой –
окно, занавеска...

Солнце. Пятница.
Пожилые супруги внизу
толкаются задницами.
У них забота –
облагородить три квадрата их огорода
возле крыльца.
Он не смотрит, не видит ее лица.
Но расцветшие анютины глазки
им заменяют ласки.

Счастливы, – выдохнула машина
и мимо. У магазина
все те же мальчики.
Горацио, Ромео, Тибальд –
не до Джульетты – погружены в экранчики
гаджетов. Лица нетленны –
три обезьянки –
у них триэль
в параллельной вселенной.

Даже если раздастся звонок:
нет больше мамы, слышишь, сынок...
В ответ повседневное:
скоро буду, bis bald...
Мать выходит из булочной – жива пока.
От сигареты до сигареты,
от звонка до звонка,
взглядом шуршит по листве –
как быстро – опавшей...

Брусчатка, на лето старше,
празднует слякоть.
Но красный лист
не согласен с гниением,
свеж и быстр,
устремляется в облака,
с высоты машет его рука
одиноким женщине
с карандашом во рту

пред загадкой чудес простых –
снега, солнца в окне –
она впитывает красоту,
как медведица жир, до весны.

МУЗА

О Муза! Пугливая птица!
Кухонного стука боится –
заслышит, повертит чудно
головкой и порх! за окно.

На слове досадно оборван,
клянёшь тривиалии корма
и ловишь мерцающий свет,
стихающий деве вослед.

ФОРУМУ «СОЛНЕЧНЫЙ ВЕТЕР»

Анталия 2024

Со всей русскоязычной части света,
поплавать прибыли в Анталию поэты.
Пора бы, Турция, на русский перейти.
Имея море, ты уже на полпути.

Религий далеки мы и политик.
Литература здесь царит — Поэт и Критик
переведут на русский камни этих стен.
Не стоит, Турция, страшиться перемен.

Не воевать – общаться в наших планах,
за рюмкой чая философствовать о главном.
Турецкий местным тоже сызмальства знаком —
его стране вторым оставим языком.

Всё будет хорошо — нам нет преграды.
Встречай, Анталия, мы тоже очень рады.
Да соберёт наш Форум лучшие слова!
Да будет речь вовеки русская жива!

Павел Кренёв (Россия /

Павел Григорьевич Кренёв (Поздеев / коренной помор, родился и провёл детство в деревне Лопшеньга, что на Летнем Берегу Белого моря. После окончания восьмого класса переехал в Ленинград, где закончил Ленинградское Суворовское военное училище. В 1976 г. закончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета, работал в ленинградской прессе. В Ленинграде опубликовал первые две книги лирической прозы для детей и был принят в Союз писателей СССР. С 1987 г. живёт и работает в Москве. Закончил аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук. Состоял на военной и государственной службе на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Секретарь Правления Союза писателей России, награждён рядом всероссийских и международных литературных премий. лонглистёр премии «Большая книга» (2023 /, Арктической всероссийской премии (2020 /, всероссийской литературной премии «Душа природы» (2023 /, международной литературной премии им. Ф. Искандера (2022 /, всероссийской литературной премии им. А.С. Грина (2024 /, Патриаршей премией им. С. Аксакова (2022 /. Автор 31 книги, проза переводилась на турецкий, польский, болгарский, эстонский, сербский и французский, китайский. Творческие вечера прошли в Турции, Польши, Литвы, Эстонии, Болгарии, Черногории, Франции, Белоруссии, во многих городах и республиках (Дагестан, Татарстан / России.

Тревоги старого Муракана **Повесть (отрывок /**

Детство – время мечтаний. Всякий мальчишка, наслушавшись бабушек и дедушек, начитавшись детских книжек, грезит морями, штормами, увлекательными путешествиями... Ему хочется поскорее оторваться от домашней обыденности, от родительских глаз и ушей, от всего того, что держит его внутри надоевших правил поведения, каких-то глупых рамок приличия, взрослых условностей... Мальчишек до смерти раздражают «кандалы» детских садов, «железные клетки» школ, обрыдлые диктанты, изложения и сочинения, всякие там алгебры и геометрии...

На природу бы! В леса, в поля, луга и речки! Туда, где воля-вольная и рыбалка!

В раннем детстве я сильно хотел быть конюхом. Причин, почему во мне жила такая мечта, было две. Во-первых, отец мой рассказывал, что раньше в их семье жил конь, которого звали Орликом. Папа крепко дружил с этим конем, любил ухаживать за ним и ездить на нем верхом. Потом в деревню пришло колхозное хозяйство, и всех животных с крестьянских дворов согнали в единое коллективное стадо. Орлик стал частью такого колхозного табуна. По привычке первое время он в конце рабочего дня выходил из стада и приходил к хозяйскому хлеву, где родился и вырос, где жили хозяйка и хозяин и добрые домочадцы, которых любил и которые любили его. Долго стоял перед дверью под бревенчатым взвозом и по привычке ждал, когда же его впустят. Даже пытался перепрыгнуть через жерди, преграждавшие путь к месту привычного с его раннего жеребчества стойла. Однажды и перепрыгнул, едва не сломав себе ноги. Но в стойло его не пустили. Орлик метался среди жердей, ржал с всхлипываниями, напоминающими горький плач... Ему не хотелось в общее стадо... Потом из конюшни пришел конюх и, стремительно работая плетью, отвел взбунтовавшегося молодого коня обратно...

– А чего было делать? – объяснял мне ситуацию отец. – Колхоз тогда пришел к нам, он и командовал...

Я перенял у отца любовь к лошадям, к давно почившему Орлику и вот, когда в колхозном табуне народились маленькие жеребята, я приступил к колхозным конюхам – дяде Зосиме и деду Никанору – со слезной просьбой дать мне на воспитание какого-нибудь жеребёночка. Конечно, ничего такого они разрешить мне не могли, единственно, что было позволено – приходить в стойло к кобыле Берёзке – мамаше недавно народившегося жеребёнка, где он и содержался вместе с ней, и подкармливать его, ухаживать за ним, изредка выгуливать...

В память о том, любимом отцовском Орлике я назвал

своего жеребёнка тоже Орликом. Конюхи мне это разрешили.

А мне и достаточно было. В любую свободную минуту я был рядом с ним. Гладил его голову, шею, спину... Мама наша, для того чтобы побаловать кого-нибудь из подопечных скотинок, всегда держала в уголке сеновала небольшой куточек душистых травок: клевера, душицы, одуванчиков, всяких других цветочков, свежих веточек березы, ивы, рябины, всякого разного нежного жеребьячьего лакомства... Я помаленьку воровал из маминого куточка душистые пучки травки, набивал ею карманы и все пазухи и украдкой нёс своему другу Орлику. Конюхи не возражали против моей опеки над жеребёнком и всегда пропускали к нему. Только маленько ворчали:

– Забалуешь коня, Пашко. Хорошо чичас малой он, а завырастат, чё нам делать-то с им? Затребуёт с нас: давайте-ко, мол ишше, братцы вы мои, травы сладенькой, как Пашко ему носил! А нам чего с им делать надоть будёт? Лягачче станёт, конюшню громить, ежели не дадим. А нам откуль траву ету добывать? По приполькам шастать, искать ей? Дак нам ето не надоть! Нам бы с остатным табунком совладать...

Правы они были, конечно, дядьки Зосима, да Никанор. Что мне было делать? И я волей-неволей маленько ослабил свой жгучий интерес к жеребёнку, но частенько, как только позволяла ситуация, приходил к нему и радовался новой встречи с ним: гладил его, вычесывал короткую и жесткую шерсть его железной щеткой. А уж как радовался мне каждый раз Орлик мой! И мать его, Берёзка, радовалась мне тоже. У них, лошадей, все, как у людей: мать-кобыла любит тех, кто заботится о её детях.

Было лето, и у Берёзки стояла благостная пора отдыха от колхозных забот. Мне разрешили брать её с собой, когда я уходил по домашним или своим ребячьим делам на морской берег, или в ближний лес, или же на реку Верхотину, на рыбалку. Всем было чудно видеть, как деревенский мальчишка ловит рыбу удочкой, а рядом пасутся и не уходят от него далеко кобыла с жеребёнком. В колхозном хозяйстве такое не было принято.

Я бы, наверное, и забаловал любимого жеребёнка, но идиллию наших с ним отношений прервал мой отъезд в Ленинград на учёбу в Ленинградское Суворовское военное училище.

Когда пришел вызов из Приморского районного военкомата города Архангельска, из которого следовало, что я «обязан прибыть для прохождения медицинской комиссии и сдачи вступительных экзаменов в город Ленинград», я пошел на конюшню. Там первым делом потрепали мою волосню старые конюхи Никанор, да Зосима и в шутку, конечно, сказали мне так:

– Гляди, Пашко, ежели не поступишь на военно своё дело – обратно не возвертайсе, не дадим тебе больше Орлика! Не в жись не отдадим! Штёбы с им дело иметь, надоть учиче на пятёрки. Дак ты ето и знай!

И тем самым лишили меня выбора: теперь волей-неволей надо было поступать! Какая была бы у меня жизнь без моего жеребёнка? Никакой жизни! Вот с такими напутствиями я покинул родительский дом и ставших дорогими и близкими Берёзку с её сыночком Орликом. И потом, уже в Ленинграде, мне долго-долго снились и приходили в раздумья, гуляющие на зелёном лугу две лошадки шоколадного цвета – кобыла средних лет Берёзка и её вечно весёлый сыночек, всегда не в меру разыгравшийся, подпрыгивающий и дрыгающий в воздухе ногами ретивый жеребёнок Орлик. Ещё они представлялись мне лошадками, замершими среди высокой травы, задравшими над верхушками растений красивые головы и высматривающими где-то вдаль, на краю луга, меня, спешащего к ним из города с охапкой душистой травы, пахнувшей клевером.

Васяткины ритуалы

Каждое утро начиналось так. В пять часов утра первым начинал рабочий день серый, толстый и пожилой котяра Васятка. Он просыпался на печке, поднимался на лапы, и, покачиваясь на них на печной лежанке взад и вперед, какое-то

время вытягивал жирное тело, музыкально похрустывая при этом уставшими за долгую жизнь позвонками и косточками. Затем, громко промурчав на краю печки что-то весьма важное для нашего дома и для деревни, он объявлял всем, что проснулся он, знаменитый Васятка. Наверное, он также сообщал, что готов заняться неотложными котовыми делами и просит обитателей дома и деревни не мешать ему в этом почтенном занятии. Потом, внимательно оглядев пространство внизу, Васятка прицеливался, куда бы прыгнуть, и сигал с печки на пол. Там внизу, чуть поодаль, стояла родительская кровать, на которой почивали папа и мама. Хитрый кот недоверчиво относился к папиным ногам, правильно догадываясь: от них может прилететь неожиданный тычок в бок за неосторожное обращение со спящим его хозяином и тихонько-тихонько огибал опасную зону. Целью его утреннего путешествия была мамина подушка – теплая, уютная и безопасная. Васятка подкрадывался к ней, мягко-мягко переползал через мамину руку и оказывался в родном гнездышке, нагретом всегда ласковой к нему мамой, специально для него, дорогого котика.

Но даже там, в этом приветливом для него местечке, Васятке долго не лежалось спокойно. Ему не терпелось чего-нибудь сожрать. Например, мышку, она, конечно, вкуснее всего того, что имеется в этом доме, или, хоть кусочек наваги или трески. Да побольше, да поскорее. Только вот незадача: где взять эту самую мышку? За ней ведь охотиться придётся, подкарауливать, бегать... Поди её поймай... Сколько сил на это уйдёт и нервов... Не очень-то ему все это было надо! Для обеспечения его продовольствием хозяева имеются, это их забота... И он начинал ворочаться и мурлыкать, чтобы разбудить добрую женщину.

Хозяйка всегда воспринимала эти Васяткины мурчания, как будильник, который работал по обыкновению надёжно и регулярно.

Она покорно вставала, гладила спинку беспокойного кота и приоткрывала ему дверь, ведущую на поветь. Васятка медленно

и важно, как полагается матерому домашнему котяре, выходил за дверь и совершал утренние свои дела или в укромных уголках повети, когда на улице довольно холодно, или же на дворе, ежели там была на тот момент сносная температура

Чтобы оправдать хозяйского кота и не выставить его в качестве бестолкового и ленивого животного, совсем уж бесполезного, отметим: за годы пребывания в родном для него доме он изловил всех мышей, и они теперь совсем не водились в нем. От этого у старого кота пропадал охотничий азарт, в нем угасал тонус ретивого хищника. По этой причине и появилась, и развивалась в нём теперь та самая лень – матушка, отсюда и жирок толстенький завёлся на загорбке.

Но, если вдруг какая-нибудь серая тварь проникала в дом, и в нем опять начинали витать отвратительные для людей мышиные запахи, старый кот радовался им словно очаровательным и душистым кусочкам колбаски, неожиданно свалившимся к ним в дом с щедрого неба. Запахи эти неприятны только для людей, а для кошачьего отродья, к которому имел честь принадлежать и уважаемый всеми Васятка, это был аромат высочайшего порядка. Он оживал, начинал вертеть хвостом и нетерпеливо постукивать им о деревянный пол, кружить по дому в поисках источника запаха – самой мыши. К нему мгновенно возвращался азарт, и в глазах опять зажигались желтые огоньки удачливого мышиноного зверолова. Васятка в одно мгновение превращался в лютого и беспощадного саблезубого тигра, вставшего на охотничью тропу.

Он умело и последовательно вычислял точку нахождения будущей жертвы и начинал ходить около неё сначала большими кругами, потом круги сужал... Коту нравилось наблюдать, как приближалась к нему ничего не подозревающая жертва...

Вот она совсем уже рядом, вот совсем близко, но не видит его, потому что нет среди котов такого умельца, как он. Васятка прячется то за хозяйским валенком, то за стоящим около печки помелом...Он неминуемо, неумолимо приближается...

И наконец делает последний, смертельный прыжок к своей добыче...

Уже оказавшаяся в безжалостной пасти огромного северного котищи крохотная мышка издаёт отчаянный прощальный, тоненький писк, который скоро исчезает в дебрях большого поморского дома. Васятка, полузажмурившись от истинного наслаждения, деловито, с показной равнодушной, делает первое жевательное движение... Кот давно уже ведет себя несколько церемонно, ведь за ним откуда-нибудь издалека и сбоку может наблюдать очередная симпатичная кошечка...

Раньше, когда этот хозяйский котище оттачивал мастерство, он за единый выход на охоту добывал по три-четыре домашних мыши, которые, чтобы порадовать хозяев, затем рядочками укладывал на верхней ступеньке крыльца. Теперь, когда кот переловил в доме всех, даже самых хитрых серых тварей, Васятке стало маленько тоскливо без прежнего азарта, без страсти любимого дела... И он изрядно скучает по нему. И, хотя хозяин нахваливает кота:

- Ты, Васька, добытчик у нас – семью без мяса не оставишь! – все равно опытному зверолову Васятке скучновато без добротной охоты.

Вынужденные простои в добыче мышиноного мяса, правда, удачно компенсируются периодами кошачьего загула. Вот уж радость для первейшего среди деревенских котов самца, сексуального рекордсмена Васятки! Кошки давно распознали его непревзойдённые способности улаживать самых отчаянных любительниц котовой силушки, и, когда настает для них очередная пора испытать её, все они забывают других деревенских котов и стремятся только лишь к нему одному – заветному, сладкому котику, к Васятке. А Васятке чего? Он их принимает с большим, привычным удовольствием!

И стоит тогда на чердаке его дома большой переполох. К костру любви, который был воспламенен им, да еще двумя-тремя

кошечками, спешат прибежать и погреться другие представители кошачьего мира. И начинается на деревне бедлам кошачьей свадьбы.

Мама души не чаяла в домашних животинках: в коровушке Голубке, барашке Борисее, овечках Белеюшке, Чернушке и Серейке, в собаке Венке и в уже упомянутом, желанном для неё коте Васятке.

Мамина живность

Кроме этой живности, вечно ноющей, неизменно клянчащей, чем набить толстые пуза, у мамы имелся еще один существенный прибавок, несомненно, отягощающий её человеческое существование. У неё ещё были мы – пятеро ребятишек, которые, также, как и животинки, неустанно-вечно с каждого утра открывали голодные рты и тоже ныли и кривили недовольные мордочки, требуя порции пищи и сладкого чаю.

По прошествии теперь уже многих лет, минувших с тех давних пор, я все никак не могу осознать, где брала силы эта красивая, простая русская школьная учительница? Вырастившая пятерых детей, а затем настоявшая на том, чтобы все они получили высшее образование...

Активный организатор и постоянный участник колхозной самодеятельности, мама вечно ставила какие-то спектакли в нашем Доме культуры, собирала из местных активистов хоры, и созданные ею коллективы всегда(! / занимали призовые места на районных, а то и областных творческих смотрах. Она стремилась поспевать за жизнью страны, в сфере её нешуточных интересов были политические события, международная обстановка, поездки наших лидеров по зарубежным странам, переговоры на высшем уровне... Всегда любила обсуждать их, высказать своё суждение. Не берусь судить о глубине и компетентности её взглядов. Наверное, они не были достаточно выверенными с точки зрения политической и идеологической и не вполне соответствовали царствовавшим на

тот момент коммунистическим доктринам, но я твёрдо помню и знаю: моя мама абсолютно соответствовала своему времени. Она, как и отец, была членом Коммунистической партии Советского Союза и гордилась этим. Долгое время возглавляла партийную организацию нашего колхоза...

Она всегда неустанно заботилась о том, чтобы быть на гребне событий, волнующих страну. И волновалась о ней, как волнуется добрая хозяйка, желающая чистоты родному жилищу. Она всей душой стремились, чтобы ни в одном уголке, ни в каком-то закуточке её дома не осталось ни бумажки, ни соринки, чтобы везде и всюду царил чистота, чтобы никакая зловредная душа не могла бы потом сказать:

– А вон там у Ольги Георгиевны мусор по углам валяется!

И учила этому нас. И в нашем доме всегда было чисто.

Наверное, в плане убежденности она многое взяла от отца, старого коммуниста, пулемётчика в гражданскую и в Отечественную войну, буденновца, колхозного бухгалтера, погибшего в сорок втором на Карельском перешейке.

Кроме всего прочего, мама была учительницей начальных классов в нашей восьмилетней школе и в любую свободную минуту склонялась над ученическими тетрадками. Она «за уши» вытягивала отстающих учеников, к ней приходили и советовались родители самых нерадивых и неуспевающих. Мне кажется, мама была педагогом «от Бога». Её ценила деревня, её любил деревенский народ.

Особенность сельской учительницы еще и в том, что в деревне для неё не создаются особенные условия: она такая же хозяйка дома, как и все деревенские женщины, в её ведении, кроме школы и уроков, муж, вся семья, дети, хозяйство, домашний скот... И я совсем не понимаю теперь, как это всё мог тянуть на совсем не могучих плечах один человек? Тем более, хрупкая на вид женщина? А наша мама тянула и, что самое

удивительное, - искренне и глубоко любила эту ношу! А какие поэтические вечера она устраивала для нас, для своих домашних! Наверное, именно с той, желанной теперь поры я навсегда полюбил Тютчева (именно Тютчева! /, Фета, Лермонтова и Пушкина! И всегда считал их ведущими русскими поэтами.

Еще мама самозабвенно обожала, как-то умудрялась знать тексты и мелодии как старинных, так и современных русских песен, и всегда напевала их на домашних творческих вечерах. При этом часто плакала над особенно задумчивыми мелодиями и словами. Песню какую-нибудь голосит, а сама всхлипывает и слёзки платочком утирает...

Тяжелой для всей семьи была заготовка сена для домашней скотинки. Мать буквально убивалась при этом. Всё она боялась, не начнётся ли, не хлынет ли дождь, который замочит подсохшее сенцо, и оно потом сгниёт в стогу. Очень всегда торопилась и торопила нас, все поглядывала на небо: не бегут ли тучки, не промочат ли сено, которое под её руководством скорёхонько укладывалось в стога. А уж было беды, если где-то, с какого-то краю показывалась та самая тучка, - мы тогда все начинали не ходить, а бегать, чтобы успеть до дождя уложить сено в подготовленные заколины, сметать правильный стог.

Стога она всегда метала сама. Ей нравились те, которые имели правильную форму: чтобы, если поглядеть сбоку, они напоминали стройную девичью фигурку. Снизу сено должно быть уложено так, чтобы оно висело на коротких кольях – подпорах, но не лежало бы на земле, а как бы зависало над ней. От этого сено снизу продувалось и никогда не портилось. Потом, по мере навала мамой на зарод сена, его толща потихоньку расширялась и, когда обустройство стога переваливало за половину его конструкции, мама вилами уменьшала объем сенной толщи до требуемых размеров. Она работала, словно тонкий, знающий своё дело скульптор, филигранно и расчётливо. Форма стога, создаваемого мамой, приобретала требуемую завершенность и даже изящество линий. Мама самозабвенно любила красивые стога. Среди множества стоящих

на различных пожнях стогов она распознавала тех, кто их создал.

- Этот стожок метал Иван Петрович, – говорила она с уверенностью и с некоторым восторгом, указывая на очередной встретившийся нам в лесу сенокосный шедевр. – Он это сметал, больше некому.

А потом, увидев другой, определяла:

– А вон тот мётан Автономушком, сразу видно.

Затем, в деревне при встречах с теми односельчанами мама интересовалась:

– Видала я твой стожок Автоном Кириллович. Красивой он у тебя вышел. Четыре заколинки, благошко сенца прибрал. Не ошиблась ли я, ты его метал-то, или другой кто?

– А где Ольга Георгиевна видала-то ево?

– Дак, в Егорушковой кулиге, перед Задним озером. Красивяшшой он больно, подумала я, что твой.

– Дак, он и есь мой, чей ишше? Каков он тамогде? Лоси-то не смягкали?

– Да не-е, стоит. Чего ему сделается?

– Да вот волнуюсь я, Ольга. Зарод-то ведь надоть обкурить со всех сторон табачком, а табачок следоват вдохнуть вовнутрь ево поглыбже, а то выветрит скоро весь. Тогда какой толк? Никакого! Я, Георгиевна, раза три перед зимой обкурить лажусь, штоб, значеть, надёжно дело было... А то-то сенцо не порато я обкурил, помню – не порато. Вот и переживаю...

Надо тут заметить: местные мужики испокон веку придумали верное средство против нападений на сенокосные стога извечных губителей заготовленного сена – зайцев и лосей. Смётанное в стога и оставленное в лесу сено мужики в наших местах «обкуривают» – ходят вокруг с зажжёной папироской и

усиленно пускают дым на только что смётанный зарод сена. Стараются даже вдохнуть табачок вовнутрь сенца, чтобы зарод просто-таки «дышал» табачиной и уже издали пугал зверьё. А коровушки наши табачка не боятся, они ведь живут рядом со своими любимыми куращими хозяевами и весьма приветствуют все запахи, исходящие от них.

Лосиная семья за одну только зиму запросто может скушать два-три полноценных зарода сена, тем более в местах, где зверей не особенно тревожат. А крестьянскому хозяйству невозможно выжить без этого запаса. Зимы на севере долгие и очень холодные. Никакие капканы и петли против них не помогают, кроме простого, но самого надежного средства – запаха табака. Лесное зверьё прекрасно знает, что запах этот всегда сопутствует их злейшему врагу – человеку и стремительно убегают от того места, где обнаруживается такой дух.

Сколько себя помню, самозабвенно любила мама домашних коровушек. Кормилицы эти менялись совсем нечасто – на моей памяти было их в нашем доме в мою деревенскую бытность за все время всего только три коровушки.

О каждой из них можно писать рассказы.

Дело в том, что каждая домашняя бурёнка – это отдельный член семьи со своим характером, привычками, с индивидуальным, как правило, капризным нравом. К каждой коровушке должен быть особенный подход. Мама утверждала: если она перед утренней дойкой не выскажет домашней кормилице обычный набор ласковых слов, не погладит, как обычно, не подарит улыбочку, не поскоблит животик – доброй отдачи не жди: – молочка выдаст меньше, а то и пнет подойник с надоенным молоком, чтобы провинившейся хозяйке ничего не досталось. Не знаю, как у других, а у меня, глядя на маму и её коровушек, сохранилось впечатление о любой корове, как о нежно любимой, но хитрой и коварной женщине с непростым характером.

Для моей мамы все её коровы были самыми заветными подружками. Она входила в хлев и начинала с ними обниматься. У меня до сих пор в памяти сохранилось, что она с каждой своей коровушкой при встречах обнималась и даже целовалась. И кажется мне, что коровы также обнимали и ласкали маму, как и она их. Вот такое воспоминание осталось с той поры, и представляется оно мне совершенно реальным.

Первую коровушку, которая жила на моем веку, звали Голубкой. Приземистая, но не маленькая, она стояла в стойле на ногах, словно крепенькая богатырочка – уверенно и твёрдо. Происходила из коровьей элиты – в раннем детстве была привезена в наш колхоз в составе небольшой партии «холмогорочек» – телят знаменитой холмогорской породы, которых действительно привезли из Холмогор для улучшения колхозного коровьего поголовья... Наверное, была там какая-то интрига, потому как один телёночек из той славной партии неведомо как попал вместо колхозного стада в хлев нашего дома... Ситуация вполне, впрочем, объяснимая: отец наш на тот самый период состоял заместителем председателя колхоза «Заря» – нашего колхоза... И, увидев такое вот счастье – холмогорских телят, оказавшихся под его «надёжным руководством», принял самое разумное решение: «как не порадовать родному человечку», то бишь самому себе! «Одна теляточка», названная впоследствии Голубкой, как-то, может быть и случайно, оказалась в его собственном хозяйстве... так уж получилось...

Голубка всей коровьей статью, поведением и удоиностью отвечала ласковому и милому имени: это было добрейшее, умнейшее и очень полезное для семьи животное. Коровушка наша приносила каждый день более тридцати литров молочка довольно высокой, небывалой для северной деревни жирности. Я так пристрастился с далекого детства к её молочку, что не могу отвыкнуть от него до сих пор. Все ведь говорят: коровье молоко взрослым людям пить не рекомендуется, мол, присутствует в нём какое-то вещество, которое могут потреблять только лишь

маленькие дети. Какая-то лактоза или как там её?.. А людям, вышедшим из детского возраста, молоко пить опасно. Да и люди сами в солидном возрасте это чувствуют, и от молока отворачиваются. Наверное, я не могу никак выйти из того возраста, потому что самозабвенно обожаю молоко от коровы, и могу пить его без ограничений до сих пор.

Голубка избаловала нашу семью любовью к нам. Она растворилась в ней, и была равноправным её членом, знала и любила каждого из нас. Летней порой, вернувшись в дом после пастбища, в хлев не заходила, пока не пообщается со всеми моими братьями и сёстрами, тоже и со мной. Мы так привыкли к ней, что не мыслили жизни без нашей коровушки.

К сожалению, и это страшный и неизбежный догмат для всего сущего: в этом мире конечно всё, всё когда-то заканчивается...

На Севере в зимнюю, тем более ночную пору, всегда холодно. И почему-то родители приняли решение как раз в зимний период отремонтировать коровье стойло, которое сильно прохудилось: через его дырявые стены сквозили северные ветра и грозили выстудить не только коровью загородку, но и весь хлев. Очень уж суровой выдалась та зима... Папа и мама решили срочно утеплить опасные места, но для этого требовалось временно переселить Голубку в другое стойло, тем более что его отыскали довольно быстро – это был пустующий хлев нашего соседа. Мгновенно сговорились, и в положенное время Голубку туда перевели.

Коровушка наша благополучно жила там несколько дней. И вот однажды вечером к соседу заявился друг, а точнее, старый собутыльник, с которым они слишком долго обсуждали мировые проблемы. Покинул дом нашего соседа он довольно поздно – вышел из него уже за полночь и, понятное дело, в развеселом состоянии. Как назло, выходил он не через главную, а хлевную

дверь, рядом с которой находилось стойло Голубки.

Дверь он, будучи сильно выпившим, конечно же за собой не закрыл, а так как зимней ночью был сильный мороз, холодные сквозняки выстудили стойло нашей коровушки – Голубушки. В ту ночь она смертельно простудилась. И заболела... И вскоре не смогла стоять на ногах...

Ветеринар, изучивший её состояние, через несколько дней сказал, что она обречена... Мама с великой печалью перенесла смерть своей подруги. Болела и плакала, как от потери любимого человека.

Мы все тоже плакали...

Поход за теляткой

Остаток зимы семья наша в том году провела не то, чтобы впроголодь, но без коровы всем нам жилось довольно непросто. Это были хрущёвские времена, бездарные и проклятые, когда на фоне глупых кукурузных, целинных и всяких других сельскохозяйственных экспериментов впроголодь жила вся советская деревня.

Потом явилась наконец весна, в дома, и на поля стало приходить тепло, и мама первая стала волноваться:

– Коровушки нету, а я без коровушки не могу!

И вот семья стала думать: как бы обзавестись коровой, да поскорее?

С рук готовую добротную корову не возьмешь – нет таких дурачков в деревне, кто бы отдал в чужие руки разлюбленную бурёнку. Только, если телёнка кто продаст. Теоретически можно было рассчитывать на то, что кто-нибудь за деньги отдал бы телёночка, но это совсем уж вряд ли: телята все напересчёт и в колхозе, в домашних хозяйствах: а ежели коровушка дойная и

молочка дает изрядно, её телятки уходят влёт, очередь на них загодя занимают, задолго до отёла, там случайному человеку не подступиться. В общем, судили родители-рядили и приняли такое решение: попадать в Сосновку, там договориться с кем надо и только там выбрать телёночка. Здесь требуется пояснение: Сосновка – место летнего выгула колхозного коровьего стада из деревни Яреньга, соседней деревни, которое находится километрах в десяти от неё, богатое сочной травой и разнотравьем. Да тут еще полезное дело подстатилось: за тем стадом присматривает и живет где-то там с ним рядом дедушко Игнат, мамин родной дядя. Папа и мама решили: вот он и поможет теляткой обзавестись, подскажет, какого телёночка брать, а какого не надо...

Родители долго советовались, решали:

- Далековато, конечно, пешочком шагать до той Сосновки: семнадцать километров до Яреньги, потом десять до Сосновки, там надо будет потратить время на выбор теленка, на всяки переговоры, то да сё... А сколько денег уйдёт на эту животинку? Как заломит Яреньга цену... Потом обратный путь...

– Затратно всё, – сокрушались родители. – Золотой телёночек-то обернётся!

После долгих обряжаний и совещаний семья решила отправить в дальнюю дорогу на Сосновку двух человек – меня и нашу маму. Почему именно нас? Во-первых, мама была довольно известна во всей нашей районной округе как учительница и деревенская власть, и одно её имя служило пропуском куда бы то ни было для местного населения. Ну а я имел репутацию вездесущего проныры и передвигался на местности довольно быстро, что могло бы сослужить, в крайнем случае, добрую службу.

В общем, в один прекрасный момент мы с мамой выдвинулись в направлении бывшей деревни Сосновки и озера Мураканского, в просторечии именуемого Мураканом, на берегу

которого она находится. Перед нами стояла задача преодолеть пешком около тридцати километров, чтобы выбрать из колхозного стада самого замечательного и красивого телёнка и пригнать его к себе домой. И мама, и я были преисполнены стремления выполнить эту благородную задачу.

Наверное, как я теперь догадываюсь, особенную радость испытывала мама: впервые за долгий период она вырывалась на свободу от этих школьных учебников и тетрадок, от домашнего хозяйства, висевшего тяжким ярмом на её молоденькой шее, от пятерых ребятишек, которых надо было кормить, обувать и одевать, отнимающих все свободное время. От любимых, но изнуряющих силы овец, жутко избалованных хозяйкой, вечно требующих все новой и новой сочной травки, растущей где-то в дальних лесах...

По дороге к Сосновке мы переночевали в доме бабушки Марьи Ондревы – бабы Мани, одиноко живущей в деревне Яренье, на полдороге до цели нашего похода. В доме, стоящем на пригорке над речкой, носящей такое же название. У неё осталось немного сил, и бабушка давно уже не держала корову, поэтому она нас потчевала тем, что было в кладовке, да в шкапчиках: кусочками хлеба, соленой трещёчкой, свежими грибочками с отварной картошкой, пшенной кашей с малой долей молока, подаренного соседкой... Получилось все сытно...

Я давно уже не бывал у бабы Мани и с большим увлечением обшаривал закутки её повети, рылся в старинных железяках и деревяшках, раскиданных тут и там. Мне попадались старые, давно выброшенные из обихода деревянные и тряпичные игрушки, измочаленные до крайности поморской детворой, обрывки рыболовных снастей, какие-то железяки. Все было интересно, но не нашлось ничего полезного, что можно было бы перенести из бабушкиного дома в дом наш, и я потихоньку забросил поиски и вернулся к маме.

Мы подкрепились у бабы Мани пшенной кашкой, сваренной на козьем молочке. Эх, любимая это была еда! С тех

далёких пор не едал я ничего вкуснее той бабушкиной каши, покрытой коричневой мягкой пеночкой! В городе пытался её повторить, да куда там! Наверное, баба Маня знала какой-нибудь приворот, некую секретную тайну того рецепта – приготовления совершенно необычайно вкусной деревенской пшенной каши. Я иногда ночью, когда совсем не хочется спать, прихожу на кухню, наливаю стакан молока и, впав в ночные размышления, совершенно отчетливо вспоминаю нежнейший аромат той бабушкиной пшенной каши, вынутой из горнила русской печки... Вновь мысленно сижу за деревянным столом с чистейшими, вышорканными жесткой щеткой белоснежными досками и, вдыхая их, эти чудесные, свежие, теплые запахи бабушкиной кухни, радуюсь, что нахожусь у неё в гостях...

А тогда, в момент нашего с мамой похода, нам некогда было любоваться бабушкиными изысками, нам надо было продолжать путь.

И мы пошли.

Шли по заплётку, широкой, утрамбованной волнами полосе песка. Всегда нравилось по нему ходить, когда не было шторма: идёшь, как по городскому асфальту, лучше всего босиком, раздольно шлёпаешь по сыроватой, твердой поверхности отливного песочка, ноги в песке не увязают, даже следов почти не остаётся – настолько плотна поверхность берега. Не боясь споткнуться, широко озираешься вокруг и успеваешь рассмотреть всё, что душевненько угодно: уток, чаек, торчащие из воды головы тюленей – нерп и лахтаков. Страшно хитрые они, эти самые тюлени и в то же время, неимоверно любопытные. Около берега они охотятся на стаек рыбной молоди – селёдку, навагу, камбалок, которые не готовы ещё противостоять коварным тюленям и становятся их лёгкой добычей. Ловкие и разворотливые тюлени их быстро догоняют на прибрежном мелководье и скоро набивают толстые брюха свеженьким рыбным молоднячком. Мы с мамой своим присутствием отвлекаем их от любимой охоты, и они внимательно нас разглядывают: ненадолго ли намереваемся мы оторвать их от

полезного занятия, не опасны ли мы для них? Смотрят пытливо и настороженно. Если их что-нибудь пугает, тут же ныряют, выбрасывая лапами пучки брызг.

Иногда на берег из леса выскакивают зайцы. Сидят среди выброшенных морем бревен, задрав кверху серенькие головы, пошевеливают длинными ушами и разглядывают окружающий мир. Здесь, на морском берегу, где вокруг пустынные просторы песчаных кошек и все далеко просматривается, зайцам не так страшно, как в лесу. Там из-за каждого куста может вылезти чья-нибудь страшная морда и слопать его, бедного зайчишку, то ли волчья, то ли медвежья, то ли лисья... Да и россомаха не побрезгует им, и куница... Много врагов у жителя российских лесных просторов – красивого и вкусного серого зайца! И тогда только одна у него надежда – на свои длинные, прыгучие ноги. И они в самом деле часто выручают его в минуты смертельной опасности.

Под вечер каждый день из леса на пустынный берег выкатываются один за другим три медвежонка. На пригорок перед заплестком они выходят вместе с матерью, крупной пятилетней медведицей, сильной и вальяжной, владычицей этих мест, какое-то время сидят на маленькой возвышенности и ждут её позволения выходить на твердый песок, вылизанный морем. Потом, внимательно оглядев окрестности и не заметив ничего опасного на морском берегу, медвежья мамаша даёт сорванцам сигнал: можно выходить! Медвежата резво выскакивают на давнюю, утрамбованную волнами игровую площадку и начинают заниматься любимым делом: шалить – гоняться друг за другом, игриво кусаться, бороться...

Мы с мамой дошли до «своротки», до места, откуда дорога уходила вправо и шла напрямик к Муракану, туда, где около этого озера пряталась в лесах неведомая пока что для меня деревня Сосновка. И дальше пошли через лес.

Сосновка открылась внезапно, хотя о её скором появлении многое что говорило: дорога стала более широкой и

утрамбованной, появилось множество тропинок-отвороток, уходящих неизвестно куда. Было видно: здесь раньше обитали люди, осваивавшие эти места.

Удивительное дело: посёлок, в котором совсем нет человеческого жилья. Пустынное место, заполненное подрастающими соснами, да торчащими кое-где из земли полуразвалившимися деревенскими печками... А ведь здесь, говорят, жило-проживало около тысячи человек. Только местами полусгнившие остовы из одного – двух брёвен, давно пришедшие в негодность, брошенные людьми.

Никого вокруг, ни одной человеческой души.

В Сосновке

О том, что тут стоял поселок, мало что говорило, но в том, что он находился именно здесь, ошибиться было невозможно: повсюду находились утопанные когда-то человеческими ногами площадки, на которых недавно стояли дома – жилища каких-то «спецпереселенцев». Этот странный термин впервые я услышал уже давно, но как-то не придавал ему значения, а тут напрямую столкнулся с ним, с этим словом, когда задумался поход в Сосновку, где когда-то обитали эти таинственные люди.

У нас в деревне жили несколько человек, про которых рассказывали, что они, мол, из спецпереселенцев. Одного звали Семёном Тюлюбаевым. Был это крепкий, кряжистый мужик, явно не наш, не поморский, судя по фамилии, хотя с виду – абсолютный славянин – светлый, розовощекий и, люди рассказывали, страшный бабник. Еще пребывая в категории спецпереселенцев, работал он маячником, командовал несколькими прибрежными маяками, базировался в деревнях, разбросанных по побережью, и, по слухам, имел зазнобушек в каждой деревеньке... Пользовался он тем, что после страшной войны в поморских деревнях маловато было молодых мужиков. Их отсутствие как мог восполнял Тюлюбаев. У него были заведены детишки не с одной местной поморочкой. Что тут

поделаешь, жизнь ведь не умирает, она всегда продолжается... В моей деревне Семён Тюлюбаев жил – поживал у местной красавицы Касины Ивановны, которая в молодости явилась моделью для художника – передвижника Василия Рождественского, написавшего с неё картины «Золотоволосая поморка» и «Семужья путина на Белом море», находящиеся теперь в Русском музее Петербурга. Нашу Касину Семён Тюлюбаев, по укоренившейся привычке, тоже облагодетельствовал, подарив ей мальчика Мишу, с которым я дружил в детстве, и девочку Клаву.

Жила в нашей деревне и дружная семья Куликаевых. Тоже спецпереселенцы. Хозяин семьи Николай Кузьмич участвовал в войне, сыновья, их трое, хорошо учились, поступили в вузы, разъехались, когда это стало возможным. А Николай Кузьмич построил в деревне добротный дом и долго из него не уезжал. Он был классным рыбаком, и, приехав к нам, на Белое море из рыбных мест – с Азовского моря, где был каким-то рыбным начальником, научил местных рыбаков искусству изготовления и устанавливания разного рода невода и сети. Раньше таких снастей у поморов сроду не было, и они Николая Кузьмича, что называется, на руках носили, когда в разы увеличились их уловы. В деревне нашей Николай Куликаев работал начальником местного рыбзавода и, уезжая, сдал этот пост моему отцу.

Так что я изначально с изрядной теплотой и доверием относился к слову «спецпереселенец» и прибыл вместе с мамой на место их недавнего обиталища – Сосновку – с уважением и даже трепетом.

Бывший поселок оказался пустынным песчаным местом в мелком сосновом лесу. Никаких зданий, свидетельствовавших о том, что раньше тут стояли человеческие жилища, не было совсем. На месте, где был посёлок, «живых» домов, где можно хоть как-то притулиться нам, путешественникам, не оказалось. Только местами сохранились низенькие, гниловатые остовы бывших погребов, брошенных прежними хозяевами.

Мама сказала, что все дома разобрали и вывезли отсюда их бывшие владельцы, которые по каким-то причинам не вернулись на Родину в свои дома, когда это было им разрешено, а переехали на новое место жительства – в соседний поселок Пертоминск. Там теперь эти пустые дома и стоят.

Нас потихоньку поджимало время – день заканчивался. Надо было искать дедушку Игната – мамину родню, чтобы подготовить ночлег. Нашли его быстро – по коровьему мычанию, которое довольно отчётливо выделялось на фоне берёзового и соснового шума, раздающегося со стороны Мураканского озера, или, как его тут называют, Муракана. Там, должно быть, паслось колхозное коровье стадо, где состоял пастухом мамин родственник.

Он поднял старые кости с бугорка, весь подался вперёд, какое-то время пытливо и недоверчиво изучал гостей, потом страшно обрадовался маме:

– Сколь давненько не видал я тебя, Олюшка, родню свою! – запричитал дед и пустился обнимать мою маму, – Эт – ты, едрит-твою! Скольки годочков-то я ж не глядел в твои глазки, красавица ты моя! Дай, хоть позырюсь-то на тебя!

Он причитал, и в старых, потусклых глазах его стояли прозрачными жемчужинками, искренние слёзы радости.

– Вот ведь радость-то кака явилась ко мне на старости годов! Благодать Христова! – бормотал дедушко и все выхаживал вокруг нас, демонстрировал радушие. Потом остановился напротив меня:

– А ето-то ише хто? – спросил он у мамы, тыча в меня пальцем.

– Да, ты разве не видал? Это сынок мой, Павлушка.

– О-о, дак Пашко значеть... А ево я и не помню... Токо слышал... У тебя, Оля, много ведь их, робяток разных... Равзе

упомнишь всех...

Вот такое состоялось у меня знакомство с маминой роднёй – дедушкой Игнатом. Он показал нам с мамой местечко, где предстояло нам ночевать, – во вполне тёплом маленьком сарайчике, где хранилось дедушкино хозяйство, и мы с мамой там осталась на ночь. Старый Игнат принес откуда-то два простеньких солдатских матраца – мне и маме, и мы прекрасно на них выспались. Сказал: «Вот солдаты жили у мя, дак и одарили. Хороши робятки были...»

Мама сразу же уснула, а я пошел на Муракан. Устроился там на лежащей на берегу сухой белой, осинової кокорине, уже дрябловатой от времени, покрытой в некоторых местах дыриватой серой корой, а потому мягкой, и занялся любимым делом – стал глядеть на воду и мечтать.

Встреча с Мураканом

В полутьме белой, летней ночи передо мной разверзлось огромное, почти черное пространство, вяло играющее на поверхности тусклыми разноцветными бликами. Это был легендарный, знаменитый на все эти старинные места Муракан. Уж я-то знал, что леса эти наполнены всякими тёмными тайнами, что в них без большой надобности лучше было не заходить. Сказывали мне друзья мои, что тут такое водится... такое!

Говоря откровенно, жудковато мне было сидеть на осинової кокорине одному, в чужих, безлюдных местах на берегу пустынного, громадного Муракана и всматриваться в водную глубину, из которой невесть какой корявый вурдалак с бородавчатой рожей может выползти, схватить меня за ногу кривыми зубищами и утащить в чёрную глубину неведомого мне лесного озера. На помощь звать некого, да и что толку: зови не зови – никто тут не поможет...

Казалось мне: таинственное, чёрное пространство будто

бы дышало, словно живое, и из дальней его дали прилетали ко мне загадочные, тревожащие слух звуки: то чей-то приглушенный и протяжный крик, то будто бы стон отверженной, погибающей души, далёкий, последний... Я сидел маленько взбудораженный, растревоженный этими внезапными для меня, новыми впечатлениями и силился не удрать отсюда к маме, к дяде Игнату – мне ведь тогда было совсем мало лет, и было мне страшновато в чужих этих местах, в неведомых пока пространствах.

Впереди, на огромной, широкой, дальней, противоположной оконечности берега плавало, купаясь в воде, его зыбкое миражное отображение. Там, в таинственном мареве прятались какие-то тени и звуки, еле слышно, словно скрытая под вуалью, куковала кукушка и будто бы спросонья, отрывисто, вполголоса крикали утки. Было видно, как перед этой широкой полосой затенённости медленно-медленно, но как бы с очевидной радостью колыхалась прозрачная вода, расцвеченная пусть и вечерним, но вполне ярким летним небом.

Отражающая небесный простор, озерная вода отпечатывала все его цвета, все оттенки, и поэтому озеро повторяло все краски, купающиеся в нём. Все это создавало прекрасную, чудесную и цельную картину северной природы, распахнувшуюся передо мной.

Я, совсем ещё мальчишка, тогда впервые обнаружил и навсегда впитал в себя ощущение великого счастья родиться в этом цветном, удивительном крае, называемом Русским Севером!

Грета Чесновицкая (Россия /

Поэт. Автор 13 поэтических сборников. Заслуженный учитель России, Лауреат Премии Правительства Москвы, Лауреат Renaissance française (Франция /, Кавалер Ордена Академической Пальмовой Ветви (Франция /.

А утром вдруг запели соловьи,
И солнце ласково нам улыбнулось.
Цвела сирень, жужжали в ней шмели,
Гроза ушла и больше не вернулась.

Деревня. Лето. Солнце. Благодать.
На завтрак булка с маслом и варенье.
И хочется сейчас же всех обнять.
Шагнешь с крыльца, а там... стихотворенье.

Анне Ахматовой

К Вам в дом на Фонтанке
Спешу ранним утром
Погожим.
Туда, где чуть слышно
Скрипят половицы
В прихожей.

Ах, Анна Великая,
Анна Земная,
Мы с Вами похожи.
Вы много любили,
Вы часто страдали.
Я тоже.

Ваш облик надменный,
Ваш облик ранимый
Тревожит.
Вы так одиноки,
Вы так уязвимы.
Мы схожи.

У Вашего дома
Цветы полевые
В траве придорожной.
Я где-то читала,
Что Вы их любили.
Я тоже.

* * *

Стояла жуткая жара,
Цветы ей кланялись устало,
Трава желтела и страдала,
Природа жаждала дождя.

И вот сегодня он пошел,
Принес с собой благоуханье
И влажных листьев обожанье,
И откровенный разговор.

И этот дождь, и кутерьма,
И это серое безумство,
Ну как мы жили без дождя?
Он разбудил все наши чувства.

Стучал по крыше, по крыльцу,
В окно заглядывал ревниво,
А этот дождь тебе к лицу,
Ты так отчаянно красива.

Дождливый серенький уют,
Живая влага на бутоне,
Березы мокрые ладони,
И двух сердец отчаянный стук.

Есть тихая улица в центре Москвы,
Хранимая в сердце навечно,
Где каждой весной, с появлением листвы
Ко мне возвращается детство.

Наш дом двухэтажный и шорох ветров,
Романтика старого сада,
Свеча на столе, строчки первых стихов
И счастье влюбленного взгляда.

Пусть жизнь нас торопит, и время зовет,
Но в старом саду, на аллее,
Мечтательный мальчик всегда меня ждет
И дарит цветы мне, краснея.

Грустный дождь идет с утра,
Все вокруг совсем промокло,
Ветер злится у крыльца
И листву швыряет в окна.

Беззащитная свеча
Вздрагивает и рыдает,
День тихонько умирает,
Превращаясь во вчера.

Он уходит этот день,
Он уже не повторится,
Остается только тень
Перевернутой страницы,

Остается только сон
Сожаленья и молчанья,
Колокольный дальний стон,
Прилетевший к нам случайно.

По пустынной мостовой
Бродят одиноко тени,

Одинокий постовой
Регулирует движение.

Эта тайная калитка
Прямо в лес.
Эти сосны, эти ели
До небес.

И июньский теплый дождик,
Легкомысленный безбожник,
Пробежал вдоль всех дорожек
И исчез.

Улыбнулся мне веселый
Солнца луч,
Показался на мгновенье
Из-за туч.

И задумчивый прохожий,
На волшебника похожий,
Мне на счастье подарил
Скрипичный ключ.

Эти летние поляны
И цветы,
Эти дивные моменты
Красоты.

Я несу домой в корзинке
Две веселые смешинки,
Голубые паутинки,
И стихи.

Ах, эта ночь была волшебна хороша,
Луна сияла, бледный свет струился,

Сирень вокруг отчаянно цвела,
И сладкий запах в комнатах кружился.

А людям отчего-то не спалось,
Смотрели в небо, радуясь мгновенью,
И в тишине ночной из сада донеслось
Влюбленных соловьев затейливое пенье.

Я этой ночью тоже не спала,
О чем-то размышляла, волновалась,
И вспоминала нежные слова,
Но их сказать кому-то побоялась.

Соленые брызги и ветер в лицо.
Разбита бутылка о борт!
Храните нас Боги!
Направление: Норд,
Наш бриг покидает порт.

Несется корабль
На всех парусах.
Матросам сейчас не заснуть.
Звезда приключений зовет за собой,
Нам освещает путь.

Командует судном
Седой капитан,
Акулы ему не страшны.
Ведет он корабль сквозь ночь и туман
К таинственной бухте Любви.

Душа – нараспашку!
И нежный рассвет
Сияет над головой.

Русалка смеется на гребне волны
И манит нас в даль за собой.

Вот и осень пришла.
И краснеет задумчивый лист,
А по небу куда-то
Тревожно бегут облака.

Не грусти, дорогой,
Это просто осенний каприз.
Посмотри-ка, как радостно
Нам улыбнулась луна!

Вот и дождик пошел.
И отчаянно по крыше стучит.
Кажется, он недоволен
Тобою и мной.

Не печалься, мой милый,
Это просто осенний мотив.
Этот дождь нам с тобою
Подарен осенней судьбой.

Как изменчиво время!
Мы взлетаем и падаем вниз.
И ты листик замерзший,
В кармане случайно найдешь.

Что же это такое?
Да просто осенний сюрприз.
Можешь золото листьев
Погладить своею рукой.

Меня милый приглашает:
«Приходи ко мне, родная.
Посидим с тобою рядом,
Выпьем доброго вина».

Но в окне сияет солнце,
Голубеет купол неба,

И кузнечики стрекочут -
Вот такая лепота!

Так свежи и алы розы,
Просыпаясь на рассвете,
Так прекрасен птичий гомон,
Так уютен этот мир.

Выходи скорее, милый,
Не сиди сегодня дома.
Купим вишен и малины,
Обо всем поговорим.

А вино поставим в погреб,
Чтоб оно похорошело,
Стало томным и тягучим,
Словно солнечный нектар.

И однажды в зимний вечер
Ты нальешь вино в бокалы,
И поднимешь тост за счастье,
Как ты мне и обещал.

В этом мире дождливым
Кружатся туманы,
В этом мире дождливым
Замолкли все птицы.

Нам с тобой одиноко,
Мы с тобою устали,
И дождливой строкою
Лист осенний ложится.

Дождь идет непрерывно,
Моноotonно, отчаянно,
Все скамейки промокли
В саду сиротливым.

Лишь взволнованный ветер,
Пробегая случайно,
Треплет челки шальные
Беззащитным осинам.

Дождь идет бесконечно,
Упрямо, печально,
В темных лужах дрожат
Почерневшие тени.

Одинокий бродяга,
Проходящий случайно,
У безмолвного храма
Вдруг встает на колени.

В этом мире дождливом
Все становится странным,
В этом мире дождливом
Так легко заблудиться...

Молчаливые тучи,
Берегут свои тайны,
Уплывая на север,
Как промокшие птицы.

Задуло, замело, застыло
И все, что есть, и все, что было –
Все снегом занесло.
Исчезли горе и потери,
Остались белые метели,
Летящие в окно.

Пурга выходит на прогулку,
Проносится по переулку,
По белой целине,
Холодный снег летит, кружится,
Как будто бы большая птица
Влетает в дом ко мне.

Морозный росчерк на оконце,
Замерзло небо, воздух, солнце –
Везде царит зима.
Давай забудем то, что было,
И жизнь свою начнем счастливо
С замерзшего листа.

Под пень декабрьской вьюги
Я вспомню о городе Брюгге:
Блик солнца в старинном окне,
Манящую прелесть каналов
И кружево старых кварталов,
И книги на вашем столе.

А музыка тихо звучала,
И все начиналось сначала:
Тропинки в саду,
Холодного храма молчанье,
И вашей руки обещанье,
Сны наяву.

А улочки в вальсе кружились,
Прозрачные тени ложились
Под ноги коней,
Мосты выбегали навстречу,
И в прятки играл синий вечер
С сияньем огней.

Под пень протяжное вьюги
Я вспомню о городе Брюгге:
В бокале вино,
Сквозь ветер, и снег, и ненастье,
Как призрак далекого счастья,
В нем светит окно.

Отмечали Новый год на старой даче,
Печка, елка, красное вино,

Мы тогда так верили в удачу,
В чудеса, в любовь и в волшебство.

Новый год наколдовал сугробы,
Спрятались тропинки и пути,
В белый снег проваливались ноги,
Оставляя темные следы.

Помнишь, как дыханьем руки грели,
И метель стучалась к нам в окно,
Звезды, словно льдинки акварели,
Нам светили нежно и светло.

Как тогда мы громко хохотали,
Танцевали новогодний вальс.
Как друг друга крепко обнимали,
Что-то вдохновляло, видно, нас,

Все прошло и выглядит иначе,
В памяти остался свет луны,
Мы с тобой вдвоем на старой даче.
Молоды, прекрасны, влюблены.

Привет! Что слышно? Как дела?
У нас опять похолодало.
Гуляет за окном зима,
И радости на свете мало.

И нет ни писем, ни звонков,
А только грусть воспоминаний,
Тревожных, беспокойных снов
И неисполненных желаний.

Метет на улице пурга,
Замерзший лес застыл в сугробе,
И одинокая луна
Горит на темном небосводе.

А загулявшая метель
Всю ночь поет и веселится.
И лишь под утро спать ложится
В свою замерзшую постель.

А следом, следом шел февраль,
Холодный, снежный, молчаливый,
А я была такой счастливой,
Разглядывая календарь.

Мне нравилось, что день растет
И нам приносит больше света,
И что обещанное лето
К нам обязательно придет.

Горела лампа на столе,
Уютно улыбались свечи,
Бродил по дому тихий вечер,
Обычный вечер в феврале.

Кружился бесконечный снег,
Ложился пышным одеялом,
Следи сугробов, в куртке алой,
Шагал какой-то человек.

Холодная луна в окне
Чуть-чуть надменно улыбалась,
И было счастье на земле.
Жизнь продолжалась... Продолжалась....

Приснился мне волшебный сон,
Струился свет со всех сторон,

Луна светила фонарем
На подоконник.

Дорог белело полотно,
Мороз заглядывал в окно,
И плакал где-то за стеной
Чужой ребенок

На елке праздничный наряд
И ярких бус блестящий ряд,
Чудесный запах волшебства
В еловой кроне.

Изящным росчерком пера
Кружилась новая строка,
И ожиданье Рождества
Царило в доме.

Как прекрасно на свете жить!
И гулять по весеннему саду,
Обо всем с тобой говорить
И сидеть на скамеечке рядом.

Любоваться ночной тишиной
И беспечной задумчивой речкой,
А потом идти босиком,
По ночной росе до крылечка.

Вдруг стихи о любви написать
И тебя тихо гладить рукою,
Что-то сразу тебе рассказать,
Улыбнуться чему-то с тобою.

Не бояться мелькания лет,
Быть всегда молодой и красивой,
И гордиться, что смотришь мне вслед,
И считать себя очень счастливой.

Если я тебя забуду,
Если ты меня забудешь,
То померкнет в небе солнце,
Остановится земля,

Улетят куда-то птицы,
Убегут куда-то звери
И погаснет в темном небе
Одинокая звезда.

Если я тебя забуду,
Если ты меня забудешь,
Не для нас созреют вишни
В нашем сказочном саду.

И восторженный кузнечик
Не сыграет нам на скрипке
Ранним романтичным утром
На заброшенном лугу.

Протяну к тебе ладони,
Обниму тебя покрепче,
И закаты, и рассветы
Засияют краской вновь.

Запоют о счастье птицы,
На земле наступит лето,
И продолжится на свете
Эта сказка про любовь.

Саша Зеленская (Швейцария /

Родилась в 1968 году в Ленинграде, в семье военного моряка. Жила на Камчатке, в Новосибирском Академгородке и Москве, затем в Швеции, Америке. Последние 20 лет проживает в Базеле. Окончила Биофизический факультет Стокгольмского университета и Фарма факультет Университета города Бордо. После защиты диссертации в Каролинском Институте по нанотехнологии работает в области медицины. Интересуется поэзией и искусством, стихи пишет с детства. Автор поэтического сборника «На краю вселенной» (2014 / и двуязычных сборников детских стихов-загадок «Звериный калейдоскоп» (2018–2020 /). Стихи публиковались в детской российской газете «Ставроша», французском детском альманахе «Сверчок», украинском литературном альманахе "Порог" и американском литературно-художественном альманахе «Чайка». Увлечена популяризацией русской культуры и поддержкой русского языка дальнего зарубежья. Принимает участие в ежегодном Салоне Русской Литературы в Париже, в Монако и в конференциях учителей русского языка в Европе.

БАБОЧКА

Эта личинка с хитрой начинкой –
В ней спрятаны тело, головка, усы,
Изящные ножки у бабочки-брошки
И крылья невиданной в мире красы!

Минута её непременно настанет,
Когда из безмолвного кокона вдруг
Пред нами крылатое чудо предстанет
И выпорхнет бабочкой в небо из рук.

Люблю глухой январь, затишье от застолья,
Крещенские морозы и ярко-белый снег,
Мне не хватает здесь сибирского раздолья –
В избытке лесника остаться на ночлег.

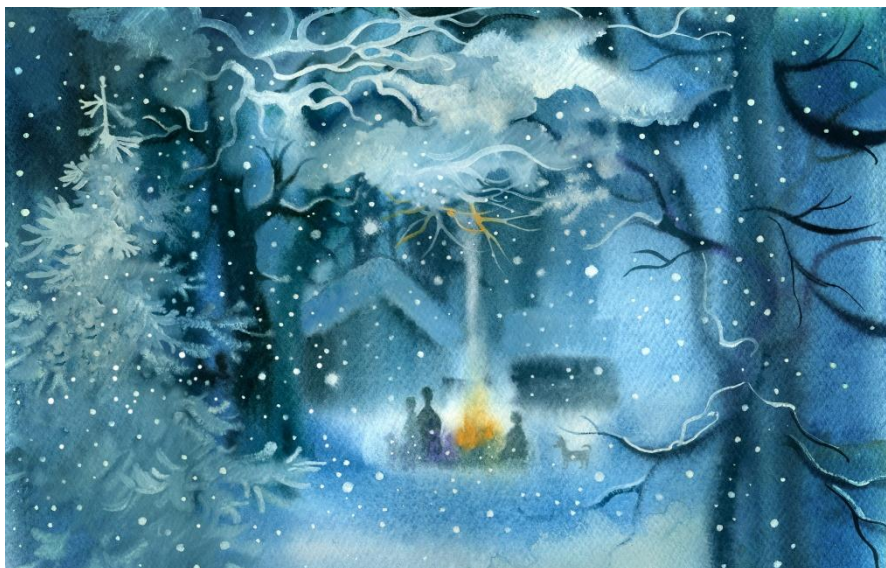
Под утро свет лучей и треск сорок разбудят.
Я выгляну в окно, и мой охватит взгляд
Волшебный зимний лес. И долго снится будет
Заснеженного кедра причудливый наряд.

И валенки в сенях давно уже заждались,
Уставши от весны и летнего тепла;
Морозом и снежком, как дети, наслаждались,
Но вечер наступил, и звезды ночь зажгла.

Струится дым костра, и тает в тёмном небе
Сосулек перезвон и в чаще волчий вой...
И не понятно мне, где быль моя, где небыль.
Но обретёт душа смиренье и покой.

И снежного тепла на всех всегда нам хватит,
И нет границ тайге, как жизни нет конца.
И волчью песню вдруг душа моя подхватит,
И вместе с дымом – прочь из зимнего дворца.

.

Не снимай пальто,
ни к чему и свет.
Славно думать, что
нас сегодня нет.

Посидим в тиши,
поглядим в окно –
близких две души –
как давным-давно.

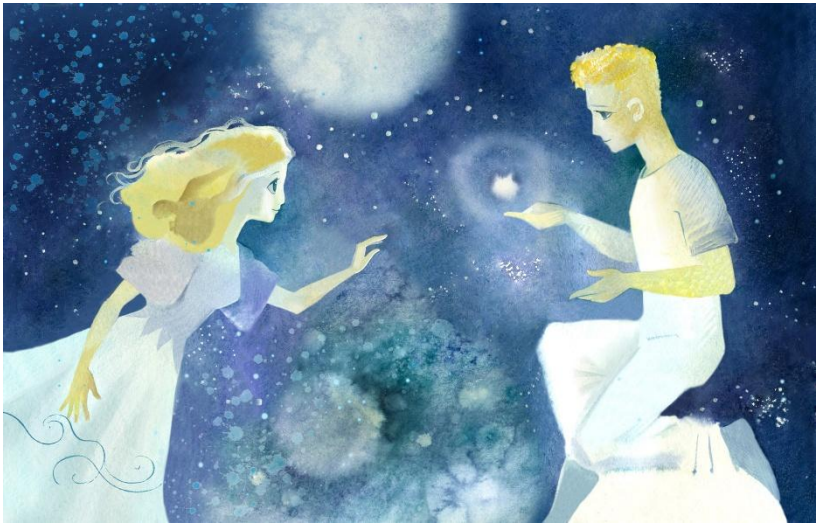
Там, за тем окном,
где – то свет, то мгла –
как в кино немом,
наша жизнь прошла.

Грустная строка...
И в окне ни зги...
Не грусти, пока
две души близки.

Легко по Млечному Пути
Иду – давно мечтал пройти,
Собрав в свое лукошко
Небесных звезд немножко.

Вернусь, когда весь Путь пройду.
Я принесу тебе звезду.
Но было б интересней
Гулять по небу вместе.

Мне кажется, меня за гранью ждут,
Огонь свечи поддерживая ночью,
Где все меня по имени зовут,
Но только где – сама не знаю точно.

Когда же время и моё придет,
Апостол Петр сам врата откроет,
Утешит, длинный волос заплетёт
Бескровный лик заботливо омоет.

И, превратившись в абсолютный слух,
Услышу глас немислимых наречий.
Обрящет новый смысл мятежный дух,
И скорби обратятся в радость встречи.

Там раны все затянутся мои,
И я пойму – всё было не напрасно,
И мне откликнутся земные соловьи,
Что жизнь была беспечна и прекрасна.

Ольга Оливье (Франция /

Родилась в России. Поэт, переводчик, эссеист. Окончила художественно-графический факультет Московского Государственного Педагогического института (МГПИ) / Изучала французский язык в Сорбонне. Живёт во Франции. Профессионально занимается живописью и декором интерьера. С 2016 г. принимает участие в работе иконописного ателье в Париже, продолжающего традицию Леонида Успенского. С 2018 г. член парижского общества «Икона» и участвует в выставках общества в частной парижской галерее. Автор журналов «Нева», «Эмигрантская лира», «Литературные знакомства», международной антологии «Высокие ступени» (Германия, 2025 /, сетевых и альманахов «45-я параллель» и «Сетевая словесность». Переводит стихи французских поэтов – Луизы Лабе, Виктора Гюго, Жерара де Нерваль, Артюра Рембо, Гийома Аполлинера, Рене Ги Каду, Поля Валери. В мае 2024-м и 2025-м годах участвовала в международном поэтическом форуме «Солнечный ветер» в Анталья (Турция / и Сочи. В первую книгу Ольги Оливье «Сад откровений берегите» (СПб. Алетейя, 2025 / вошли стихи и переводы французской поэзии. В издательстве Алетейя готовится к выпуску поэтическая книга «Небесные весы».

КОСТРЫ ТЩЕСЛАВИЯ*

Бессмертные полотна дышат жизнью,
Нас вдохновляют, уцелели чудом неспроста,
В тяжёлый век, когда от злобы именем креста
В огне пожара гнила красота.
Земные женщины жизнелюбивости полны,
В их косы нити жемчуга искусно вплетены,
Глаз радуют парчовые наряды.
Торжественная молодость цветёт,
Но близятся уж времени коварные шаги,
И скоро гонг безумца злобного пробьёт,
И будут жечь картины Боттичелли.
Не раз ещё такие адские качели
Во времени возникнут вдруг

* Костры тщеславия – ритуальное сожжение всего светского, считавшегося греховным во времена правления монаха Джироламо Савонарола, самого жестокого правителя Флоренции.

И вызовут у поколений будущих
Растерянный испуг.
Погибнет много книг, бесценных книг,
И Муза музыки от страха содрогнётся,
Когда огонь костров над скрипками взвощётся.

ГРОДНО

Если бы мы не уехали из Гродно
в Петербург, то не оказались бы
в блокаде Ленинграда,
но тогда... тогда не было бы
твоего отца и тебя.

Хочу поехать в этот город
И не еду. Сущяя беда.
Надо бы давно его увидеть,
В сны мои он не приходит никогда.
Намечтала я себе про этот город,
Его запахи и праздники, но те,
Что давно уже исчезли в суете
Перемен границ и судеб,
Языка его и сути.

Калининград

ТЯЖЁЛЫЙ ГОД

Моим родителям

Издалека
Мне, видно, лучше,
Моё далёко —
Неблагополучно.
Мои истоки — -
Две светлых речки,
И их в невзгодах
Люблю я крепче.

Уставшая нежность к любимому прежде,
Листочком, дрожащим в осенней надежде,
Зимою застынет.
Искристая нежность к любимому ныне
Смеётся и дышит,
Легка и влечением беспечным наивна,
Не зная сомнений печальных уныния.

Купола златоглавые в том городе были,
Так уж нет их в помине давно.
Златогласые колокола по обедни звонили
И по утрени, их забыть не дано.

Златовласые девы волооко взирали
Сквозь узор окон, а монашенки пели
Словно в душу глядели, словно знали,
Что нам пережить суждено.

ВЕСЕННИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Ещё вчера с утра наш
Безнадёжно-сонный сад
Угрюм, упрям и однозначен,
Тепла и перемен не ожидал
И сильным недоверием
В пробуждение был охвачен.
Сегодня к вечеру его поцеловал закат —
Смущённо и всерьёз в весну поверил сад
И посмотрел на мир совсем иначе.
Собой любуясь, жизнелюбием дыша,
Он расцветает, и его садовая душа
От счастья чуть не плачет.

Кламар

БЕЛЬГИЙСКИЙ СОН

Мы идём сквозь лесные дебри,
Перед нами — сказочный люд
Открывает резные двери:
Анфилады их в сумрак ведут.
Не споткнуться, не обернуться
Мне нельзя.

Монотонна грусть.
Я иду и стараюсь верить —
Это сон.

Поутру я проснусь.

Антверпен

Любовь уходит тихо, как вода
Из тёмного засохшего колодца.
Смеётся злое городское солнце,
И гулкие, как эхо, холода.
Неосторожной поступью возврата
Прошедшее манит издалека.
Былая нежность помнится,
Она ли виновата
В студёной злобности
Людского косяка...

ЦЫГАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

В нас схимницей таится ночь,
Как в таборе цыганская любовь,
И память дней не превозмочь
Свободных и прошедших царски.
В степь скачет конь, боится муж
Глаз огневых, жену укравших,
Всходивших над копной из шёлковых волос,
Как две звезды, в тумане утра заплутавших.

ГОРОД В ПЛАТАНАХ СЕДОВЛАСЫХ

Когда я обрела Париж,
Нашла я здесь покой,
Такой желанный и родной,
Как будто из минувших лет,
Печальных далей и невзгод
Вернулась я домой.
Приехала издалека,
Paris меня встречал
Так, будто знал он обо мне,
Давно уж, знаки подавал
И тихо-тихо звал.
И где бы ни была с тех пор,
Мой друг меня хранит
Своей нетленной красотой,
Он надо мной парит.

Париж

ЭДЕЛЬВЕЙС

На сердце так спокойно и светло,
И восходов радости в нём вешние лучи.
Любовно распускает эдельвейс
На недоступной взгляду высоте
Свои цветы.

Альпы

ПЕРВЫЕ ВЕРЛИБРЫ

Непоседливый день
Неприкаянный год
Недолго длящийся полдень
И поиски его в сумерках
То память о другом
Таком же быстром дне
И суете затевающей напрасно
Свои пантомимы
По списку приготовленному
Заранее и забытому
Но его можно всегда обновить

И вот уже на миг разлуки
Нашей стало меньше
И вот уже на миг
И вот уже на взгляд
На тень на дождь за окном
И вот уже на миг
И всё-таки на миг
И всё ещё на миг

Париж

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АРТЮРА РЕМБО С ПЕРЕВОДОМ СТИХОТВОРЕНИЯ «ВПЕЧАТЛЕНИЕ»

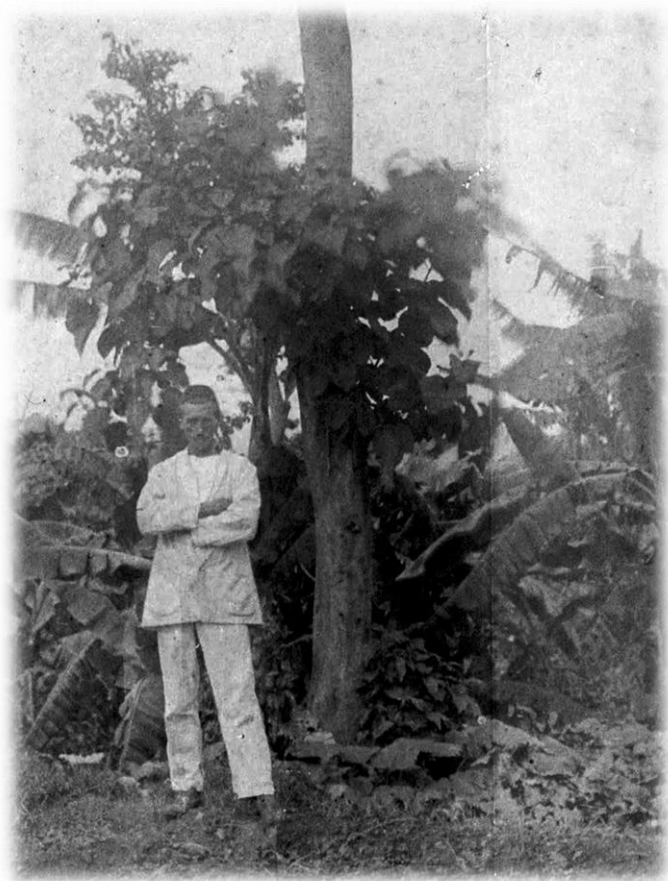
Жан Николя Артюр Рембо (Jean Nicolas Arthur Rimbaud
/
1854 -1891.

Я в свои годы намного старше взрослых
людей и даже некоторых стариков.
Артюр Рембо

Действительно, фотографии 30-летнего Рембо удивляют: на них мы видим, если и не старика, то зрелого человека, выглядевшего гораздо старше своих лет. Артю́р Рембо, безусловно, одна из самых загадочных фигур в поэзии Франции — человек-сенсация. Жизнь его противоречива, и всё в ней, кажется, отдано на волю случая.

Рембо стал одним из основоположников символизма, экспрессионизма и имажинизма в поэзии. Он открыл путь экспериментам, показав, что это возможно и насколько это возможно. Его поэзия являет собой новую для того времени поэтическую реальность, в которой он в поиске нетрадиционных форм и техник использует символику, множество аллегорий и метафор. Рембо станет писать в технике свободного стиха и верлибра для более свободного выражения своих мыслей и ощущений. Поэта раздражали какие бы то ни было условности и правила скучной, как он считал, набивающей оскомину добродетельности. Бунтарь против социальных норм, он

скажет: «Что вы от меня хотите, я упорствую в своём обожании свободной свободы».

Артю
Рембо в
Хараре,
Эфиопия,
1883 год.

Образы, с помощью которых Артю Рембо передаёт свой внутренний чувственный опыт, необычны и экспрессивны, многие из них мистичны. Стихи он писал с ранней юности; мечтал стать сверхпоэтом, а это означало для него поэта-революционера. Его интересовали только новые смыслы, исключительно то, что может произвести революцию, взлом общепринятой системы. Кумиром Артюра был не кто иной, как Шарль Бодлер, а девизом — его высказывание: «Будь пьян, если не хочешь быть заложником бегущего времени; будь пьян

постоянно!». Истолковывать прямо приведённую выше фразу Бодлера было бы ошибочным; поэт, скорее, имел в виду опьянение самой жизнью, ощущениями, которые она дарит и из которых впоследствии и рождаются поэтические строчки.

Скандалные истории возникают повсюду, где бы Рембо ни появлялся, особенно — в поэтический период его жизни. Творческая карьера Артюра Рембо длилась от силы четыре года, и за это время ему удалось добиться славы, но на пике известности он бросает писать стихи.

Рембо родился на ферме в семье военного и зажиточной крестьянки в Шарлевиле, который можно назвать чем-то средним между разросшейся деревушкой и маленьким провинциальным городком. Он переходит экспромтом из класса в класс и за свои диалоги на латыни в тринадцатилетнем возрасте получает литературные премии. Его литературный дебют произошёл в 15 лет. С раннего возраста — свободолюбив и самонадеян, он ещё подростком, учась в местном лицее, называл его «психушкой» и постоянно держал в голове план побега, мечтая поскорее вырваться с семейной фермы, на которой рос. Отец ушёл из семьи, когда дети были малы, и на ноги их ставила мать. Она никогда не воспринимала своего сына как одарённого поэта и всегда считала его неудачником. Артюра же никогда не покидала уверенность в своей гениальности, и если он и бросил писать стихи, то причиной стало разочарование в литературных занятиях и в окружении, а переломным моментом — роковой выстрел в брюссельском отеле, когда Поль Верлен прострелил ему запястье в алкогольной горячке. Происшествие, которое называют «брюссельской драмой», стоило стрелявшему двух лет тюрьмы, поставило окончательную точку в их отношениях. Рембо перестаёт употреблять алкоголь, гашиш и... не напишет больше ни одной поэтической строчки. Как говорят некоторые исследователи его жизни и творчества, отказавшись от поэзии, он совершит своего рода «духовное самоубийство».

Возникает желание рассматривать его жизненный путь как череду провокаций. Рембо отличался буйным нравом и предпринимал непредсказуемые шаги. И всё же, если присмотреться внимательнее к его жизни, с ранних лет Рембо свойственен и рационализм. Он с завидным постоянством и незаурядной волей к победе чётко действует по плану, который,

как бы сейчас сказали, «работает». Юношей он рассылает свои стихи повсюду, стремясь заявить о себе и заручиться покровительством. С одним немаловажным уточнением — он посылает их знаменитым людям. Таким образом, одно из его посланий попадает престолонаследнику. Стихи, написанные на латыни, нравятся, и молодого поэта награждают премией. В 1870 г. шестнадцатилетний Артюр отправится в путешествие по северу Франции и Бельгии, к чему его подтолкнула первая публикация одного из стихотворений. Предприняв несколько попыток, не все из которых удались, он доберётся до Парижа. Оказавшись ненадолго в городе своей мечты, в одну из своих поездок он примет участие в восстании Парижской Коммуны. Его письмо к Полю Верлену, попав к адресату, вызывает восторг, за которым последует приглашение приехать в столицу, о чём Рембо только и мечтал и в чём ему нужна была помощь и поддержка, которые он незамедлительно получает, а ведь в письме было всего лишь два стихотворения. Верлен, будучи поэтом, известным на всю Францию, вышлет молодому дарованию деньги на дорогу, назовёт его «великой душой» и гостеприимно распахнёт двери своего дома. Встреча двух поэтов окажется судьбоносным событием, которое поменяет их жизни навсегда. В 1872 г., через два года после знакомства, Верлен и Рембо сначала уезжают в Лондон, затем путешествуют по Европе, и в Брюсселе и происходит то, что Рембо будет считать покушением на свою жизнь. Верлен попадает в тюрьму отбывать наказание, а Артюр отправляется путешествовать в одиночестве до 1880 г. Затем он опять кардинально меняет свою жизнь и, одержимый желанием стать богатым, пускается странствовать по миру. Завербовавшись в Голландии в солдаты, Рембо попадает в Индонезию, а затем дезертирует и возвращается в Европу. Какое-то время он скитается с бродячим цирком, переезжая с места на место. Его жизнь полна приключений и желания непременно разбогатеть. Рембо оказывается в Африке, живёт в Египте, Эфиопии и Йемене. Он занимается торговлей кофе, пряностями, звериными шкурами, как, впрочем, и контрабандой оружия, и не раз пускается в рискованные предприятия; ему приписывают даже участие в торговле людьми.

Несмотря на то что после 1873 г. Рембо отошёл от написания стихов, от карьеры репортёра он не отказался, напротив — пробует себя на поприще журналистики. Появляется его доклад о путешествиях, который публикуют в Географическом обществе

Парижа. Путешествия, а вернее странствия, настолько захватили Артюра, что даже стиль писем к друзьям и родственникам меняется. Если поначалу они ещё поэтичны, то позднее становятся более философскими, а затем конкретными и рациональными. Первыми биографами Рембо стали его друзья, люди, с которыми его связывали семейные и дружеские узы; среди них — сестра Артюра и многочисленные поклонники его поэтического дара. Сложно сказать, насколько незаинтересованными и объективными они себя проявили. Интерес публики к личности человека-сенсации был огромен. Вокруг истории его жизни возникает множество мистификаций. Из его писем к друзьям и сестре мы узнаём, что однажды он собирается вернуться во Францию, сколотив, по его же словам, капитал. Сам он издал лишь один сборник при жизни в 1873 году, который был завершён, когда поэту ещё не исполнилось и 19 лет. «Одно лето в аду» — по сути своей исповедь-отречение о его невозможности далее жить в словах, как в жизни, объясняющая решение девятнадцатилетнего поэта оставить поэзию, выйти из своего ада. В 1886 вышел сборник «Озарение» — при жизни Рембо, но уже без его участия. «У меня будет золото, я буду праздным и жестоким» — известная его фраза того периода. Но судьба распорядилась иначе, и 37-летний Рембо умирает в госпитале Марсея от неизлечимой болезни, перенеся мучительную операцию. Он был похоронен в своём родном городе Шарлевиле.

Начиная переводить Артюра Рембо, я выбрала одно из его ранних стихотворений. Артюр ещё шестнадцатилетний юноша, и, пусть даже всегда опережающий по своему развитию сверстников, но он всё ещё мечтатель. Здесь пока нет самозабвенного упоения саморазрушением.

SENSATION

*Par les soirs bleus d'été, j'irai dans les sentiers,
Picoté par les blés, fouler l'herbe menue:
Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur à mes pieds.
Je laisserai le vent baigner ma tête nue.*

*Je ne parlerai pas, je ne penserai rien:
Mais l'amour infini me montera dans l'âme,
Et j'irai loin, bien loin, comme un bohémien,
Par la Nature, – heureux comme avec une femme.*

Mars 1870

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

*Синим вечером летним я пойду побродить вдоль дорог,
Вновь почувствую свежесть приятную от прохлады земли,
И колоть станут стебли пшеничные наготу моих ног,
Забавляясь, будет нежно играть в волосах ветерок.*

*Вдаль безмолвно последую я за цыганской планидой моей:
Бесконечной любви переполнен, сладким предамся мечтам,
И, как женщине суженой, Природе всю душу отдам,
Разглядев и почувствовав счастья отблески в ней.*

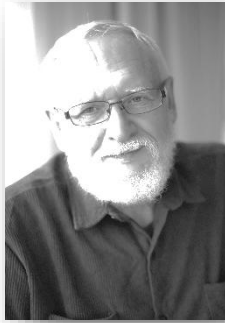
Несмотря на то, что даже в его ранних стихах присутствуют мрачные ноты, в этом стихотворении скорее сквозит печаль. Годом позже, в 1871 г., Артюр создаёт «Пьяный корабль» — необычайно мелодичный и структурированный рассказ от лица корабля, которым овладевает стихия волн. Произведение написано в форме 25 четверостиший александрийским размером и становится визитной карточкой, делая его знаменитым. Поэзия понималась им как свобода, свобода абсолютная и любые чувства имели право на воплощение совершенно любым образом. Поначалу это была своего рода игра в разрушение, игра нарочитая, чрезмерная, и, играя в эту опасную игру он будто бы потерял контроль над собой и стал иным. И вот уже стихия разрушения охватывает его и несёт.

Рембо становится младшим из «проклятых поэтов» по возрасту, в котором писал, но отнюдь не по своему значению во французской поэзии и не по влиянию, которое он оказал на последующие поколения поэтов — не только французских, и которое трудно переоценить.

Последователями его стали среди прочих Гийом Аполлинер, родившийся спустя десятилетие после ухода Артюра Рембо и Поль Элюар. Сам термин «проклятые поэты» появляется во Франции в 1883–1884 г. после того как Поль Верлен опубликовал цикл статей с одноимённым названием и объединил в список выдающихся талантливых поэтов, поэтов

непризнанных, отвергнутых буржуазным обществом, непонятых им, поэтов, сознательно выбравших отказ от буржуазных ценностей и не вписывающихся в общепринятые рамки. Они — чужаки во враждебном им мире, демонстративные разрушители правил поведения, зачастую ведущие вызывающий образ жизни. Во второй половине XIX в. Рембо стал даже более популярен, чем раньше, и его книга «Одиночество в аду» причислена к мировой классике. Поэты-символисты поставили его в один ряд с Бодлером. Артю́р Рембо сгорел — будто жил в ускоренном режиме, как пролетевшая комета, на миг ярко осветившая мир и запомнившаяся навсегда. Стихи его вошли в Вечность, кем бы он ни слыл и каким бы человеком он ни был на самом деле.

Борис Барфельд (Россия /

Барфельд Борис – родился 17 января 1956 года в пос. Новостроево Калининградской области, закончил с отличием университет по специализации «Теоретическая физика». С 1978 по 1997 год работал в Научно-техническом тренажёрном центре.

В настоящее время руководит работой отеля «Дом Сказочника» в Светлогорске и ведёт работу по организации литературного процесса в Калининградской области. Женат, отец трёх взрослых дочерей.

Член Союза российских писателей, после объединения в 2025 году член Союза Писателей России.

С 2010 года - председатель Калининградской областной писательской организации. Член правления Регионального отделения Российского фонда культуры, главный редактор журнала «Балтика», редактор и составитель многих альманахов и антологий. Автор девятнадцати книг художественной прозы и поэзии, книг по истории края. Рассказы и стихи печатались в российских и зарубежных литературных журналах, антологиях и альманахах. Организатор литературных конкурсов и фестивалей. В том числе: одного из самых крупных и известных в стране – конкурса-фестиваля «Русский Гофман»; Курановского конкурса миниатюр; конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной».

Лауреат главных региональных и городских премий в области культуры и литературы. Лауреат Всероссийской премии Литературной газеты «Гипертекст» за 2024г., премии Сергеева-Ценского за 2025 г.

Мои грехи не считаны,
Мои стихи не читаны,
Снегами запорошены,
За дальнем полем брошены.
Зачем же ты писал их?
Куда и с кем шагал ты?
Зачем, как в строфы, слова вязал в плоты –
Надеялся на парус, но ветер с моря стих.
Так что же остаётся,
Что отчего ведётся,
Куда вода стремится
С равнин и снежных гор?

Поэзия – последний честный довод,
Так огласи его, в крови омыв строку.

Поэт, смелей звучи и в радости, и в горе,
Твой голос – только твой, он не для пенья в хоре.
Покуда ты живёшь, природе вторя,
Синеет небо, отражаясь в море,

Покуда парус ветер гонит к дому,
И за строку поэт подьёмлет рюмку рому,
Влюблённые не верят злomu вздору,
Орёл кружит над вечною землёю,
И деревья на золото меняют пыльный лист,
Читает Пушкина изысканный артист
И просто человек – поэзия живёт любовью.

Я в двадцать первый век перелетел
на крыльях ветреных фонем,
я не восславил этот век, но пел
о нём я не был в этом веке нем
и слышал ритм в гуденье трасс и вен.

Я век, как воздух, пробовал на вкус,
он поначалу майским мёдом пах
и хлебной коркой, но к вечеру, как уксус
горло драл, палёной водкой на дровах
дурманил мозг, всех нас оставив в дураках.

Я не любил тебя, мой век второй,
к моим губам не прикоснулся колос
страсти, я был свидетелем, порой
участником, но не зачинщиком безумной
драки, лишь к разуму мой голос призывал.
Я двадцать первый век перетерпел,

но так и не сроднился с ним — я пел!
Хоть знал, что всё пойдёт в отвал.

Прародитель наш — прошлый век,
Да хрущевский короткий забег,
Всемогущий атомный Бог,
Всенародный космический скок,
Под вокзальные песни калек.
За плечами любовь и весна,
Заводских общаг теснота,
Расставанья с любовью навек,
Горький дым от блатных лесосек,
Пара крепких запекшихся строк
На заснеженном хлопке бинта.
Что осталось у нас кроме слов,
Кроме тайных детских дворов,
Убегающих вдаль дорог,
Счастливых, коротких снов,
Ожиданий, случайных встреч,
Всё, что дорого, как сберечь?
Сохранить, не отдать в залог —
Ни колодец, ни терновый венок,
Ни учебник "Родная речь".

Кто-то торгует в лавке,
Кто-то читает Кафку —
Каждому здесь своё,
Но со времён Цицерона
Не существует закона,
Как выйти в Наполеоны
Корсиканцу иль русаку —
Провиденье всегда начеку.
И пусть пиджаки в заплатах
Будущие Ландау
Едут на пары в трамвае,
Поэты стихи в запале
Читают в подлунном зале.

И форварды верят в удачу,
Когда пробивают пенальти.
А где-то жестянщик Женья
Трубы гнёт на колене.
Он знает, что в жизни жести
Больше, чем на рабочем месте.
И значит, ему нужно гнуть,
И стеклодуву – дуть,
Священнику – благословлять,
А детям – в войну играть.

Душа невесома!
Её как измерить?
На весах в роддоме
Акушерки Мария и Анна
Пытались взвесить
На вдохе и выдохе, в игре и во сне,
Но весов точных нет ни внутри, ни во вне.
Душа, где она?
Притаилась в каком закоулке тела?
Каким огнём обожжена?
Пролить на землю света луч успела,
И в борозду бросить горстку зерна?

Душа по Платону, по Ю'нгу и Фрейдю –
Не познаваема, как ни крути,
Ницше не встретишь на млечном пути,
Зато в Кёнигсберге по Канта завету
Она полна звёздным светом –
Законом нравственным озарена.
Где не был бы ты: в купе вагонном,
В море или степи к тебе с вопросом
Обратится когда-то душа:
Жива ли любовь в мире оном
Иль всё это след миража?
Душа – коль ты невесома,
Взлетай к небесам, пока спят сторожа.

Какое долгое прощание,
Как море, что шумит внутри,
И звёзд далёкое дрожание
Неверное, как обещанье
Встреч мимолётных и объятий,
Прими, что было без изъятий.
Все буквари давно

 Забыты,

Крест на крест двери

 Все зашиты,

Все окна навсегда

 Забиты

И все дороги на восток
К Смоленску, где грустит Твардовский,
Закрыты стражником литовским.
Нам не принять, что мир жесток,
Мы беззащитны, как желток
Яйца, что сварено в крутую,
А скорлупа на всю шестую
Часть земли уже просыпана тобою,
Ты не спасёшь мир ворожбою,
Увяз у птички коготок,
Но где-то всё ж взошёл росток.

Памяти 4 июля^{*}

Слепой июль, уставший от жары,
На ощупь собирающий дары,
Где вишни наберёт, где земляники,
Звонящих пчёл небесные хоры,
Здесь девушка в серебряной тунике
Проходит сквозь миры, как сквозь дворы.

Весь остров погружён в цветенье липы,
Вы слышите, доносит ветер всхлипы,

* 4.07.1939г. - опубликована «Десятая поправка к Закону о гражданстве Рейха» и 4.07.1941 – сожжение синагог и массовое убийство евреев в Латвии.

На Линденштрассе лающие крики,
Но мы с тобой покуда не убиты,
Пока на нас с небес взирают лики
Великих предков и простых учителей.

Всё отразилось в этом кратком миге,
Кровь на траве, разорванные книги,
Тень Канта на обшарпанной стене,
Пред ней Магистр, Король, безликий
Диктатор в ликующей на улицах толпе.
Запомните всё это, и не повторите.

Временно, помни, всё временно,
Сердце стучит размеренно,
И сколько бы век не хрипел,
Природа жизнью беременна,
Хоть у каждого свой предел.

Помни, всё изменяется,
Море с сушей встречается,
Древний лес засыпает песок,
Но смола янтарём возвращается,
Когда иссякает Эриданов поток.

Слышишь шаги в полутьме,
Пирует конвойный в корчме.
Время стучится в наш дом,
Твой ангел томится в тюрьме,
Лодочник ждёт за окном.

Остались последние сроки,
Две грунтовых сельских дороги,
Кому доведётся под утро
Расслышать последние строки?

МАЯК

В доме смотрителя маяка не горит огонь,
Все окна выходят на воду, ветер качает лодку лениво
В комнате сухо, но сыростью тянет с залива.
Мы одни, кот обижен и мяучит за крайним окном,
Рыбы нет, оттого и хозяйка давно его не кормила.
Вечер, телевизор орёт в угаре блажном
Да копытами за углом бьёт восьминогий конь.

Туман опускается, кто зажжёт огонь маяка?
Кто выйдет на пристань встречать баркасы
с уловом? Три старухи и два седовласых
Старика смотрят вдаль, ожидая домой рыбака,
Последнего из их выпускного класса.
Обними же меня на краю, пусть память вязка,
Мы останемся здесь, пока нас не укроют снега.

Но пока, пока мы живы ещё и способны любить,
Мы открыты солнцу и ветру, любви и свободе,
Пока рыбы в заливе идут косяком и на восходе,
Ветер гонит волну, парус заката алеет на горизонте.
Решено, зажжём под вечер маяк. На небосводе
Лодки стали в парадный ряд, но некому нынче мстить,
Вина, как всегда на народе, и возница на старой подводе
К окопу свозит бродяг, снова на Куршском фронте
Не хватает снарядов и перчатки порвались на кукловоде.

РЕЙН

Рейну Евгению Борисовичу

Опустошён мой город,
Рейн ушёл.
Ушла вода,
каналы обмелели,
ушли слова.
Из-за угла
метели налетели,
пал мир отцов
и мироносных жён,

и тенями
утраченных дворцов
теперь усыпаны его аллеи.

Разрушен миф,
меж рисками часов
застыло время,
стрелками кривыми
царапая высокий небосвод,
и чашечки аптекарских весов
дрожали перед нами как живые.

В воссозданный собор
на цыпочках минут
впорхнула вечность,
адресов не зная,
она по следу шла,
путь беглеца
был крут,
но ускользала вечность,
её сгоревшая дотла
шальная нежность,
её беспечность
металась и ждала певца.

И, выкурив до фильтра «Кент»,
Рейн воротился.
Он вышел к рампе,
зал затих,
страх растворился.
Рейн выдохнул и прошептал:
«Разрушен город» –
мороз по коже пробежал,
но век итожа –
хор зазвучал,
и Моцарт ожил.

В шорохах ночи до зари не уснуть,
мышы минут точат стропила лета,
август в звёздах увяз по грудь,

утонула Галактика в 18 веке, где-то
бродит корова по пастбищу детства
и спасительный Млечный путь
превращается в замкнутый круг.
Но под утро шепчет Коперника внук:
«Поверьте – она всё-таки вертится».
И сын шорника в звёздный плуг
запрягает морального человека.
На автобус не купишь без блата билета
в янтарную осень учение о небе сурово -
до весны на счастье наложено вето,
но в стойле ждёт звёздного сена корова.

Я яблоню любил тогда,
Она была юна и в белой пелерине,
Со мною в танце обнималась до утра
Пять майских дней, покуда лепестки
Соцветий, кружась, как в танце балерины,
Не падали в озёр бездонные зрачки.

Я уезжал, она одна хранила завязь,
Поила соками земли свои плоды,
Держала на ветвях их, не терзаясь
Сомнениями, кому они нужны, стараясь
Не допустить в них гнили иль иной беды,
Покуда беззаботно по жизни плыли мы.

И наступала осень на планете,
Я возвращался в сад и снова обнимал
Твой стан и ветки на рассвете,
Снимая яблоч спелых урожай,
Не вознося тебе заслуженных похвал.
О яблоня моя, мой сад, наш край,
Мы дети, дети, дети.

Временно, помни, всё временно,
Сердце стучит размеренно,

И сколько бы век не хрипел,
Природа жизнью беременна,
Хоть у каждого свой предел.

Помни, всё изменяется,
Море с сушей встречается,
Древний лес засыпает песок,
Но смола янтарём возвращается,
Когда иссякает Эриданов поток.

Слышишь шаги в полутьме,
Пирует конвойный в корчме.
Время стучится в наш дом,
Твой ангел томится в тюрьме,
Лодочник ждёт за окном.

Остались последние сроки,
Две грунтовых сельских дороги,
Кому доведётся под утро
Расслышать последние строки?

В моём люпиновом краю,
Так много грусти,
Я песнь призывную пою:
Присядь со мною на скамью,
Покуда, порхают бабочки в саду.
Нам скоро вновь стоять на перепутье.

Недолго бабочкам кружить
В их танцах дивных.
Так мало суждено им жить,
А нам придется ворожить
И чтобы выжить - ещё немного шить,
Чтоб совладать с судьбой, не сгинув в ливнях.

Но наших рук переплетенье
Среди отчаяния и тлена,
Созвучье неповторимых голосов, смятенье
Жарких взглядов, биенье в унисон

Доверчивых сердец, спасенье
Чистых душ во глубине вселенной,
Любимых и детей спокойный сон.

Из паутины снов,
Из забытья глухого,
От морока мужского
Я выходил по тропам слов.

Слова вели меня,
Давали силы, я пробовал слога
На вкус, как наша речь строга,
Зато надежны строфы и стропила.

Я долго строил дом,
Я подбирал слова под окна и под стены,
Вязал их меж собой в катрены
И был спасён и стройкой, и стихом.

Март, иду в расстёгнутой рубашке,
Слышу птиц и дальний рокот моря,
Мне так жаль, что в ре-минорном Бахе
Нет гуденья пчёл над разнотравьем поля.

Мне так жаль, что долгая дорога
Меж холмов и рощиц одичалых
Затерялась в городских кварталах,
От мечты оставив лишь тревоги.

Мне не жаль разбитых амулетов,
Хлам машин и ржавчину металла.
Из лесов, в багряный цвет одетых,
Слышу я твой тихий голос, мама.
Нынче март без снега и без вьюги
Утонул в тюльпанах и мимозе.
Я держал в тепле живот и руки,
Но забывшись, душу обморозил.

Вода ещё не охладела,
ещё не плачут небеса,
но знают листья и трава,
что август ныне на пределе.
Ряды влюблённых поредели,
но кто-то верит в чудеса.
Роняет яблоки судьба,
и их несёт, несёт река
вдоль берегов, где поседели
мои враги, твои друзья.
Летит по небу пьяный Хронос,
поёт о прошлом детский голос,
жужжит любви веретено,
но воротить нам не дано,
ни звон стрекоз, ни цвет волос,
ни отбродившее вино.

Запах осени — астры и листья,
Утро, сумерки, призрачный свет.
Вечер ранний с повадкою лисей
Закружил меня в омуте лет.

Мне казалось, давно забыты
Та печаль, под рябиной скамья,
Где стоит с головой непокрытой
У подъезда юность моя.

Мне казалось, никто не вспомнит
Через пару десятков лет
Ревность моря и сумрак комнат,
Рокот волн, летящий вослед.

Запах осени — листья и астры,
Надвигающийся снегопад,
Одиночество — пёс ушастый,
Ничего не вернуть назад.

Фарфоровые солдаты Родины,
Железные матери, ждущие их,
отцы со свинцовыми взглядами,
цветочные девочки - их лепестки
и стебли каждый день армируются
сталями спецмарок
пока они не станут огнеупорными.
Это все мы, стоим без шапок
у гранитной фигуры Матери-Родины.
Это мы, руками слепых,
тщетно ощупываем её
холодную каменную стать,
надеясь наткнуться на мягкую грудь
полную тёплого молока,
или хотя бы найти место
для записки-мольбы
о спасении фарфоровых солдат.

Что рассказать тебе о реке?
Облака отражаются в ней.
В ней небо плывёт по теченью,
Луна фонарём горит в маяке.
Вдалеке пастухи купают коней,
Наши тени пьют воду забвенья.

Тёплые камни зовут к смиренью,
Холодные камни разлуки молчат,
Воду ночи лакает стая волчат
И Бог приступает к творенью
Каждым утром и снова Ирод зачат,
Сонные рыбы судьбы не спят.

Что рассказать тебе о небе?
У него есть река!

Слова из того польского танго
шепчу я,
танцуя с тобой:
«Утомленное солнце нежно
с морем прощалось.
В этот час ты призналась,
что нет любви».
Мы медленно кружимся в танце
и этой мольбой о любви я
завораживаю тебя.
То польское танго
с русскими словами
звучит во мне в эти дни мая.
То старое предвоенное танго
польских евреев,
в котором всё уже случилось:
ужас и радость,
смерть и любовь.

Это танго
в наше последнее воскресенье,
говорят его называли
«танго самоубийц»,
не знаю, может так и было.
Но время - автор великого романа,
танго выживших звучит во мне
голосом певца
из ещё не сожжённого Минска.
А может из замёрзшего Магадана
доносится эта музыка,
и синий платочек Изабеллы
летит над нами
подхваченный ветром времени.

В наш город полный тайн и волшебства
нагрянет осень. Выходных не зная,
срывает листья, под ноги швыряет из щедрости,
а больше озорства.

Ах, эта осень пьяная, шальная, дождливая,
но всё-таки моя.

Охапки листьев в жажде торжества
Познания изменчивой природы расстелет
щедро осень пред тобою,
и ты определитель насекомых раскроешь,
словно книгу бытия,
и считаешься, и будешь поглощён зимою.

В наш век наивных мудрецов, забыв о неге сна
и муках яви, ты допьяна напьёшься талой влаги,
очнёшься от зимы и прохрипишь - пришла весна.

Но грянут грозы, из небытия восстанут травы,
оживут дубравы и с нежностью небесного Отца
тебя объемлет лето. Так жизнь летит, и нет
на времена управы.

ИНОСКАЗАНИЕ

Я зябликом порхал
Над лесом и полями,
Летал стремглав между ветвями
В лесах и парках,
На соснах гнёзда вил,
Пренебрегая тополями.
Я песню пел весне,
И появлялись дети
Назло лихой судьбе.
Я зябликом кружил,
Хоть жизнь мне
Расставляла сети,
Знакомств высоких не водил,
Умом спасался от врагов,
Был независим от чинов,
Я счастлив был,
Порой влюблён и весел,
На этом свете.

Что остаётся в жизни после нас –
Осиротевший школьный класс,
За озером холмы, несжатые поля,
В тетради недописанный рассказ,
Невыплаканные слёзы февраля,
Не сказанные вовремя слова и майская гроза,
Над водной гладью о лодку стук отцовского весла,
И позабытые до срока адреса.

Недолговечны камни и сады,
Разрушатся дороги и мосты,
Отступит море и, сметая всё, вернётся вспять,
Покинут навсегда наш край дрозды.
Но не смирится с этим Человек, он будет ждать
Отчаянно весны, всё дорогое силясь сохранить,
Запечатлеть навек у старого крыльца отца и мать,
Надеясь этим отыскать времён связующую нить.

Он знает, есть язык, есть письменность и речь –
И в этом смысл, и в этом шанс сберечь
Всё то, что дорого для человека и народа.
Язык надёжней, чем копьё и меч,
Преображенье в нём и вера, и природа,
И реки малые, и Волга, весенние посевы и страда,
В нём жизнь учителя, творца и морехода.
Храни его, не пожалев ни головы, ни живота!

Мы отключаем звук у телефона,
Как будто бы подачу кислорода
В уснувший на закате мозг,
И на фальцет съезжаем с баритона,
Переходя раздавленный веками мост.
Разлей вино на левом берегу реки,
Пока буксиры, словно старики,
Покашливая и кряхтя надсадно,
Толкают с прошлым баржи, вопреки
Теченью времени, насвистывая марш нескладно.

Мы всё ещё надеемся, что вспять река
Вдруг тронется однажды, и славные войска
Восстанут из небытия в парадные коробки
На площадях столиц, и блеск штыка
Затмит мундиры дипломатов робких.

Но кончилось вино на третьем круге,
Простимся без обид, пока упруги
Наши плечи, груди, крупы лошадей,
Пока не меряем наградами заслути,
Пока не слышен шаг последних патрулей.

МАРТ, НА КРУГЛОМ ОКНЕ – ЖАЛЮЗИ

Как мало круглых окон на Земле,
Как много солнца в горном хрустале
Весной сверкает на закате дня.
Художник опускает жалюзи́, и тени
Ложатся на мольберт, на стены, двери,
И обнажённый ждёт тебя...
Тыходишь, вихрь срывает платье,
И будто с подоконника в объятья
Ты падаешь без звука и стыда.
Но день твой не кончается любовью,
Здесь март, а там, на севере в зимовье,
Где для эскизов не хватает полок,
Нет в чуме окон, вместо двери – полог,
И, чтобы заниматься здесь любовью,
Чтоб не сойти с ума от ожидания,
Художник в ожидании свиданья
Вскрывает сталью мамонтовый бивень,
Воображая, что ещё невинен.
Он повторяет «люди», «буки», «веди»,
Восьмого марта сбудутся виденья,
Он мысленно срывает жалюзи́,
Не понимая, что любовь уже вблизи.
По снежной тундре грустные медведи
Бредут гуськом неведомо куда...
Ему всё кажется – теперь снега навеки,
Но вслед медведям катится река,

Реке известно, что пришла весна,
И к жалюзи всё тянется рука.

Нас кто-то проклял этим февралём –
Зима всё длится, длится, длится...
Хоть март уже почти за поворотом,
И масленицу тайно от соседей
Сожгли, в язычество впадая мы.
Но ноздреватый снег не тает,
Лежит и сам не помнит,
Когда он выпал.
Но ты, ты помнишь всё –
Обиды все и радости, и боли,
И нет спасенья от памяти твоей,
О Мнемозина – Урана дочь
И мать не повзрослевших муз моих.
Кем стану Я, когда случится ночь? –
Фрагментом памяти двух-трёх друзей.
Но есть опасность утонуть в деталях,
В твоих морях на ветреном рассвете –
Детали губят всё,
Как мелкий дождь на роковом свидании.

Я к Родине привязан
Холмами, реками, ремнями детских снов,
Я за язык пожизненно обязан
Озёрам и лесам - за сочность деревенских слов,
За запах земляники на лесной поляне,
За всплески на водной глади,
Играющей плотвы, весеннее роскошество садов,
За северные сказки старой няни,
За разлинованные школьные тетради,
За гнёзда ласточек, за первые свиданья
Под куполом небес, за древние преданья
Священных рощ, за крики журавлей
И шрамы на теле городов.
Я в эту землю врос корнями,

Я сын её, меня вскормила молоком
Священная корова с её полей,
Я напоён российскими дождями,
Ночами слежу тайком
За парусами старинных кораблей,
Я видел орденских хоругвь знамёна,
Бесчисленное воинство орды,
Хвастливых конников Наполеона,
Так вожделевших во время оно
Янтарь и золото, рабынь и соболей.
Я славлю героев Севастопольской страды,
И слышу грозный отголосок «Балаклавской бури»,
И ставлю парус над волной светлей лазури.
Храни мой сон земля и белой простынёй
Из облаков укрась - когда-нибудь и сам я стану землёй.

Михаил Рахунóв/ США /

Михаил Рахунов поэт и переводчик родился в 1953 году и весомую часть своей жизни прожил в Киеве. В настоящее время проживает в Чикаго. Автор шести поэтических книг, книги афоризмов и книги переводов американской поэтессы Сары Тисдейл. Неоднократно печатался в американских журналах «Fog You», «Время и Место», «Интерпоэзия», «Связь Времен», Чикагский еженедельник «Реклама». Несколько стихотворных подборок напечатаны в журнале «Нева», в московской газете «Поэтоград» и европейском журнале «Крещатик». Стихотворения Михаила Рахунова переведены на английский, французский, польский и вьетнамский языки.

КАРТИНЫ И ПОЛОЖЕНИЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Съели кошек в Ленинграде.
Бедный Васька, бедный Мур.
Эту тему, бога ради,
Не затрагивайте. Чур!

Лучше вспомним дни Победы,
Шум весенний, яркий свет,
Долгожданные обеды,
Хруст картофельных котлет.

И неслыханное чудо:
Память детства — эскимо!
От каких щедрот, откуда
Это пиршество само!

От России лишь ошмётки,
Мы же гордости полны.

Без нашивок, без пилотки
Выпадаю из войны.

А в квартире серый сумрак,
Книжных полок пустота;
На столе чужой окурок,
Ложка, вилка, два бинта.

ФРЕЙЛИНА

картинка из семидесятых

Остатки роскоши: фамильная камея
Была обменена на хлеб в сорок втором.
И вот она живет, у сыновей, не смея
Просить о помощи, не думая о том,

Что смерть кружит за окнами, что внуки
Забыли бабушку, играют во дворе;
Сидит на стульчике, скрестив по-женски руки,
Быть может, так она сидела при дворе.

Заснули блики солнца на коленях,
Мурлычет кот под кухонным столом,
Ей нужно отдохнуть — пусть несколько мгновений, —
Вернуться в прошлое и вспомнить о былом.

Есть фрейлины на свете. Вам не верить,
Но мне — увидеть и узнать
Как превращаются разлуки и потери,
Дожди и вьюги в благодать.

И дар, не тронутый чужого века прозой —
Все так же яркое, будто нимб над головой.
Всем женским естеством — манерами и позой,
Она несет духовный облик свой.

Да будет счастлива простившая всех старость,
Надежда, прикоснись к ней ласковой рукой,
Любовь, сотри с ее лица ненужную усталость,
И, вера, словом, успокой.

Хоронили священника. Крест у погоста
Закрывал блики солнца скорбной тенью своей.
Сторож церкви, небритый и маленький ростом,
Приглашал на поминки незнакомых людей.

У могилы открытой собрались горожане,
И районный начальник, местный, видимо, бог,
Зачитал по бумажке, список грамот и званий,
Подводя брэнной жизни последний итог.

После каждый сказал пару слов и лопатой
Сообразно в могилу ком подсыпал земли.
Старый дуб не шумел, всё смотрел виновато,
Журавли пролетели острым клином вдали.

Скоро все разошлись, по тропинке пустынной
Пробежал щуплый мальчик, лет семи, невысок,
И у свежих цветов на песчаный суглинок
Положил, озираясь, ярко-красный цветок.

ВОРОЖЕЯ

Еще немного зелья, еще немного травы,
Две лягушечьи лапки и шляпка поганки
И, напоследок, громогласное «мы-они-вы» —
И сила рук пророчицы-цыганки
Сделает свое дело: вспенит раствор,
И тот взорвется искрами без числа,
Огнем осветив двор и кривой забор,
Выплеснувшись сгустком из недр котла,
И тут же, превратившись в полупрозрачное существо,
Этот новорожденный засмеется, страшно рожу искривив,
Бросится в лес, где живого человека ни одного,
Только кикиморы, леший и прочий лесной актив.
Загудит и вздрогнет под его ногами земля,
Тучи набегут, и в бубен ударит гром,
И все это действие будет проделано для
Того, чтобы ты уснул самым глубоким сном,
И почувствовал там, в своем колючем и густом бреду,
Как галактики, кружатся, разбегаясь и сходя с ума,
Чтоб ты не мог проснуться, себе на беду,
И увидеть, как жизнь растворяется сама
В этом ржавом котле на краю села,
Где старая цыганка ворожит с утра,
Где вокруг нее — ни кола, ни двора,
Только землянка, как в земле дыра.

ШУБА

Откуда она появилась и тайной зарубкой легла
Под сердце вонзилась гудящей щемящею болью,
Зачем он — гусар, балагур — на отшибе чужого села
Крестьянке, безумствуя, дарствует шубу соболью?

Откуда знакомство такое, что тайну уже не хранить —
Забыты балы Петербурга и юные девы —
И полк не простит, и порвется супружества нить,
Но как отказаться от чар неземных королевы.

Послушай, Катюша, Я всё понимаю, прости,
Но мир без тебя... — что ты медлишь? — никто не догонит!

Что барин твой нам? Да и где ему стать на пути
Любви, пред которой он злой муравей на ладони.

Я все тебе дам — и ты будешь княгиней в Москве,
Ну, что нам Москва, мы в Париж убежим на рассвете —
Там солнце другое и птицы воркуют в листве,
И даже зимой их приветливый гомон заметен.

Пустых собиратель бутылок, в пальто и поношенной шляпе,
В карманах — какие-то тряпки; не брит, не ухожен, не кормлен.
Сидит на скамейке угрюмо: недели как две, видно, запил —
Мычит, обращаясь к прохожим, такой себе старенький гоблин.

Он сетку с бутылками прячет, когда кто-то мимо проходит:
Пойди угадай, что за птица, — отнимет последнюю радость.
Встал медленно, вышел, шатаясь, из парка на улицу — вроде,
Закончил он день свой рабочий, и больше бутылок не надо.

Москва, не жалеешь ты вовсе своих одиноких скитальцев.
Они — москвичи — постарели, их жизни на кончиках пальцев.
А если сказать откровенно — ну что тут расскажешь под вечер...
Беспечно столичное лето: разжалобить чёрствое нечем.

СЕКРЕТ

И сказала ему сова
Потаенные те слова,
И открыл ему серый волк
Тайны самых тайных дорог,
Мудрый ворон, взмахнув крылом,
Указал на заветный дом,
Где, войдя через черный ход,
Он свой главный секрет найдет.

Он по лисьему следу шёл,
Он за птицей синей бежал,
И таинственный дом нашел,
И вошел в полутемный зал.

Он не стал жалеть всех потерь,
И, бессмертную жизнь губя,
Отварил потайную дверь
И увидел за ней себя.

Есть маленькая Грузия
Среди высоких гор,
Туман там белый стелется
И закрывает взор.

Но, если солнце выглянет,
Растают облака, —
Увидишь: бьется, пенится
И вниз бежит река.

И между гор долиною
Река окружена.
Как будто свитой преданной
Властителя жена.

Лишь там домам отстроеным
Умелою рукой,
Дается право высится
Над гордою рекой.

Зигзаги узких улочек
И кольца площадей
Под солнцем желто-розовым
Становятся видней.

Вот церковь остроносая,
Вот крепость над водой;
Сады вокруг зеленые,
И воздух — голубой.

Когда мечтать мне хочется,
Лечу я в те края,
Где так легко мне дышится
И где так счастлив я.

ПОЛКОВОДЕЦ

Сидеть на дряхлом пне
И подводить итоги —
Такая участь мне
пока не суждена.
Я человек, а НЕ
Какой-то там двуногий,
Гарцую на коне —
И ноги в стремена!

Идут за мной полки
Тяжелым твердым шагом.
Движением руки
Я их отправлю в бой.
И, Бог нам помоги,
Вперед под гордым флагом!
Заклятые враги,
Кляните жребий свой.

И коль останусь жив,
Бойцам в глаза я гляну
И первому — Держи! —
Я крест свой подарю, —
Иди перевяжи
Свою пустую рану,
Скачи и доложи
О радости царю!

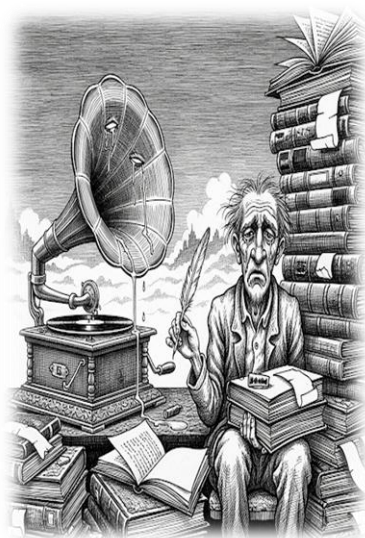

ОБЭРИУТСТВО

Граммфон и графоман
Громко плачут в унисон.
Ах, давно у них роман,
Он похож на дивный сон.

Граммфон иглу сломал,
Графоман замолк и сник.
Эту повесть я узнал
Из давно забытых книг.

Где тот гулкий граммфон,
Жив ли старый графоман?
Лишь утерянных времен
Низкий утренний туман.

ПРО МЕРТВЕЦА

Обмыли бойко тело, —
Пропал ты ни за грош,
Теперь, такое дело,
Уже не оживешь.

Висишь побитой птицей
Под лампами, хоть плачь,
А тело длиной спицей
Терзает старый врач.
Смотри на эти пасы,
На вспоротый живот.
Да, медики не асы —
Совсем наоборот.

Потащат черги к Черту
Тебя за волоса
За то, что ты, упертый,
Не верил в Небеса.

ПАРАЛЛЕЛИ

Мир двуличен — он по краю
Въёт и радость, и беду.
Я на поезд опоздаю,
Я на поезд попаду.

Буду ехать первым классом,
Спать на полке с багажом,
Разбавлять горилку квасом,
В ресторане пить боржом.

Врать о Лондоне соседке,
Петь в плацкарте "ямщика",
Фолиант мусолить редкий,
Ночь сражаться в дурака.

На конечной остановке
Побегу в метро не то,
Увезет водила ловкий
Нас с попутчиком в авто.

Буду ярок, как на сцене,
Проведу весь день в пивной:
Этот мир — он тем и ценен,
Как шкатулка, он двойной.

Вы попали под машину,
Укатили за бугор —
Всё на равных, все едино
С давних лет, с недавних пор.

СТАМБУЛ

1.
Плач за окном разбудил рано утром.
Сон отошёл, растворился и сгинул.
Что-то в нем было рассказано мудро,
Очень подробно, навязчиво, длинно.

Все эпизоды объёмны и, вроде,
Детство мое, но немного другое.

Мир неземной непонятной природы,
Станный и рыхлый, чужого покроя.
Эй, муэдзин, ты зачем будоражишь
Плачем Аллаха так рано, так сладко?
Город проснулся в своем антураже –
Море, мечети, молитвы – загадка.

2.

Страна минаретов и юрких торговцев —
Стамбул — муравейник, где море и солнце.
Проснешься — летишь, позабыв о печалях,
Стамбул, чтоб тобой восхититься вначале.
И узеньких улиц зигзаги, и горы
Тебя окружают, ведут разговоры...
Идешь, возвращаешься, снова шагаешь
И что впереди никогда не узнаешь.

3

Страна минаретов и юрких торговцев —
Стамбул — муравейник.
Босфор и туристы. Заглянешь в оконце,
Как есть — понедельник,

А, может быть, вторник. все те же заботы:
Одни продают, а другие мечтают.
Попробуй здесь лиры свои заработать,
Потратить легко: разменяешь — и тают.

Вот юноша тащит узлы для продажи,
Вот группа туристов садится на катер...
Здесь шорты, хиджабы, костюмы и даже
Пуштунские платья.

С.Б.

Укротили тигрицу, тигрица присела,
Стала руку лизать, ту, что била кнутом;
Рядом в шортах девица, упругое тело,
Униформы, софиты, галдеж и содом.

Вот такие дела, где здесь гордость и сила,
Где заветные джунгли, контур радужных скал...
Что за странная сила тебя укротила,
Молодая тигрица, — равнодушный оскал?

Но случилось — небесные струны звучите! —
Вдруг тигрица ударила в землю хвостом —
И лежит на манеже постылый мучитель
С перекошенным, страшным и мертвым лицом.

КАРЛОВЫ ВАРЫ

Что ж ты ходишь за хозяйкой, невесёлая собака,
Безразлично соблюдая ежедневный променад...
Всё тебе давно приелось, всё в бездушных ключьях мрака,
И грустишь ты по привычке, и глядишь ты наугад.

А напротив два бульдога — каждый норовит вцепиться —
Дайте только им свободу, можно просто крикнуть: «Фас!»
Расцветают «Карлы-Варлы», всюду радостные лица,
Ресторанные улады, шляпки, юбки напоказ.

Под мостом река клокочет, дождик каплет, кот на крыше,
Пар источников клубится, разноцветные дома.
Все расписано, забито, расписаниями дышит,
Если вовремя не съедешь — пропадёшь, сойдешь с ума.

Соседка хлопочет, машину свою разгружает,
Безоблачно небо, лазурной эмалью покрыто,
Деревья без листьев, их тени как рваное сито —
Устало застыли и грезят. Своим урожаем

Полей магазинных довольна по уши соседка.
Ей в радость таскать и кульки, и бутылки ворочать.
Смеется. А день приближается медленно к ночи,
И птицы проносятся в небе бесшумно и редко.

ТРИ КОРЗИНЫ

1.

Мухаммед ибн Тулук*, жесток, но справедлив,
И слава, и закон давно ему верны, —
На белом скакуне, его остановив,
Глядит на древний храм захваченной страны.

Две сотни верных слуг с него не сводят глаз,
Молчание кругом; тогда султан изрёк:
«Кумир чужих богов, — и это мой приказ, —
Да будет сокрушён, коль вере поперёк!

Монахов разогнать, Сиддхартху** изрубить:
Не в меру он высок, ничтожный истукан,
А ты страна глупцов Аллаха будешь чтить,
Да будет для тебя священным лишь Коран».

Покрылись тьмой века, прошли пять сотен лет
И новый храм стоит, в лучах зари горя,
И Будда весь в цветах вновь излучает свет,
Улыбкой на устах о многом говоря.

2.

Три корзины*** слов-суждений непонятны нам и спорны,
И не всем язык Востока будет ясен в наши дни.
Разверни три эти книги и, ощупав мыслей зерна,
Воззови: «Явись, Премудрый, растолкуй и разъясни!».

И когда в огне заката (виден, может быть, немногим /
Вдруг появится Сиддхартха— четкий образ, жесты рук, —

* Мухаммед ибн Тулук, больше известный как Мухаммед Тулук, был правителем, известным своим завоеванием и разрушением. В 14 веке он уничтожил знаменитый храм Будды, который располагался в Зенте (современный город Баган в Мьянме). Этот храм назывался храмом "Золотого Будды" или "Храмом ока".

** Сиддхартха - имя Будды, данное ему при рождении. Полное имя Сиддхартха Гаутама.

*** «Три корзины» («Тройная корзина» / – так называют канон буддистов.

Он состоит из трех книг: «Корзина дисциплины», «Корзина проповедей» и «Корзина метафизики».

По лучу бегущим в небо, по невидимой дороге
Подойди к нему с поклоном — и услышишь легкий звук

Колокольчика, что значит: приглашен ты для беседы,
И двойник твой, появившись, ляжет, радостный, у ног
Раскрывающего Тайны, те, что не раскрыли Веды,
Кто познал законы кармы и себя возвысить смог.

Просвещенный ты, увидишь: книги древние раскрыты,
И слова звучат так ясно на понятном языке,
И двойник твой рядом с Буддой — часть его несметной свиты,
И сто восемь медных бусин* на его блещут руке.

АМЕРИКА. РЖАВЫЙ ПОЯС

Стоят вокруг столетние дома:
В них жили состоятельные люди.
Торговля раздаёт дома на блюде,
С усмешкой предлагая задарма.

И проданы они. И в них живут
Никчемные и мелкие людишки,
Где был рояль — бодаются в картишки,
Там кавардак, где властвовал уют.

Развешаны картинки тут и там,
Разбросана одежда, неумытый
Хозяин курит в кухне по утрам,
Хозяйка в спальне делает кульбиты.

За что же эта участь? Вас, дома,
Возвел когда-то знатный архитектор,
И вот разрухи неуёмный вектор
Унизил вас и продал задарма.

* И сто восемь медных бусин — Буддисты обычно носят четки на руке.

Наиболее распространенное количество бусин — 108.

Это число считается священным в ведической и буддийской традициях.

ПОЭТ В КАФЕШКЕ

Из банки рукой изловить огурец
И Небу шепнуть, и сесть на коня
Своих одиноких скитаний сквозь плач.
О сколько вокруг отшумевших сердец,
Как листья, пропавших. И не было дня
Чтоб кто-то на дно не упал неудач.

Взять хлеба ломоть, и стакана стекло
В себе отразит винный мутный раствор.

Дешевым вином заливаю глаза,
Чтоб только не видеть как время ушло,
Что ночь набухает, крадется, как вор,
Что тучей опять наползает гроза.

И нет мне защиты от глупых тревог,
И детство — не щит мне, и юность — не щит,
И даже в прозрении помощи нет.
Что толку, что знаю о мире всерьез, что мог
То поведал, — и стих не морщит,
Он тихо струится под звон кастаньет.

А вам, завсегдаи жалких трущоб,
Лишь только толочь в своих ступах судьбу.
Вы так однозначны, как схема метро,
Читать вас, как выстрелить пулею в лоб:
Легко попадешь, да все это табу —
Забуть и забросить подальше перо.

Послушай, далеко на озере Чад
И там, в двадцать первом, меня не найди.
Я жив, но живу в этой новой стране,
Где Русь воскрешают и цепи влачат,
Где души слепые толпятся в сети,
Читая дежурную чушь обо мне.

Я жив бесконечно, мой стих не отцвел,
И там за пределами благ и щедрот
Я много увидел — кому расскажу?
Сижусь одиноко, уставившись в пол,

А мимо снует простодушный народ,
Готовый предаться во всю кутежу.

Если мы тебя расстреляли —
Ты не можешь считаться поэтом.
Никому не читать твоих книг —
Их не будет в продаже.
Мы посадим любого,
Кто будет хранить твои книги
И читать по ночам
Или, хуже того, своевоить
И на публике имя твое называть.
Не позволим!
Коль страна в кулаке, ты — никто.
Нам другие нужны.
Путь талант их и ниже
Или вовсе отсутствует,
Им на брюхе ползти, извиваться
Чтоб мы их признали.
А народ — он такой —
Он лишь любит того, кто при власти.
Вот какая задумка у нас.
И так тысячи лет.
Нас никто не извергнет, не скинет.
Мы навеки, учти!
Так что зря ты родился поэтом.

Михаил Рахунов. 9 августа 2025 г.

КИШ

«В те дни царственность была в Кише,
но дни её прошли, и она ушла...»

Из Шумерского царского списка

1.

Между Тигром и Ефратом
Ты, возвышенный, стоишь,
Славен доблестью и золотом,
Первородный город Киш.

От Персидского залива
До Загросских дальних гор¹
Каждый знает твой ревнивый
Грозных стражников дозор.

И купец, и бедный странник,
Кто к тебе идти готов,
Не отвернется от дани:
Заплати — и будь здоров!

Сквозь поля твоей пшеницы
Все дороги, все пути...
Хоть пешком, хоть в колеснице
Не проскочишь — заплати!

Грезят все цари Шумера
Правя в городе своём,
Величаться полной мерой
Киша славного царём².

По утрам и ночью поздней
Сеть плетут своих интриг.
Строят замыслы и козни
Чтобы Киш главой поник.

Цепь холмов, тоска пустыни,
Пыльный воздух, жаркий зной...
Где же ты, властитель, ныне,
Кто расправился с тобой?

2.

Как говорили когда-то в Шумере:

"Прижимай локти, чтобы не нарушить право соседа".

Как говорили когда-то в Шумере:

«Чтобы выжить строй стены».

Как говорили когда-то в Шумере,

«Хочешь быть владыкой Мира —

Добудь медь, олово и кедр Северных лесов.

Но если ты не сын Бога и твоё мужество в пятках,

Прижимай локти и кланяйся соседу».

Так говорили когда-то в Шумере...

Жизнь несется — то режет, то нежит,

То одарит, а то отберет.

Чудеса всё случаются реже,

Неудачи почти каждый год.

И приливы судьбы, и отливы

Так похожи на жест игрока:

Мечет карты он ловко, — и лживы

В этот миг и глаза, и рука...

В многочисленном сонме творений

Бог не видит заветных примет.

Всё труднее в оковах мигрени

Отыскать ему нужный предмет.

Для чего он растил их и холил

Этих глупых завистливых слуг?

Что им жизнь? Каждый волен-неволен,

И в глазах ежедневный испуг.

Неуёмной тоскою страдая,

Вседержитель закрыл на замок

Двери всеми забытого Рая

И, ключи под сукно убирая, —

«Не случилось...» — подвел он итог.

Песня

ФЛАНДРИЯ

I. ОСТЕНДЕ, 1613 г.

Эти трубки из глины остендских бродяг,
А в таверне легко, жизнь проносится мимо.
Здесь и карты, и кости... Залетный моряк
Проиграл всё, что мог, говорит, что терпимо.

У старухи к нему есть особый подход,
Ублажает его: «...Есть и девка, и место...".
Он смеется: «Я талер последний в расход
Запустил, так что мне, ты прости, не посредствам».

К очагу примостилась с ребенком вдова,
Теплый хлеб он жует, пухлой ручкой сжимая.
А вокруг непотребные льются слова,
И сквозь окна плывет синь небесного Рая.

II. БРЮГГЕ, 1556 Г.

Если будешь весь год свою ношу нести,
О судьбе не подумав вначале,
Уподобисься, старый пройдоха, прости,
Жалкой кляче тоски и печали.

Побредешь по дороге один в темноте,
Не услышав призывы шофара...
Йом-Кипур — этот гвоздь в тело глупой тщете,
Судный День для судьбы антиквара.

Среди старых пожухлых вещей полумрак,
Двери в лавку закрыты. На душу
Попроси, чтобы Бог всех не вешал собак
И молитву, как должно, заслушал.

И старик (солнце село / зажег две свечи
Поместив их в старинный подсвечник...

Что он шепчет, к чему призывает — молчи,
В этот Торой отмеченный вечер.

За окном громыхают колеса, идет
Мелкий дождь, барабанит по крыше,
И спешит по домам разношёрстный народ,
И луна поднимается выше.

Старый Брюгге — столица заморских услад,
Расторопное место для сделок,
Этой осенью сник, к морю телом прижат,
Как мошенник, и жалок, и мелок.

III. МЕХЕЛЕН, 1560 г.

Ах, как хочется быть незаметным,
Но бессмертным ходить средь людей
Подмечать увяданья приметы
И на все вековые запреты
Отзываться улыбкой своей.

Знаю, буду скитаться по свету,
Хоронить и друзей и врагов,
Но за тайну бессмертия эту
Я на многое в жизни готов.

Пусть весь день я в подвале колдую
Растворяю, сжигаю, мелю
И расходую жизнь молодую,
И с подругой постель не делю —

Элексир, — Вечной жизни напиток
Существует? — извечный наш спор...
Пусть еще хоть сто тысяч попыток,
Но хоть ты и коварен, и прыток,
Но откроешь мне дверь, Бельфагор! *

* Бельфагор - один из имен дьявола.

IV. ГЕНТ, 1585 г.

Пришла письмо читать вдова
В корчму к своим друзьям,
Звучат взволновано слова,
Слышны они и нам.

О чем письмо? Начну я так,
Вот точный перевод:
«Я у французских был собак
Пятнадцать дней и год.

Прости, жена и, видит Бог,
Я признаю вину,
Коль весточку послать не мог,
Когда я был в плену.

Теперь мечтаю об одном:
Увидеть отчий кров...
Спешу всем рассказать о том,
Что жив я и здоров...».

Все перестали пить и есть,
Застыл в углу слуга.
Нежданная под вечер весть
В кругу у очага...

Вдруг стало ясно корчмарю:
«Вот случай, ну и ну,
Вчера повел он к алтарю
Товарища жену...».

Сидит он молча за столом
И трубочку жует,
Никак фитиль ему с огнем
Слуга не поднесет.

V. АНТВЕРПЕН, 1607 г.

Офицера в черной шляпе, в красном бархатном камзоле
Привечает молодица, угощает молоком.
Он из Индии далекой, не пора ли вспомнить что ли
Как сквозь джунгли пробирался он, ославленный, тайком.

Как оставил, убегая, пулей раненного друга,
Обстреляли их туземцы близ деревни у реки,
Но он весело моргает, говорит, что прибыл с юга
И свободен он, как птица, всем невздам вопреки.

«Где же твой хозяин, кроха? Мне нужна его сноровка,
Видишь перстень друга детства — камень чистый изумруд,
Он убит. Нужны мне деньги, память продавать не ловко,
Но я в Рим решил податься, где красавицы живут».

VI. БРЮГГЕ, 1698 г.

Был вечер скуп, и порт застыл в молчании,
На рейде флейт* стоял один, белея,
В туман оделись скошенные здания
И моряки рядили о Борее**.

Им в Гарвич*** плыть, такие вот фантазии,
Устали все, пришли вчера из Канны****,
И ветра нет: придется ждать okazji,
Да и товар зализывает раны.

Живой товар, но ладно — это сладится,
А вот клиент всё в Англию стремиться:
— Ваш капитан, — кричит он, — глуп и пьяница,
С ответом тянет, хитрая лисица.

Мальчишка, выскочка, пойдя его разжалоби,
Устали все и без девиц полгода,

* флейт — морское парусное судно Нидерландов XVI–XVIII веков.

** Борей — Северный ветер.

*** Гарвич — порт в Англии.

**** Канна (Танзания / — порт Восточной Африки)

А этот гусь всё тростью бьет по палубе
И требует немедленно отхода.

Кто он таков, чтоб ставить нам условия,
Пусть и богат, и в окруженьи свиты?..
Все говорят, что вроде из Московии,
Из самых первых там и родовитых.

VII. ГЕНТ, 2025 г.

Посвящается Михаилу Казинику

Уродец-мерседес среди велосипедов,
Среди старинных крыш и модных бутиков,
Куда, мой друг, рулишь? Тебе восторг не ведом,
Тебя здесь не поймут — Гент город не таков.

И рыбные ряды, их древние фасады,
Громады площадей и окон перехлест
Не по пути твоей заносчивой бравады —
Ты им совсем чужой, не вступишь в их ГОСТ.

Я, кажется, сродни. Иду среди трамваев,
Их голубой таков — как в поле васильки.
И город весь вокруг приятно узнаваем —
Неужто я здесь жил, в том доме у реки?

ФЕЯ

В мой сад спустилась фея
В зелёном длинном платье,
Была в тот вечер фея
Красавиц всех милей.
Её смущать не смея,
Травы зеленой братья —
Кузнечики в ливреях —
Застыли перед ней.

Сказала фея строго:
«Вы смотрите прелестно.
Сегодня я на ужин
К сестре приглашена.
Пусть далека дорога,
Но будет вам известно,
Что мне никто не нужен —
Я полечу одна».

Кузнечики на это
Все чинно поклонились,
А фея продолжала
Чтоб было слышно мне:
«Прошу сказать поэту,
Чей сад мы посетили,
Что я, как обещала,
Приду к нему во сне.

Я выпустил на волю столько слов...
Они как листья.
Ими можно нарядить целую рощу.
Я придумал столько головоломок —
Они остры, как гвозди,
Ими можно подбить тысячу ботинок.
А, если серьезно,
то жизнь состоит
из несколько десятков тысяч дней —
и все они мои.
Пока я жив.

Песня

Песня

Но, если я не прав,
и жизнь моя не стоит и копейки,
то, все-таки, я выручу пятак,
продав сухие листья
и тысячу гвоздей.

Ольга Гулинкина / Россия /

Лауреат премии «Народный поэт», дипломант премии «Наследие», финалист программы «Вечерние стихи», финалист премии имени Сергея Есенина, лауреат Всероссийского конкурса-фестиваля «Песни военных лет», 2020 г, дипломант Всероссийского конкурса-фестиваля «Лоза и Муза», лауреат фестиваля «Покровский собор». Стихи опубликованы в 27 томе «Георгиевская лента 2019-2020», в 17 томе «Антология русской поэзии 2018, в 3 томе «Песни 2016», в 11 томе «Наследие 2016», в 12 томе «Русь моя 2016», в 7 томе «Детская литература 2015, в 22 том «Наследие 2015, в 61 томе «Поэт года 2014», в 4 томе «Поэт года 2011», а также в сборнике издательства Скифия «Сны о чем-то большем», 2012г, В 2025 - лауреат премии "Русь моя" им Сергея Есенина. В 2025 вышла книга "Хрустальные ромбы".

У переправы

ТАНЦУЮЩИЕ ИРИСЫ. ПОСВЯЩЕНИЕ М. БЕЖАРУ

Не он входил на сцену — сцена в нём
впервые обретала слух и зренье,
он вспыхивал невидимым огнем
и танцевал, и исчезали тени

вокруг него, и в зале и над ним...
Так входит свет в собор, не вопрошая
позволено ль, он был похож на дым,
что в Ватикане пап провозглашает,

а сам — не жест, не ремесла венец —
лишь форма для того, кто больше плоти...
Он помнил вход в движение, конец,
а между ними просто был в полете...

А имя — пепел... Пепел на краю
безмолвного касанья вселенной...

Да не ему ль все ангелы поют,
чтоб не прервал свой танец вдохновенный

уже на небесах... Теперь и там
Бетховен в нем, как ось миров проявлен,
и Болеро, как вечная мечта,
в круг времени его шагами вплавлен.

Где ритм — закон, дороже нот и слов,
а сцена — как граница меж мирами,
он здесь и там, в земном, где тело жгло,
и проявлялось горнее... Он с нами

без разделений и границ и школ,
где легок шаг меж бездной и дыханьем,
как мера духа, что в него вошел
и превратил движение в сиянье,

в пределы бытия, в императив,
где ты ведом, иначе служишь фальши,
и зал попутчик, вместе вам идти
безвременно — все дальше, дальше, дальше,

где красота — не форма для услад —
она побочна, хоть и неизбежна...
Как синих ирисов небесный сад,
танцующих фракталами надежды.

А МНЕ ПОЛВЕКА СНИТСЯ СТАРЫЙ ДОМ

А мне полвека снится старый дом
в два этажа, и мы живем на первом,
второй прозрачен, лестница, как нервы
пространства сада — в небо... Неводом

меня поймала крыша, да она
теперь как сеть, так прозрачна и тонка,
что может лишь, как колыбель ребенка,
баюкать душу здесь во власти сна...

Душа здесь — я. Мне выданы ключи,
я прихожу сюда одна, с друзьями,
здесь слышен смех, как колокольчик... Мамин?
Я свой не узнаю... Она молчит,

но точно где-то рядом. Вот — блины,
родные за стеклом, но не заходят.
Красивые... Пиджак не по погоде
на папе, но...велик, как будто, и

играет на трубе, танцует вальс
в саду один...Ждет маму. Время странно...
Не лечит никого, само, как рана,
в которую затягивает нас.

И там, как будто, даже хорошо,
все так спокойно... Словно место силы —
мой старый дом на пепелище стьлом...
Как призрак, что на небо не ушел.

ЧТО БЫЛО, ТО БЫЛО

Вначале, что было, то было, но матрица слово
запомнила, будто оно и Вселенной основа,

чтоб было сквозь что посмотреть на миры и столетья,
раскинуло по́ небу струны ли, трубы ли, сети...

А там, где обрыв — колокольчик повешен звенящий —
и, если услышишь, то значит и ты настоящий....

То значит и ты не отдѐлен, а встроен — настроен,
то значит серебрено ты, как и небо, устроен,

и словом пришит к нему накрепко — дышишь — качаешь,
звенишь вместе с ним, в нем, как облако, странное таешь,

гудишь бессловесною линией высоковольтно
и вымолвить что-то, как будто бы, хочешь невольно...

А вымолвишь слово — впервые себя не узнаешь,
как будто бы смыслы иные ты в нем обретаешь...

Как будто бы силу. И чувствуешь: это "как будто"
восходит зарею в тебе, словно зимнее утро...

И ты ощущаешь слои параллельные эти,
как рядом живущих с тобою в проявленном свете.

И чувствуешь слово каркасом и прочным и тонким,
пронзающим звуком миров и людей перепонки,

несущим с собою тоннельно несчетные байты:
все знания мира, религии, дао, адвайту...

Как будто-то бы это мне все изначально знакомо,
и слово однажды покажет дорогу до дома,

где каждому — ниточка, струнка в серебряной сети,
звенит колокольчиком... Ну же, лови его! Ветер

запутает музыку в травы земные и воды,
чтоб ты не услышал о том, сколько в людях свободы

и прожил земное. Пусть небо в карманах смеется,
играет словами и льется, и льется, и льется...

РАЗГОВАРИВАЙ ЗДЕСЬ НА МОЕМ ЯЗЫКЕ...

Разговаривай здесь на моем языке,
и я точно тебя не услышу,
уплыву от тебя по великой реке,
где твой голос все тише и тише...

Парадокс? Он тебе непонятен, но здесь,
нам понятны одни лишь шаблоны...

Только вне — мироздания чистого взвесь,
только вне изначальны законы.

Просто мне языка парадигмы тесны,
мне за фразами чувствовать бездну,
так же важно, как знать о приходе весны
после зимней хандры и болезни.

Но зимы еще нет и навстречу тебе
от тебя уплываю... Ты знаешь,
ведь у времени здесь замедляется бег,
если ты над собою летаешь,

и в минуту, бывает, вмещается жизнь...
Как тебе объяснить вне шаблонов?
Разве за руку взять — только крепче держись —
на эклиптике семь небосклонов.

Полетаем немного, лишь пару веков,
здесь разрыв временной, не иначе.
Знаешь, душам лишь небо вневременный кров...
Не о нас ли потерянных плачет

звездопадами небо на всех языках
и стекает, сияя, по крыше,
мне за шиворот... Что-то попало в рукав,
и стихи мною странные пишет.

ЕСЛИ Я БРОЖУ ПО СВЕТУ...

Если я брожу по свету,
словно в платье в этом теле,
если соткана из света
невидимкой в самом деле,

то тоска уже не гложет,
бутафорны все напасти,
значит вечное не может
разрушать основы счастья.

Лишь не вещное. А дальше —
парадоксы и не боле:
сколько ты позволишь фальши —
столько и получишь боли.

Сколько искренности — столько
тоже боли отчего-то...
Неизменно в жизни только
ощущение полета...

То что вспыхивает в венах
и ведет тебя куда-то,
изначально, неизменно,
как награда и расплата,

как отчаянье и радость,
вдруг нагрянувшая после...
И осталась, и осталась,
как пылающая осень...

ПОРА И БЛАГОДАРИТЬ

Что сетовать мне? Пора и благодарить...
За этот восторг на этой земле дышать,
за то, что вдоль моря закатный неспешен шаг
и можно почувствовать то, что внутри горит,

сливается с небом по вертикали вверх,
и этот полет, как радуги звонкий вихрь....
Где тело куда-то идет на своих двоих,
а я уже выше — над морем прозрачный стерх...

В мгновении этом — бессмертие, этот миг —
даст силы уйти в сиянии, налегке...
И, если удастся пробиться моей реке —
неважно, что я невидима здесь людьми.

Я БУДУ СОБИРАТЬ...

Я буду собирать сокровища и прятать,
до время, до поры, какой не угадать,
когда найдется тот, кому дороже злата
невидимый мой клад и старая тетрадь.

Когда найдется тот, кому слова — скрижали
сошествия с небес лазурного огня...
Совсем не страшно мне, что здесь меня не ждали,
я здесь затем, чтоб вы дождались не меня,

а пламени в груди небесному навстречу,
движения души, которая и есть —
бессмертия зерно, рожденьям предтеча...
Для этого стихи. Но я могу и без

наполнить тишиной так, чтоб она качала,
волною, словно здесь не воздух — океан,
чтоб в этой глубине тебя почти не стало:
лишь синей искры мысль и тело, как туман...

Остроги парадигм и времени границы
чтоб исчезали, и забрезжил, как заря,
твой дух, твой дивный свет, который только снится...
И это все, зачем живу на свете я.

ТЫ ДУМАЕШЬ...

Ты думаешь то, что ты чувствуешь — это реально?
И так непреложно, незыблемо и однозначно?
Но ты ведь и сам только пламенем горним означен,
а пламя, ты знаешь, колеблется так инфернально...

— А тело?

— И что? Ну, подумаешь, каплю плотнее,
но облако тоже — невидимый вихрь электронов...
Почти привидение... Или программа? Шаблонно
мы мыслим и действуем, как научили, болеем

в невидимых клетках сознания, духа и тела,
и, даже привыкли, и, кажется, это навечно...
Но...если ты видел, как кружит над пропастью кречет —
то дух полыхнет через прутья неистово белым...

ЙЕРА, ЯРА, АЛАТЫРЬ...

Йера, Яра, Алатырь —
край ли, угол, камень?
Труд — вместилище мечты...
Неужели в в раме

на стене твоей висит,
как очей услада?
Что у небушка просить,
коли делать надо.

Не горюй, а поспешай,
сколько там годочков
телу выдала душа,
как кукушка ночью.

Впрочем, что с нее-то взять,
раз в командировке...
Выдаст богу печать —
удивишься, бровки

домиком взметнутся вверх...
Неужели мало?
Ночь, луна и тихий сквер...
А тебя не стало.

Так подумают. А ты —
близко, но далече...
Но пока ты от мечты
сплином не излечен

или ворогом — живой!
Силе духа внемли...
— Погоди, мечта, тут бой
за родную землю!

Йера, Яра, Алатырь —
край ли, угол, камень?
Это изначальный ты —
негасимый пламень.

МЕНЯ НЕ УЧАТ НАИЗУСТЬ

Меня не учат наизусть,
в ознобе дышат,
чтоб на душе растаял груз,
чтоб то, что свыше

сквозит между назов букв
так беспреградно,
осыпало с прохладных рук
на землю — градом

всю боль. Последние, штрихи
ее кровавы...
За нею — свет... Мои стихи —
у переправы.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ

Человечье величие странная вещь —
непомерное эго и божия сила...
Мне достаточно здесь потеряться в траве,
но, чтоб ею меня, словно ветром носило,

словно шар неприкаянный перекасти
то ли поле, а то ли асфальтовый морок...
Лишь бы чувствовать, что не оставишь в пути
и меня и всех тех, кто отчаянно дорог.

Лишь бы сила твоя трепыхалась в груди,
без нее я как кукла на гвоздике, мне бы
не растратить бесценный небесный кредит,
и не выжать до хруста под кожей небо...

А пока, Слава Богу! Ведь в царстве его
мертвых нет, там все молоды, вечны, едины...
Что же можно желать? Разве что одного —
не ослепнуть от света воскресшего Сына.

МЫ ЖИВЕМ, ДРУГИХ НЕ ТРОГАЯ...

Мы живем других не трогая,
мало ли что им почудится —
плащ — отравленную тогою,
парк — судьбы осенней улицей...

Привидением без гендера,
что ему людей страшилочки,
кто сегодня тут за Бендера,
в шляпе у кого опилочки,

приближаюсь — отражения...
Злато осени пьянящее...
Сквозь любые искажения
Сердце видит настоящее.

ВСТРЕЧА

Безнадежный самый, как есть пропащий,
подпирая храмовый парапет
неуклюжим телом, летал над чащей,
колокольней, речкою... Бился свет

сквозь глаза безудержно синий-синий,
сердце замерло — я посмотрела сквозь —

все пространство сетью лучистых линий
сшито накрепко, словно... рябины гроздь

в кулаке бродяги. Он мне несмело
протянул осенний подарок свой:
— Простудилась? Солнышко-то пригрело,
но сентябрь коварен. Придешь домой —

растолки, залей кипятком и с медом
пей до завтра, малость горчит, ну что ж,
Жизнь ведь также... Главное в ней — свобода,
ты река и беды все обойдешь,

словно камни. Следовать от истока —
это все что нужно и в горький час.
Он и движет, покуда не вышло срока...
Мой вот близок. Вспомнишь потом хоть раз?

Замолчал. Прищурился. С колокольни
блики плыли, его укрывал закат
бледно-розовой дымкой... По божьей воле
он исчез, оставив на память взгляд

синий-синий... Лишь ветер в одежде ветхой,
развевая пугалом рукава,
засмеялся:
- Ну что ты застыла, детка?
Смерть - лишь новая в книге судьбы глава.

Фархат Тамендаров / Казахстан /

Родился в городе Алма-Ате, в 2012-ом окончил Открытую Литературную школу. Автор пяти поэтических книг, а также повести «Гончие псы». Публиковался в сборниках, альманахах, литературных газетах и журналах Казахстана, России и других стран.

С 2010 года возглавлял литературный альманах «LITERANOVA». В настоящее время Секретарь Союза Писателей Казахстана, главный редактор республиканского литературного журнала «Простор».

Лауреат международных литературных премий «Ак Торна» (Уфа, Башкирия, 2013 г. /, «Open Eurasian literary festival&book forum» (Брюссель, Бельгия, 2021 г. /, имени Фазилия Искандера (Москва, Россия, 2025 г. /, «Алаш» (Алматы, Казахстан, 2026 г. /). Награжден медалями Олжаса Сулейменова, Беллы Ахмадуллиной, Мориса Симашко, а также медалью Юрия Казакова.

ХАН ТЕНГРИ

Кони у горной реки воду пьют,
Белые овцы по небу плывут.
Солнце в полнеба, но нету жары,
Ели темнеют на склоне горы.
Солнцем согрета душа ездока,
Коня вороного походка легка.
Весело вниз убегает река,
Горы стеною стоят на века.

Гордо над ними наш Тенгри белеет.
Гордый орёл над вершиною веет.
Белые юрты, а в центре шатыр,
Их охраняет великий батыр.
Рядом с батыром колышется флаг.
Землёй дорожи своей, вольный казах!

21.09.2024, с. Нарынкол

СНЕГ

Снег в январе укроет все невзгоды.
Тебе откроется счастливый Новый путь.
Ты молода! И в молодые годы
Тебя мой стих сумел сейчас вернуть.
Пушкой твои все сбудутся мечты,
Пушкой всё будет так, как ты захочешь.
Есть в моём мире Бог - и это Ты,
Ты даришь душу мне свою и вновь хохочешь.
Ты ничего не требуешь взамен,
Ты мне верна, ты мной всегда любима.
Приходит время лучших перемен,
А неудачи все проходят мимо.
Цветы любви рождает новый день,
Украсит небо радугой цветной.
Моей души загадочная тень,
Со мной всегда во мне и подо мной.

2025 года, г. Алматы

ТАТАРСКАЯ СЛОБОДА

Вечер. Озеро Кабан. Яркие огни
Греют старую Казань в мартовские дни.
Край пруда оцеплен льдом, шепчут камыши.
Вековой с лепниной дом задремал в тиши.
Я тебя не разбужу, гордый исполин.
Просто, молча, похожу по тропе один.
Вокруг берега она вьется, как змея.
Широка моя страна, Родина моя.
И не даром я гулял, ноги привели
В темный сквер, где он стоял - прашур Кол Гали.
Я тебя боготворю, ты велик, Поэт.
Люди книгу чтут твою восемь сотен лет.
Ты меня благословил, слышу голос твой:
«Сколько б жизней ты не жил, будь всегда собой».

март 2025 года, Казань

Я ТАТАРИН

Хоть я татарин по крови,
Но мне родней язык казахский!
О, Татарстан, меня прости,
Прости и этот клич бунтарский.
Родившись в знойном Казахстане,
Я Солнцу яростному рад.
Я здесь живу, меня не станет -
Казахский похоронит брат.
Земля моя, земля родная,
Как сына примет своего.
И среди тех, кого я знаю,
Нет подлецов, ни одного.
Плохие стороной обходят
Поэта дерзкого меня.
Дух Тенгри вольный во мне бродит,
Свободы сея семена.
И здесь любимую я встретил.
Влюбился раз и навсегда.
С утра дарю цветы в букете:
Ромашки, розы иногда.
И каждый день прошу я Тенгри:
Воздай блага моей семье!
Бог отвечает: «Небу внемли,
Твори добро по всей земле».

Апрель 2025, Алматы

ПЕКИН

В календаре моем отметка:
Сегодня взял стену Китая.
И с башни видел тени предков.
Шел снег, следы их заметая.

Два дня спустя в Запретный город
Меня вела душа степная.
За каждым поворотом – враг,
И в каждом храме тень иная.

Сегодня, в двадцать первом веке,
Не будь врагом, а другом будь.
Пусть сблизят нас библиотеки.
На всех одна Земля и Путь.

декабрь 2025

Я ЗНАЮ

Я знаю, я – частица Бога.
Священный негасимый свет
Мне указал – моя дорога
Идти сквозь бури до побед.
Достигнув цели вожделенной,
Не оказаться подлецом,
Пройдя уроки жизни брэнной,
Не потерять своё лицо.
Что там за ветхою завесой
Меня израненного ждёт?
Гореть в огне рогатых бесов?
Нет! – Ангел руку мне даёт –
Иди за мной и Богу внемли,
Не повторяй ошибок вновь.
И обходя моря и земли
Ты береги свою Любовь.

03.03.26., г. Алматы

Наталья Горячева (Казахстан /

Наталья Горячева – член Союза писателей Казахстана, прозаик, эссеист, поэт-песенник, музыкант, искусствовед, заведующая отделом культуры литературно-художественного журнала «Простор». Училась в Алматинской консерватории им. Курмангазы, закончила Санкт-Петербургский университет, а также Открытую литературную школу г. Алматы. Тексты публиковались в сборниках, журналах и альманахах. Награждена медалью «Мадениет кайраткеры» («Деятель культуры») / Повесть «Остров Ахо» и цикл рассказов «Вера» вышли отдельной книгой в библиотеке журнала «Простор».

Фанат Тагора

А время не лечит,
Лишь множит печали,
И падает лист
Не с дубов – календарный.
А время в беспечность
Вонзает клин стали,
Я вновь спотыкаюсь –
Бордюр тротуарный
Под ноги бросается.
Птицами мчали
К мечтам сокровенным,
И воздух алтарный
Все ладаном тянет,
В ладонях – скрижали,

И на сердце – шрам
От ошибок янтарный.
Живем...
В ожиданье бессмертными стали,
И дух свой бунтарский
Цепями сковали.
Мы время, теряя,
Впустую сжигаем,
И только у края
Суть жизни познаем...

6.12.2025

Она любила слушать Стинга,
В его мелодиях росла.
И старые его пластинки,
Как память детства берегла.

А он лишен был с детства слуха,
Не отличал ни рок, ни джаз,
Но нежно ей шептал на ухо,
Как Ленский: «Я люблю лишь вас».

Одной души две половины,
Одна судьба им суждена.
Он для нее – один мужчина,
И для него она – одна.

И пел ей Стинг с высоких башен,
А с ним – Ахматова была.
Их день стихами был украшен,
А ночь звенела и плыла.

24.09.2025

Будда искусно выбит на скалах,
Кручах отвесных, острых и алых.
Плотно прижаты бровями глаза,
Выпуклый нос, толстых губ полоса.
В вечной молитве застыли ладони,
И облака пронеслись, словно кони.
Слышу Вселенной твоей голоса,
А под ногами сверкает роса.

Небо хранит этот вечный покой.
Бог наш безмолвный исконно живой.
Он всегда рядом – во мне и в тебе,
В тонкой травинке и в узкой тропе.
Будды дыханье сквозь камень струится,
Шепот молитвы в вершинах таится,
Солнце румянит реки синеву,
Падают тени в сухую траву.

Шел я в сомненьях, но сердцем был чист,
Выпишу набело жизненный лист...

6.09.2025

Уходит август, вслед за ним
Мое краснощекое лето.
И в памяти мы до зимы сохраним
Те дни, что любовью согреты.
То яркое солнце и море без дна,
То неба бездонного бездна,
То буря и дождь, то гроза и беда –
За радостью грусть неизбежна.

Но в наших сердцах лишь свет и тепло,
Как искра в багровом закате.
И пусть где-то осень в окно принесло.
Мы в пламенном вместе объятье.

30.08.2025

Летний дождь промчался над землей,
Обещал вернуться, но с тобой.
Одного тебя ждала в кружение лет
И по каплям собирала в доме свет.

Светлый сон приснился, что с тобой
Мы бежим по небу за весной.
Я и ты – мы обнимаем целый свет,
И других, счастливей нас с тобою нет.

Первый снег кружится над землей,
Он, как сон, смеется надо мной.
Рассказала я ему про летний дождь,
И о том, как обещал он мне помочь.

Усмехнулся снег: «Ты счастья ждешь?
Год за годом? Время не вернешь...»
Я тогда в дорогу собралась,
Дождь нашла и счастьем назвалась.

Март 2026

Как странно, у меня есть ты –
Сложнейший ребус, я такие
Не разбирала и в помине.
Как будто механизм на mine,
Скажи: «Ну, для чего мне ты?»

Калейдоскоп твоей души,
То слишком бравый, то понурый,
С тобой мне кажется я – дура
И хочется завить с тоски.
Скажи: «Ну, для чего мне ты?»

Я без тебя, как без воды,
Ты – мой наркотик, мой мучитель.
Мой стержень, крепость и обитель,
И бомба – тикаешь в ночи.
«Ну, как мне без тебя?» - скажи.

10.03.2026

Спи спокойно, а я уйду, лунной ночью по саду пройду.
Запрошу у травы ароматы, наберу душицы и мяты.
А когда утром встречу зарю, я тебе вкусный чай заварю.
Будь пить мы его на крыльце, промелькнет солнца луч на лице.
Запоют черный дрозд и скворец, мы поспорим, кто лучший певец.
И, смеясь, позабудем про спор. Покосился наш старый забор.
Вспомним, как у калитки-плетня вечерами встречал ты меня.
По тропинке спускались к реке, и цветы я держала в руке.
Тех ромашек давно уже нет, но в глазах не погас этот свет,
Что хранить в тайне наше тепло, от которого в сердце светло.

13.03.2026

Наталья Хаимова (Россия /

Писательница, автор книги «АромаТЫ апреля», преподаю английский язык с 1985 года, блогер (более 800 000 подписчиков /, гострайтер. Живет в Туле.

Дипломант международного Союза писателей Чехии. Участник Дней русской культуры в Варненском регионе, Болгария. Лауреат международных фестивалей в Черногории (2019 / и «Арфа Давида» (Израиль, 2020 / . Роман «АромаТЫ апреля» переведен на польский язык и издан в 2019 году (издательство Pięknego Świata Gdynia / . В 2020 году роман издан в России. Ведущая авторского образовательного проекта «Пара без запаха».

Балтийская легенда

История кота Марципана

Глава первая

Город, который пах корицей

Кранц, Восточная Пруссия

лето–зима 1944 года

Сначала приходит запах.

Он поднимается еще до рассвета – осторожно, как человек, который не хочет разбудить дом. Едва тлеющий уголь в печи, теплая вода, мука, дрожжи, тихий стук деревянной лопатки о край миски. Запах простого белого хлеба, который здесь, в маленьком приморском городе Кранце, всегда был сильнее любых новостей.

Потом рождаются звуки.

Глухое, довольное урчание печи. Шорох лопаты, скрип старого пола, лёгкий звон стекла, когда от сквозняка дрожит окно. Где-

то во дворе откликается курица. На соседней улице нехотя кашляет мотор фургона с молоком. На станции, за домами, коротко и сонно гудит тепловоз.

И только потом просыпается свет.

Он осторожно тянется по крыше, сползает по скатам, цепляется за ржавые водостоки, переливается в лужах. Врывается в окна булочной фрау Винклер – полосой через стол, через миски, через плечо женщины, склонившейся над тестом.

Море утром тяжелое, тусклое, цвета расплавленного олова. Небо тянет по поверхности низкие облака, но город всё равно пахнет праздником – как всегда, когда печёт фрау Винклер.

Фрау Эльза работает молча.

Она давно научилась: хлеб не любит лишних слов. Вода – ровно тёплая, дрожжи – живые, не старые, соль – на кончике ножа. Три раза поворачивает миску по часовой стрелке, два – против. Мука просеяна, как мысли, из которых вытряхнули всё лишнее. Она месит тесто уверенно, не торопясь, с уважением – и каждый раз будто впервые. Чуть приподнимает ладони, и белая масса тянется за ними, живая.

Булочная стоит на углу, возле узкой мостовой, вымощенной брусчаткой, – дом со слегка покосившейся черепичной крышей и зелёными ставнями, которые красили ещё до прошлой войны. Подоконник широким каменным выступом выходит на улицу, и на этом троне каждое утро лежит он. Марципан.

Он похож на кусок янтаря, который долго грели в ладонях. Плотный, тёплый, с мягкой шерстью цвета мёда и молока, в которой, казалось, застревали солнечные лучи, с белой грудкой, точно кто-то налил туда сливок. Глаза – желтые, серьезные и внимательные. Когда он моргает, кажется, что в печи чуть прибавляется свет. А ещё у Манципана немного смешные белые усы, из-за которых старый сосед, часовщик Краузе, говорил: – Поглядите-ка, настоящий господин. Даже с усами аккуратнее, чем у меня.

Марципан принимает эту похвалу как должное. Он принадлежит дому, который пахнет корицей, дрожжами и миндалём, и считает, что так и должно быть устроено мироздание: сначала рассвет, потом запах хлеба, потом море, потом дети на улице, потом чайки. День за днём. Год за годом.

Эльза говорит, что назвала его в честь марципана – рождественской сладости из миндаля и сахара, которую они с мужем когда-то покупали в Кёнигсберге. «Ты такой же сладкий, и такой же дорогой», – сказала она, когда маленький комок

шерсти впервые вылез из корзины с мукой и нагло занял середину кухни.

Теперь он не комок. Он – часть дома.

Марципан следит за руками. Он знает все движения по звуку: как стучит нож о доску, как вздыхает пустой противень, как жжется раскаленный воздух, когда открывают дверцу, как хрустит первая корка.

За окном медленно просыпается Кранц.

Город маленький, курортный, аккуратный, как игрушечный. Узкие улицы. Дома с крутыми черепичными крышами и резными фронтонами. Зеленые и синие ставни. Цветы в ящиках. Высокие сосны между домами, тянущиеся к свету. Дальше – дюны, деревянные настилы, море. В ясные дни – белые полосы полотенец на пляже, полосатые купальные палатки, дамы в шляпах. В эти времена – уже меньше дам и полотенец, но море все то же.

Летом сюда приезжали из Кенигсберга на выходные: трамваем, поездом, автобусом. Дышать. Купаться. Пить кофе у моря. Сейчас – 1944 год – поезд все еще ходит, но лица в нем другие. Чаще – военные. Меньше – смеха.

Однако утром, пока не включили радио, Кранц кажется прежним.

Внутри булочной, за прилавком, крутится фрау Эльза Винклер – не полная и не худая, с узкими ладонями, вечно в муке, с глазами усталыми, но светлыми. Волосы её посеребрились после смерти мужа, и она больше не красит губы. Но каждое утро надевает чистый передник и, обмахнув Марципана полотенцем, как почётного клиента, открывает ставни и дверь.

– Guten Morgen, Kranz, – шепчет она, как будто город живой. – Guten Morgen, mein Kater.

Крыс в булочной не водилось. Это было дело чести. Там, где жил Марципан, грызуны не имели права даже думать о существовании. Он обходил владения неторопливо, но внимательно, задерживаясь в углах, где когда-то шуршало подозрительно. Теперь там пахло только мукой и теплом.

Эльза ставит на край стола первый противень. Тесто поднимается, округляясь, будто набирает воздух. Марципан прыгивает на пол – мягко, бесшумно – и обходит печь по кругу, как капитан, проверяющий корабль.

– Не подгорит, не бойся, – тихо говорит Эльза. – Я всё помню.

Она говорит по-немецки, но голос ее понятен без языка. В нем усталость, тепло и почти детское упрямство. Её муж, Фридрих,

моряк, погиб под Смоленском. Она узнала об этом год назад, и с тех пор каждое утро делает всё так же, как делала при нем. Чтобы он, если вдруг заглянет из моря в окно, не испугался перемен.

На стене висит его фотография: высокий мужчина в морской форме, с лёгкой улыбкой. Рядом – аккуратная черная ленточка. Под снимком записка его почерком “Всегда возвращаюсь к тебе, Эльза. Твой Фридрих.” и маленькая тарелка. Иногда Эльза оставляет там два ломтика хлеба.

«На всякий случай», — говорит она. — Для тех, кто не дошёл.

Марципан пару раз нюхал этот хлеб, но никогда не ел. Он знал: это хлеб не для живых, он для тех, кто не вернулся.

Летний день начинается всегда одинаково. В четыре утра Эльза зажигает лампу и ставит воду. В пять замешивает тесто. В шесть идут первые рабочие с завода, за ними – женщины с корзинами, потом курортники.

Кранц пахнет корицей, кофе, смолой сосновых досок на набережной и влажным песком. Липы на аллеях шумят, как тихое море над головой. Кошки лениво растягиваются на подоконниках. Жизнь хрупка и красива, как витраж в кирхе.

Но война приближалась.

Сначала по улицам стали чаще проходить военные патрули. Потом в город начали приезжать поезда не только с отдыхающими, но и с ранеными. В августе несколько санаториев перепрофилировали под госпитали. На пляже стало меньше смеха, а молчаливых прогулок – больше. Вечером часто звучало одно и то же: “Noch halten wir, posh... Еще держимся...”

Однажды вечером возле булочной остановился молодой солдат, хромавший на одну ногу. Он долго смотрел на витрину, где росли румяные буханки, словно не мог решиться войти.

Komm schon, Junge, — сказала Эльза, выходя на встречу. — Заходи. Он шагнул внутрь, опираясь на трость.

«У меня мало», — неловко сказал он, вытаскивая из кармана мятые марки. — Мне завтра на фронт обратно, а я... просто хотел... ощутить...

Он замолчал. Эльза поняла. Она положила ему в руки булку и еще одну сверху.

— Это от моего мужа, — сказала она. Он тоже всегда возвращался в море. И тоже брал лишний кусок.

— Ваш муж... вернулся?

Она чуть улыбнулась.

Теперь он всегда дома.

Солдат опустил глаза, кивнул и вдруг нагнулся, чтобы

погладить Марципана, который сам подошел к нему и потерялся о сапог.

«Вот ты счастливый», — тихо сказал солдат. — Твой фронт — печка и хозяйка. Береги ее.

Кот мягко моргнул. Он не понимал слова “фронт”, но голос юноши пах страхом. Этот запах он запомнил.

К семи утра город открывает глаза шире.

Сосед, часовщик Краузе, выходит на крыльцо и вытягивает спину. Оглядывает небо, как будто сверяется с состоянием мира, и направляется в булочную.

— Guten Morgen, Frau Winkler, — он произносит немного по слогам, чтобы важнее звучало. — Сегодня у вас... — он нюхает воздух, закрывая глаза, — сегодня у вас праздник.

— Сегодня у меня четверг, — отвечает она. — И булки с корицей.

— Я же говорю — праздник.

Он кивает коту.

— А этот господин остается моим идеалом. Ни войны, ни карточки, только хлеб и женщина.

Марципан позволяет называть себя господином. Сдвигает усы. Делает вид, что не слышит.

Вслед за Краузе приходят другие: молочница Грета со стеклянными бутылками, учительница в старом пальто, дети — ещё босые, ещё сонные, с монетами в кулаках. В дверях пахнет мокрой древесиной, табаком, дешёвым мылом, чужими духами. Всё это смешивается с запахом хлеба, становится общей жизнью.

В те дни война казалась чем-то далеким и непонятным. Радиоприемник в булочной говорил о фронтах, о победах и отступлениях, о подвигах и списках. Люди слушали, качали головами, прибавляли в цене яйца, молоко и древесину, но по утрам все равно шли за булками.

Дети строили замки на берегу, мужчины обсуждали улов, женщины полоскали простыни. Только иногда, когда вечером над морем грохотало эхо далекой канонады, кто-то задерживал руку с ножом над хлебом и на пару секунд забывал дорезать корку.

Где-то вдалеке радио в чьей-то комнате говорит про фронт. Голос глухой, отдаленный. Большинство слушает краем слуха — новости стали как погода: всегда где-то есть буря.

Марципан, лежа на теплых плитах возле печи чувствует: фрау Эльза стала чаще замолкать посреди фразы. Иногда она просто стоит, глядя в окно, и сжимает пустую миску.

— Слышали, Эльза? — тихо спрашивает Грета. — Говорят, русские

уже под Варшавой.

– Пусть говорят, – отвечает она. – Пока у меня поднимается тесто, у нас есть время.

Она смотрит в окно. За домами – полоска моря, серо-синяя, спокойная. Кажется, что оно действительно даёт время.

Марципан сидит на подоконнике и следит за прохожими. Он знает многих: вот Ханс, мальчишка из дома напротив, бежит по утренней мостовой к воде босой с ведёрком, в котором брякают ракушки. Ханс кричит что-то, ему отвечают чайки.

– Frau Winkler! – выкрикнул он однажды, заглядывая в окно. – Ваш кот – колдун! Понимает по-человечески!

– Конечно, понимает, – ответила Эльза. – Он же мой.

Марципан брезгливо отвёл взгляд, как существо, которое выше громких детских обвинений в магии.

Вот старая фрау Беккер медленно идёт в сторону кирхи с корзинкой, всегда полной каких-то тряпочек. Вот почтальон с тяжёлой сумкой писем – от него всегда запах мокрой бумагой и чужих судеб.

Кот моргает, запоминая. Ему кажется, что всё это – навсегда.

День плавится.

К полудню солнечный свет становится плотным, жёлтым. Песок за улицами теплится, как чугунок. Море чуть блестит, лениво, тяжело.

В булочной жарко. Окна приоткрыты, но воздух всё равно густой. Печь выдала всё, что могла. На прилавке – ряды золотистых булок, хлеб, плетёнки, несколько коричневых буханок из ржаной муки. Запах – такой, что у прохожих, даже у самых усталых, на секунду меняется выражение лица.

Летом город был полон приезжих: дамы в светлых платьях с зонтиками от солнца, липовый аромат над аллеями, велосипеды, голос продавца рыбы у порта. С утра до вечера трамвай из Кёнигсберга привозил на станцию людей в шляпах и летних костюмах; они шли к морю мимо булочной, не всегда покупали хлеб, но всегда оборачивались на запах.

Осенью 1944 года ветер над Кранцем изменился. Он стал тяжелее, приносил с собой не только соль, но и гарь. Иногда на горизонте вспыхивали зарницы – не грозвые. По ночам над морем гудели самолеты. Лампочки в домах тушили, завешивали окна.

– Marzipan, komm her, – звала Эльза. – Нельзя сейчас на подоконнике. Свет нельзя.

Кот недовольно спрыгивал на пол, но чувствовал: всё не

просто так. Ночью где-то далеко гремело. Дом вздрагивал так, что в буфете дрожали чашки. В один из таких вечеров соседка, фрау Беккер, забежала в булочную в пальто, накинутом прямо на ночную рубашку.

– Эльза, – прошептала она, говорят русские уже у границы. Говорят, всё, что восточнее Кёнигсберга, надо готовить к эвакуации. Ты слышала?

Эльза сняла фартук неторопливо, словно решая что-то в себе. – Я слышала разное, – сказала она. – Но у меня печь, дом, могила Фридриха здесь. Что я повезу? Камни?

– Себя, – резко ответила Беккер. – Себя и документы. Всё остальное заберут.

Марципан наблюдал за ними, сидя на ступеньке. В воздухе витало что-то острое, горячее, как дым от горелого теста.

Через неделю в Кранц пришли приказы.

Зима 1945 года ударила так, будто море вывернули наизнанку. Снег лег на пустые виллы, курортные террасы, летние кафе, где еще в прошлом году подавали кофе и пирог. Теперь вывески закрывали, окна забивали досками, чемоданы грохотали по брусчатке. Люди, укутанные в одеяла, шли к станции. Пахло углём и холодом.

Во дворе булочной появилась армейская машина. В дверях – солдаты. Не курортные, а фронтовые. Пыльные шинели, металлический блеск пряжек, у одного рукав пустой. Они заходят молча, смотрят на хлеб.

– Сколько? – спрашивает один, чуть хрипло.

Эльза говорит цену. Он не торгуется, кладёт на стойку марки. – Нам... в дорогу.

Она берёт деньги, отдаёт им две буханки вместо одной.

– Остальное – от Кранца, – тихо говорит она. – Чтоб вернулись. Солдаты не улыбаются, но один кивает – благодарно, коротко.

Когда они выходят, один замечает кота.

– Ну и морда, – говорит по-доброму. – Живи, дружок. Твоя служба приятнее.

Марципан не отвечает. Но их запах – металла, грязи и крови – режет ему нос. Он запоминает этот запах, как что-то неправильное для этого дома.

Вечером Эльза тяжело опускается на стул. Снимает фартук. Вытирает ладони. На столе – конверт, который она так и не открыла утром. Она разворачивает его аккуратно.

Сухой печатный текст: распоряжение об эвакуации гражданского населения из прибрежной зоны при угрозе

наступления противника. Дата. Подпись. Список станций.

«Рекомендуется... немедленно... ограничить вещи... следовать...» – слова, похожие на гвозди.

Она дочитывает до строчки: «Животных не брать». Смотрит на кота. Тот сидит в дверном проеме, словно понимает.

– Они всегда так пишут, – говорит она. – Бумага – она города не знает.

Эльза складывает письмо. Кладёт рядом. Смотрит на фотографию мужа.

– Ну что, Фридрих? Снова уходит без тебя?

Фотография молчит. За окном, вдали, глухо ухает – раз, другой. В стакане дрожит вода. Марципан сжимается в комок под столом. Ночь приходит быстрее, чем обычно.

В последующие дни город меняется.

На улицах больше чемоданов. На станции – больше крика. Люди спорят, плачут, ругаются, ругают власти, войну, судьбу. Кто-то уезжает сразу, кто-то тянет до последнего. Кто-то упрямо остаётся. По ночам слышно где-то далеко глухое эхо: подходит фронт.

Эльза тянет. Она все еще печет хлеб. Все еще дает детям лишнюю булочку. Всё ещё протирает вывеску. Письмо лежит под сахарницей.

Фрау Беккер заходит, садится, держит руками кружку.

– Эльза, – тихо, – надо ехать. Говорят, те, кто останутся, – сами виноваты.

– Я пока не могу, – отвечает Эльза. – У меня печь. У меня кот.

– Печь можно оставить. Кота – тоже, – зло шепчет Беккер. – Жизнь не оставишь.

Эльза молчит. Смотрит на Марципана. Тот облизывает лапу, делая вид, что не при чём.

Янтарное лето выгорает. Сентябрь приносит сырость. Море темнеет. Ветра усиливаются.

Однажды в булочную приходят двое военных в серых шинелях. Один читает по бумаге, спрашивая громко:

– Frau Eliza Winkler?

Эльза вытерла руки о фартук.

– Ja. Да.

– Приказ об эвакуации. Вам предписано завтра к восьми утра на вокзал. Завтра, восемь ноль-ноль. Норма багажа... – он перечислил что-то сухо, по бумаге. – Дом будет резервирован. Животных брать запрещено. Понимаете?

Марципан уловил знакомое – своё – слово. “Tiere”. Животные.

Он поднял голову. Эльза тоже.

– Я читала, – тихо сказала она. – У меня только кот. Он не помешает. Я могу его в корзине. Он не...

– Животных нельзя, – перебил солдат устало, уже без злости, – приказ есть приказ. Поезд забит. Никаких животных.

Они уходят так же резко, как пришли. В доме остаётся холодный запах мокрой шинели. Эльза долго стоит посреди кухни, держась за край стола как за поручень. Печь догорает. За окном медленно идёт снег.

Марципан прыгает на табурет, потом – ей на руки. Он чувствует, как у нее дрожит грудь. В его мире дрожь означает: гроза, гром, беспорядок. Эльза прижимает кота к груди слишком сильно. Ему неудобно, но терпит.

– Не бойся, – сказала она хрипло, скорее себе, чем ему. – Я вернусь. Я должна вернуться. Это наш дом.

Эльза закрывает лицо руками. Кот спрыгивает на пол, трётся о её ноги.

– Нет, – говорит она. – Я не брошу тебя. Не могу.

Марципан смотрит вверх и тихо мяукает.

Ночь она проводит без сна. Ходит по дому. Складывает в старый чемодан документы, письма, две смены белья, шерстяную шаль, небольшую жестянку с рецептом. Перекладывает. Выкидывает половину. Форму для выпечки – одну, самую старую. Останавливается у полки с книгами. Берет одну, потом ставит на место. Складывает всё и снова распаковывает.

– Печь, – шепчет она. – Печь не брать. Стены...

Утром она все равно печёт. Последний раз. Хлеб получается особенно удачным. Корки – золотые, мягкий пар, запах почти невыносимый.

Она отрезает край, кладет на тарелку под фотографией. Потом наливает молоко в миску для кота. Потом ставит другую, в неё кладёт лучший кусок хлеба.

– Ты останешься здесь. Подождёшь меня, да? – спрашивает она, и голос её дрожит. – Это твой дом. Ты тут хозяин. Ты умный, не уходи далеко. Спрячешься, переждёшь. Я вернусь. Обязательно вернусь. Скоро.

Она говорит это уверенно, как заклинание. Марципан слушает. Он слышит интонацию, не слова. В этих звуках – страх и отчаянная решимость. Он не верит в «обязательно». Но верит в неё.

Марципан уткнулся мордой в её колени. Он не понял смысла

сказанных слов, но почувствовал их вкус: соль, горечь, нежность, страх. Он понял одно: всё меняется, и ему это не нравится.

Станция Кранца в день эвакуации похожа на растревоженный улей.

Снег ещё не идёт, но воздух холодный, колючий. Земля серая. На платформе – чемоданы, узлы, клетки с курами, детские куклы, свёртки документов. Старики, женщины, дети. Одни ругаются. Другие молчат.

Поезд дымит. Вагонов мало. Людей слишком много. Эльза идёт с чемоданом. Марципан рядом, как собака.

– Зачем ты вышел? – шепчет она. – Надо было остаться.

Он не отстаёт.

Платформа переполнена: женщины с узлами, старики с тростями, дети, сжимающие кукол. Зима вцепилась во всех, их дыхание оборачивается паром, пальцы немеют. Поезд задерживают. У вагонов давка. Кто-то плачет, кто-то молится, кто-то молча смотрит в сторону моря. Солдаты кричат: «Быстрее!» Шлюзы человеческих тел сдвигаются, толкаются. Кто-то падает.

Эльза стоит с чемоданом, прижав к груди завёрнутый в платок пакет с документами. Марципан – у ее ног.

– Про животных же... – робко говорит соседка. – Может, в вагоне кто позволит. Или в тамбуре...

– Я не буду его прятать, – отвечает Эльза. – Он не контрабанда. Он часть моего дома. – Она поднимает кота на руки. Он впиивается когтями, чувствует её сердце – оно стучит быстро.

– Keine Tiere! – рывкает молодой солдат у ступенек, закрывая ей проход. – Я же говорил. Животных нельзя. У нас дети не помещаются. Вы хотите, чтобы мы вместо вашего кота оставили ребёнка?

– Это не «животное». Это мой кот, – вырывается у неё по-детски.

– Женщина, – он смотрит устало, не злобно, – выбирайте. Вы – или ваш кот. Решение за секунду.

Эльза сжимает кота так, что он тихо шипит.

Сзади толпа давит.

– Frau, решайте! – торопит её солдат. – Или сто человек за вами будут ждать из-за вашей кошки!

“Кошки”, – слышит Марципан и вдруг чувствует, как земля под лапами уходит. Это хозяйка опускает его на снег. Так неправильно, так неожиданно, что он сначала ничего не понимает. Эльза вновь поднимает Марципана. Пальцы судорожно сжаты. Глаза – в его глаза.

– Ich komme wieder, – шепчет она быстро. – Я вернусь. Клянусь. Mein Katzchen, я обещаю. Ты только живи!

Она опускает его на землю. Это движение даётся так, как будто она отрывает себе руку. Марципан не понимает. Он тянется к ней, но её уже подхватило людское течение. Чемодан, платок, пальто – всё исчезает в грохоте ступеней и скрипе дверей. Он пытается прыгнуть обратно, цепляется за её юбку. Но поток людей увлекает её по ступеням, внутрь вагона.

– Zurück! – кричат.
Двери хлопают.

Свисток.

Рывок.

Поезд трогается. Дым повис над станцией тяжёлым, едким облаком.

Марципан бежит. Вдоль платформы, по обледенелым доскам, по гравию, между сапогами. Лёд, грязь, чьи-то сумки. Он скользит, падает, поднимается, бежит, пока не кончается платформа. Хвост трубой, уши прижаты. Он слышит только одно: её голос. Её запах стремительно растворяется среди сотен чужих. Ещё несколько прыжков по шпалам. Серый дым режет глаза. Он видит только край вагона, её руку в окне – или ему кажется.

Люди кричат что-то, кто-то пытается его отогнать, кто-то, наоборот, тянет руки – “Кис-кис!” – но он никого не видит.

Поезд набирает скорость и уходит. Остаётся только грохот колёс, уголь в воздухе и пустая полоса рельс. Он стоит посреди этого шума, тяжело дышит. Лапы подвели. Потом падает на живот, прижимается к холодной земле. Жмурится. Поезд ушёл, оставив после себя дрожащие рельсы и длинную чёрную линию на белом поле. Он лежит, тяжело дыша, и смотрит туда, где исчез его мир.

Мир отдаляется. Гул затихает. На станции становится необычно тихо. Кто-то из оставшихся людей кидает в его сторону:

– Бедный... Пойдём, кот.

Но он не идёт.

Через какое-то время он поднимается. Тугие лапы, тяжёлое дыхание. И поворачивает туда, где у него есть только одно место. Дом.

К вечеру он уже снова у булочной. Дверь закрыта. Ставни опущены. Но дом ещё тёплый изнутри – кирпичи держат утреннее тепло. Марципан прыгает на знакомый подоконник,

прижимается животом к холодному камню. Сквозь стекло видно кухню. Пустой стол. Миска с молоком. Хлеб.

Мимо проходит какой-то мужчина, оглядывается.
– Ещё один, – бормочет. – Всех не спасёшь.

Мороз усиливается. Где-то гудят поезда. Море стонет в темноте, ударяясь о лёд у берега. Ночью вдалеке раздаётся глухое эхо взрывов. Земля вздрагивает. В печи булочной давно всё выгорело, но запах хлеба, как последняя надежда, еще держится в стенах.

Марципан лежит клубком на своём подоконнике. Хвостом прикрыл нос. Ждёт. Для него мир, несмотря ни на что, всё ещё был прост: хозяйка ушла – должна вернуться. Печь остыла – будет снова горячей. Утро сменит ночь. Море всегда возвращается к берегу. Он не знает слов “эвакуация”, “фронт”, “разрушение”. Он помнит её голос. И дом. И город, который пах корицей.

Но утро приносит другой запах. Дым становится тяжёлым; в нём чувствуется пепел. Орудия гремят ближе. На улицах пусто. Некоторые окна выбиты. Ветер идет с моря, свистит в щелях, трепет забытые на верёвках простыни.

К Кранцу подошла война. И кот остался один в городе, который в ближайшие месяцы перестанет называться Кранцем и станет другим именем, другими звуками, другими голосами. Но пока... пока таблички не сменили, булочная ещё хранит запах хлеба, а кирха видна с моря.

Марципан слезает с подоконника и обходит дом. Садится у двери и поднимает морду к небу. Ветер треплет его усы.

Шумит море. Молчит город. Заканчивается мир фрау Эльзы Винклер и её тёплой булочной на углу. Начинается история кота, который будет помнить город дольше, чем люди.

Марципан ударяет лапой в знакомое место. Стекло дрожит. Щель у порога даёт ему возможность просочиться: он знает, как. Дом впускает его. Марципан ест, но немного. Пьёт. Потом обходит комнаты. Запах Эльзы – в занавесках, в полотенцах, в дереве, в тесте, в печи.

Он ложится на своё место у окна. Втягивает в себя остатки её запаха, стараясь удержать её около себя как можно дольше, оставаясь на подоконнике до утра, пока стекло не остывает окончательно.

Сырая зима, колючая, с ветром, стучит в ставни кулаками. Взрывы звучат уже не вдали, а близко. Стёкла в булочной

дрожат, тонкая трещина ползёт по витрине, со стола падает пустая миска.

Марципан просыпается. Его усы дрожат. Он смотрит в окно. На улице гуляет снег – редкий, мокрый. Людей почти нет. Лишь несколько фигур в тёмном, идущие быстро. Ветер свистит между домами. Где-то на окраине горит дом, зарево отражается в облаках. Город, который пах корицей, начинает пахнуть дымом.

Ветер с Балтики завывает в пустых трубах. Море гремит. Булочная молчит. А на её подоконнике сидит Марципан – тёплое пятно в замерзающем мире – и смотрит туда, где полотно серого горизонта когда-то унесло его хозяйку.

По ночам город качают взрывы. Далёкий огонь подсвечивает небо с юга. Море отвечает глухим мраком. Где-то рядом проносится колонна военной техники. Кто-то кричит по-русски.

Марципан не знает этих слов. Он знает только, что хозяйки нет. А дом ещё есть. Кот смотрит, не мигая. Он не понимает, что мир раскалывается. Он ещё верит, что запах корицы вернётся.

Но сначала придут другие. И это будет уже другая глава.

Зинаида Варлыгина (Россия /

Поэт, прозаик, драматург. Член Русского ПЕН-Центра с 2019 года. Создатель и главный редактор первого российского литературно-художественного видеожурнала «Вольное слово». Автор пяти книг стихов и прозы – «Вдоль позвоночника времени» (2024 /, «Встреча с сюжетом» (2022 /, «Поколение нулевых» (2019 /, «Я проснулась с утра, а столетье прошло...: стихи о XX веке» (2017 /, сказочной повести «Обмелевшая река» (2017 /.

С 2022 года - основатель и член Оргкомитета Международного онлайн-фестиваля гражданской лирики "Право слова". Серебряный медалист Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛИФФТ, дипломант Грушинского фестиваля, лауреат фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни, поэзии и прозы «Господин Ветер», лауреат фестиваля поэзии и авторской песни «Изборская крепость» и ряда других всероссийских литературных фестивалей.

ГОФМАНИАНА

Смотри: разбегаются ноты с нотного стана.
Оплавилась свечка – воск капает на клавишин.
За окнами вьюга, а в ней мельтешат непрестанно
Десятки чудовищ, и ликов, и фей, и личин.

Как только ты клавиш коснёшься – появится эхо.
Откуда оно в этой комнате в десять шагов?
Эй, сказочник! Ты никуда ещё не уехал?
Никак не избавишься от городских ты оков.

Эй, сказочник! Что померещилось тебе снова?
Какие сюжеты увидел ты в пляске теней на стене?
Тебе суждено облачать эти пляски в слово
И сказки записывать – те, что ты видишь во сне.

Слова разлетелись, остались их бледные тени.
Над лесом ночным полыхает прожектор луны.
Слова – семена тех загадочных, странных растений,
Что в душах растут, прорастая сквозь мысли и сны.

Их глазом увидеть нельзя ни во тьме, ни при свете,
Но как же прекрасны их огненные цветы!
Их тень мимолётную краешком глаза заметив,
Забыть не сумеешь волшебного отблеска ты.

Луна заливает мир белым слепящим сияньем,
Верхушки деревьев качают задумчивых сов.
А где-то в лесу отдаётся невнятным ворчаньем
Звучащее эхо, далёкое эхо слов.

Виват, Вивальди! Через двести лет
В архивах найденные ноты
Вернули музыку и подарили свет,
А скрипке – ощущение полёта.

Виват, Вивальди! Музыка жива!
Как пузырьки в бокале – звуки скрипки.
В них дождь, и снег, и солнце, и трава,
И рыжего священника улыбка.

На подъезде к Петербургу –
Чёрно-жёлтые леса,
Как молчанье драматурга,
Отводящего глаза,

Как художника палитра,
Обедневшего совсем,
Как полёт усталой птицы,
Как движенье изотерм.

На подъезде к Петербургу –
Стылых ветров кутерьма,
Будто северному другу
Улыбается зима.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ПАРК

В облетевшем парке
Людно в день воскресный.
Но хватает места –
Никому не тесно.

По аллеям серым
Меж прудов-каналов
Осень невидимкой
Следует устало.

«Ах, какие платья
В сентябре, бывало,
Бросившись в объятия
Ветра, примеряла!

Ах, какие краски
Я кружила в вихре!
Нынче – всё погасло,
Нынче – всё утихло...»

В облетевшем парке
Вечером воскресным
Осень напевает
Северные песни.

Это вовсе не город, а декорации к фильму,
Съёмки которого делятся четвёртый век
Из параллельной реальности – странной, всесильной,
В которой не гаснут звёзды и падает снег.

В этой мистической ленте – дворов лабиринты,
Дворцов анфилады, сияние белых ночей,
И навсегда – в главной роли и в роли статиста
Каждый, кто в душу впустил свет лиловых очей.

Раз побывав здесь, поймёшь, что уже не отпустит,
Этот мираж, отражённый в холодной воде.
Северный запах сирени чудиться будет
В розах тепличных и в дикой траве-лебеде.

Ночи белые, волны с искрами,
Под мостами идут катера.
Ветер северный, стать российская,
Вечно молод город Петра.

Силуэтом – шпиль Петропавловки,
Возле Зимнего – яблони облаком.
А над ними кружит, не жалуясь,
Ночи белой дух – быстрым соколом.

Ты кружи, ты кружись, соколик-свет,
Заплетай ветра ночи в косоньки!
Белой ночи в Питере конца-края нет,
Все дома до рассвета – розовы,

Да сиреневы, да маренговы –
Не найти такого в чужих краях!

Петербургская ночь, берега Невы,
В это время поэты совсем не спят.

Там призраки бродят,
Над невской водой скользя.
Там ночи настолько светлы –
Заблудиться нельзя.

Но вдруг заблуждаешься
И попадаешь туда,
Где призрак парит над водой.
И мерцает вода.

И маревом странным
Под утро весь город одет.
И дымка стоит над водой,
Заслонив силуэт.

Ах, кто Вы? Откуда?
Из времени войн и балов?
Из времени смуты?
Или созданья дворцов?

Ах, что Вы молчите?
Иль не молчать Вам нельзя?
Откуда – из свиты,
Или пробилась в князя?

Зачем Вы молчите,
Сливаясь с туманом речным?
Зачем, ничего не сказав,
Растворились как дым?..

Петербург – мятежный город:
Наводнения да восстания.
Может, этим ты и дорог?
На краю существования
Замираешь над обрывом,
Под волной рискуя скрыться...
Петербургская Россия –
В бурю мчащаяся птица.

Над каналами твоими
То ли тучи, то ли страхи.
Чайки мечутся бессильно,
Криком заглушая ахи
Вездесущего туриста,
Любопытного разини.
Пролетающая птица –
Петербургская Россия.

Над дворцами кружат души
Императоров убитых.
А народ по ним не тужит,
По теням полузабытым.
Перекрашивая флаги
Время над тобою мчится,
Петербургская Россия,
Немигающая птица.

ДЕКАБРИСТАМ

Мальчишки, войну прошедшие,
В мирной жизни ненужные,
Ещё не произошедшее
Не осуществляйте лучше!

Ну, полно вам вздор выкрикивать!
С махиною вам ли биться?
Ах, как же светлы ваши лики,
Мальчишки-царевубийцы...

Юны и горячи помыслы.
Что станется после с вами?
Замышленное, неисполненное
Витают над головами.

В иное время Петербург
Растил мятежников отчаянных.
Их дело выпало из рук
И привело на остров Заячий.

Кружила чайка над Невой,
И волны в берег били истою.
Их, скрытых крепостной стеной,
Тогда прозвали декабристами.

И нынче времени разбег
Ведёт империю в болото.
Над Петербургом кружит снег.
Но выйдет ли на площадь кто-то?..

В день декабрьского восстания
Во дворце даётся бал.
Приглашенья всем – заранее,
Чтоб никто не опоздал.

Чтоб не помнили про вьюгу
Над Сенатской и о том,
Что идёт страна по кругу
И тоскует под кнутом.

И о том, как визг картечи
Оглушал в тот день солдат,
И о тех, кто уж далече –
Сослан в рудниковый ад.

Царь пирует, царь ликует,
Только все усилья – зря:
Даже Пушкин здесь танцует,
Но не любит он царя.

Его сердце вечно – с теми,
Во сибирских рудниках.
Его мысли нынче – с теми,
Чей неведомо где прах.

Не стирает время память –
И царям не смыть её.
Над Невою, над дворцами
Солнце Декабря встаёт.

Юрий Радзиковицкий /Германия/

Педагог с сорокапятилетним стажем, проработавший многие годы в системе народного образования Ставропольского края: учитель русской словесности, инспектор отдела образования, директор гимназии. С 1999 года проживает в городе Эссен, Северная Рейн-Вестфалия. В течение десяти лет работал в Воскресной школе, обучая детей чтению и основам правописания по разработанным им авторским методикам. Издаваться начал с 2012 года. С того времени по настоящий момент им было опубликовано десять книг разной жанровой направленности. Наиболее значимыми из них являются «История Листии», пособие для родителей по обучению детей чтению на русском языке, 2012; «Потаённые смыслы», курс понимающего чтения для старшеклассников, 2014; «Оригами бытия», собрание эссе, мемуаров, новелл и повестей, 2018; «Макабрические анекдоты», сборник рассказов в жанре антиутопии, 2021; «Особняк на Романовском проспекте», сборник новелл в жанре саспенс, 2022; «Экзерсисы», издание, состоящее из произведений последних лет, 2024.

Метаморфозы Аделаиды, или экзистенция бытия

Состояние в свете бытия
я называю экзистенцией...
М. Хайдеггер

Бытие есть, а небытия нет.
Парменид

Бытие - жизнь, существование.
Словарь

Река Завидовка в полной мере могла быть той данностью, что сподвигла Льва Толстого на часто цитированное потом

суждение, что «люди как реки. <...> Каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то холодная, то мутная, то тёплая».

Завидовка, имея в виду себя, могла бы добавить к этому: то глубокая, то ленивая, то мелкая, то озорная. то прозрачная, то своенравная, то мутная, то прозрачная, хоть ребра считай у плотички. И, несколько подумав, присовокупила бы – и, конечно, счастливая. Ведь уже несколько веков ей счастливо теклось среди этих холмов и лугов, среди лесных угодий и людских поселений под этими небесами: то хмурыми, то бирюзовыми, то солнечными, то звёздными. И лермонтовская строка: «И золотые облака. Из южных стран, издалека. её на север провожали, - тоже могла бы ей соответствовать. Только вот скал никаких не было, так что они «тесною толпой» её не окружали и «таинственной дремоты полны, над ней не склонялись головой, следя мелькающие волны», «глаголу вод её внимая». Это вместо них делали купы деревьев и кустов, что то и дело виднелись на её берегах, то пологих, то обрывистых, то песчаных, то галечных, то покрытых манящими лужайками и прозрачным редколесьем.

Народ, что издавна обретался на её берегах и в недалёком от них отдалении, вероятно, постиг это её мироощущение, дав ей столь недвусмысленное наименование - Завидовка. И как не завидовать такому божьему чуду как эта бесконечная водная гладь, невесть откуда берущая своё начало и невесть куда устремлённая, и несущая свои воды в столь живописных ландшафтных декорациях.

«И надо же такому случиться», как когда-то обмолвился известный русский остролов и мудрец, что в одной из скромных заводей, скрывающейся под прибрежной ивовой сенью, обреталась обыкновенная речная жаба. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что это была не совсем обыкновенная жаба. Ведь эта земноводная особь была значительно больших размеров, чем известные ей сородичи. Весьма крупная и осанистая, она к тому же впечатляла сторонний взгляд огромными навывкате жёлтыми глазами с блестящими чёрными горизонтальными зрачками, особенностью которых является неспособность различать неподвижные предметы. Да и её

малахитовая шкурка со светлыми подпалинами была тоже не рядовым явлением: склизистая, складчатая, грубая и бородавчатая, она являла собой примечательный природный феномен, предназначенный не только для защиты, но и для устрашения и запугивания.

Однако была в ней одна существенная особенность, которая не позволяла ей воспринимать те понятия, смыслы и значения, которыми была атрибутирована река Завидовка несколько ранее в этом повествовании. И это был не махровый пофигизм или тотальная индифферентность ко всему внешнему. Как раз нет! Просто она это не осознавала по причине отсутствия мышления. Все три составляющие её головного мозга, особенно его так называемая продолговатая часть, успешно решали все вопросы жизнедеятельности её организма, но никак не занимались производством мыслей и смыслов, то есть каким-то восприятием себя и окружающего мира. Образно говоря, она была во власти некоторого количества манипуляторов, вроде тех, что регулируют движение на дорожных перекрёстках. Возник разрешающий сигнал к поиску пищи, и жаба устремляется в прибрежную топь в поисках червячков и прочей мелкой живности. Или поступает разрешение обосноваться на суше и время от времени внезапными выбросами липкого язычка отлавливать незадачливых букашек, а то и зазевавшихся стрекоз и бабочек. Да и басовитых жуков и шмелей может ожидать подобная участь. Вдругорядь, например, поступает разрешение на спасение от неистовой жары, и жаба с шумом и плёском прыгает в прохладные воды Завидовки. Только ноздри да глаза потом некоторое время маячат над её поверхностью.

Но иногда её охватывает странное чувство: то ли тревоги, то ли озабоченности, то ли беспокойства. Тогда она напрягается и, открывая широко рот, оглашает окрестность странными прерывистыми звуками, громкими и досадливыми. При этом глаза, замерев, чёрными зрачками вперяются в поднебесье, что нависло над Завидовкой и просвечивало сквозь кроны деревьев. Зачем она это делает, ей было не дано знать по уже установленной ранее причине – из-за отсутствия сознания, а в данном случае – самосознания, являя собой парадоксальный

пример противоречия утверждению француза Рене Декарта, что если он мыслит, то, следовательно, он существует - *cogito ergo sum*. Так что ей удавалось существовать без всяких размышлений, как бы не упорствовала Рене в этой своей максиме.

Откричавшись, она чувствует некое успокоение и желание перекусить каким-нибудь комариком, а то и несколькими его собратьями.

Правда в последнее время приступы подобного звукоизвлечения участились и стали настолько продолжительными, что это стало очень её утомлять и даже перегревать из-за чрезмерных усилий. И панацеей от этих обстоятельств комарики уже никак не могли быть. Спасали только холодные воды Завидовки.

И в тот вечер, отсолировав в вечерней тиши, она незамедлительно устремилась в прибрежное речное затишье, где, отражаясь, «своей дремоты превозмочь» не могла ивовая листва, и розоватый флёр заката мерцал на глади заводи. Но только холодность речной воды придала жабе некоторое успокоение, как вдруг нечто вздыбило воду где-то в ближайшем отдалении. Затем раздался надсадный звук, и разом накатившая немалая волна выплеснулась далеко на берег, после чего, клубясь и оставляя пенные лужи, сползла в речные пределы.

В одной из таких луж через некоторое время себя и обнаружила жаба, несколько оглушённая и помятая. И сразу спросив: «Что это было?» - тут же остолбенела, если так можно говорить о земноводных, чьим образчиком являлась эта особь. В такое состояние её ввергло не внезапно-ошеломительное перемещение из заводи в лужу, которой никогда ранее здесь не бывало. И не этот факт неожиданной левитации привел её к такому вопрошанию. Хотя, да что там говорить, любое живое существо при такой пертурбации не только потеряет дар речи, но и забудет как его зовут и какого оно рода племени. При этом надо заметить, что нашей жабе своё имя было не то что не известно, а оно ей было просто без надобности. Это здесь, в тексте этой истории, это существо именуется жабой. И почему её так обозвали, можно только предположить. Много толкований на сей счёт, но значение, которое имеет место быть в древнем

средненижненемецком наречии, привлекает своей образностью: «влажная масса» - не то что болышеротая или болотная, как в некоторых других языках. Так что этой пучеглазой забывать было нечего. Ведь нельзя запомнить то, чего не было. Как тут не вспомнить: «если у вас нету тётки – то вам её и не потерять».

А вот с обнаруженным ею даром речи всё обстояло куда занятнее. И тут, видимо, необходимо одно существенное пояснение, состоящее в том, что она не спросила, как было сказано ранее. Ведь если бы кто-то паче чаяния оказался в близи той лужи, где назодилась эта земноводная прелестница, то он не услышал бы этого её вопрошания. Она его не произносила: он, этот вопрос, просто возник в её голове. Ничего подобного с ней раньше не случалось. Именно это её ошеломило более всего. Но находиться в таком состоянии ей не пришлось долго, так как её недреманные манипуляторы, видимо, оправившись от внезапного шока, тут же предписали ей ряд установок: лужу немедленно покинуть, обосноваться на достаточно возвышенном месте, желательно под солнечными лучами, там пересидеть до прихода темноты.

Через некоторое время уже можно было увидеть сидящей на основательном куске скальной породы, что, вероятно, был выброшен на берег суматошной волной. Вид этого примечательного экземпляра «влажной массы», то ли сидящего, то лежащего с закрытыми глазами на солнцепёке, был обманчив. С одной стороны, это была живописная картина спокойствия и умиротворения, это с внешней, видимой стороны, с другой стороны, невидимой, в её естестве, она сама не могла толком определиться, где жила и ширилась некая стихия, которая ранее в ней не существовала. Эта стихия порождала нечто, что принимало формы слов, которые потом организовывались в предложения, порождающие мысли. Их, этих мыслей, становилось всё больше и больше, они теснились, заполняя всю её сущность. Она пробовала заснуть, забыться, чтобы избавиться от этого морока. Но все её эти усилия были втуне. Что объяснилось совершенно иррациональным выводом: она из жабы обыкновенной (*commune rubetae* / в силу невероятных причин превратилась в жабу мыслящую, в *cogitaus bufo* Иными

словами. у неё появилось сознание, то есть она стала мыслящим существом. На первых порах этот её новый статус доставлял ей ряд неудобств, главным из которых было осязаемое противоречие между теми установками, что поставлял манипуляционный центр, и теми соображениями, которые ею переживались в этот момент. Скажем, поступало предписание: надвигается ночь, время озаботиться поисками пропитания, а эта «жидкая масса» в данных обстоятельствах всматривается в звёздное небо и, если и не задаётся вопрошанием искусного словотворца: «Если звёзды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно? Значит — это необходимо, чтобы каждый вечер над крышами загоралась хоть одна звезда!» - то пытается получить ответ на свой простой недоумённый вопрос: «Если эти холодные мерцающие огоньки обретаются так высоко наверху, то почему они не падают, или их кто-то подвесил, как тот паук, что подвесил себя на длинной нити под веткой соседнего шиповника?» И отвлекаться от подобного размышления ей никак не хотелось, да и не настолько она была голодна, чтобы тут же устремиться куда-то в поисках чего-то там съедобного.

Так что «задумчивость, её подруга», стала занимать в её жизни всё большее и большее время. Ведь, по сути дела, она стала заново обживать тот мир, в котором раньше длилась её жабья жизнь. Правда основательно озадачивает отсутствие у этой мыслящей особы какого-либо недоумения по поводу появления невесть откуда взявшихся понятий, облечённых в слова. Ведь в прошлой жизни, до её умопомрачительного перемещения из вод Завидовки в злосчастную лужу, они ей были неизвестны. Скажем, упомянутый здесь куст был нечто таким, что просто нависало над ней, что вставало на её пути, заставляя двигаться в обход, что служило прибежищем для некоторых вкусных созданий. но только не был формой древесного растения, именуемого почему-то кустом. А тут будто кто-то на всё, что она видела, слышала и чувствовала, повесил бирочки с названиями. Более того, стали появляться слова, предназначенные для обозначения того, что она никак не могла видеть, слышать или чувствовать. Они именовали то, что было связано с её настроениями, переживаниями, с чем-то очень

личным. Для всего стали вдруг находится слова. Вот взглянула на белку и поняла, что она её не любит: уж больно вертлявая и суетная. А ведь раньше и слова такие, как белка, вертлявая, суетная, а уж любить - тем более, не существовали для неё. Просто было нечто, что появлялось и исчезало из поля зрения, несъедобное и неопасное.

Со временем, убедительно теряя фактор новизны, всё как-то вошло в размеренное и узнаваемое русло. Лишь иногда вызывало некоторую оторопь появление уж очень своеобразных в её жабьем понимании слов. Последний такой случай имел отношение к слову первозданная, которое у неё появилось, когда она созерцала неторопливый бег вод Завидовки среди волнистых берегов на утренней зорьке: «Красота прямо первозданная!» - хотя что такое красота, а тем более первозданная, она не очень понимала. Но ведь почему-то её таким-то образом осенило!

Неизвестно, к чему эта словесная экспансия привела бы. Возможно, эта «жидкая масса» под тяжестью обретенных словес вдруг станет говорящей

жабой (*Vifo loquentes* /. Правда можно лишь предположить, на каком наречии она стала бы изустно объясняться. Это было бы скорее всего нечто славянское, ибо в этих землях текла с юга на север Завидовка.

Но до осмысления подобного своего состояния ей было не дано домыслить, так как через некоторое время произошло нечто совершенно inferнальное. Хотя ей это несуразное на слух слово, так называющее какую-либо жуть, однако, ещё не было ведомо, что, однако, не меняет сути произошедшего вскорости.

В то утро она, рано проснувшись, сладко и протяжно зевнула во весь свой немалый жабий рот, тут же мимоходом употребив нечто зеленоватое и мохнатое, незатейливо пролетавшее мимо, призадумалась над дилеммой: то ли окунуться в прохладную водицу Завидовки, то ли посидеть, придрёмывая, на прибрежной коряге в ожидании, когда солнечные лучи разбудят всякую летающую и ползущую живность. Вот тогда и начнётся её полноценный завтрак.

После некоторого раздумья было принято решение: день ожидается жарким и душным, так что набраться свежести в

утренней прохладе речных вод было бы весьма кстати. Но едва она сделала несколько прыжков к заманчивой цели, то, как бы выразился всё тот же известный словотворец, «потолок пошёл снижаться вороном» на неё. Никакого потолка, разумеется, на этом побережье не было и в помине. Но то, что она, замерев и буквально оцепенев, лихорадочно пыталась понять, что с ней происходит, было вполне очевидно. А происходило нечто трудно объяснимое. Среди сонма слов, что она воспринимала в себе в этот момент, возникли слова, которые не имели к ней никакого отношения: «Нет! Я больше не могу терпеть это безобразие! Стоит мне только устроиться на каком-нибудь дереве, как тут же какая-нибудь летунья тут же садится рядом. Ладно, если бы это была моя родственница или давняя знакомая. Ан нет! Совершенно чужие физиономии. Более того! Тут как-то ко мне подсел дятел. Представляешь: я и какой-то дятел! Словом, пора лететь из этих мест куда подальше. Ты со мною, дорогуша?».

Ошеломлённая бедняжка жаба, видимо, ещё долго пыталась понять природу появления всех этих словесных построений, если бы не внезапный шум от взлетевших где-то поблизости каких-то птиц. И тут же она увидела двух сорок, стремительно улетающих в сторону противоположного речного берега. Провожая их взглядом, уже исчезающих в утренней дымке, она вновь почувствовала, что «потолок стал снижаться вороном». И ему было отчего снижаться. В это состояние её повергла совершенно очевидная мысль: она, жаба, стала понимать чужую стороннюю речь. Однако, тут же подумав, что всё ещё находится в мороке ночных сновидений, направилась к речной воде, надеясь, что прохлада Завидовки избавит её от такого невероятного наваждения. Через некоторое время, почти озябнув, она выбралась на берег и, устраиваясь на прибрежной коряге, тешила себя надеждой, что, пригреваемая ещё нежаркими солнечными лучами, она избавится от этого недавнего испуга. Но тут с речного пространства ей явственно послышалось: «Сколько раз я вам, пострелята, говорила, что не разрешаю заплывать за тот речной поворот. Там, говорят, обитает прожорливая зубастая выдра, очень охочая до таких несмышлёнышей как вы. Говорила я вам или не говорила?»

Жаба посмотрела в сторону услышанного голоса и увидела на водной глади дородную гусыню в тот момент, когда она была занята воспитанием своего выводка, пятерых присмиривших гусят.

Надежда, что это был ночной морок, исчезла, как писал «наше всё», «как сон, как утренний туман». Сомнений никаких не осталось, её кто-то наградил ещё одним даром: у неё появилась способность понимать любые наречия. То есть она стала понимающей язык жабой - *Lingua intellectus bufo*.

И сразу стало ясно, что с этим новым обретением ей будет жить весьма не просто, а если не сказать, неуютно и тревожно. Мир, окружающий её, был переполнен голосами. Конечно, и раньше она их слышала. Но теперь эти голоса ей что-то сообщали, на что-то обращали внимание, к чему-то звали, чем-то угрожали и уговаривали на что-то. Она понимала, что всё это сказанное к ней не имеет никакого отношения: они, голоса, так общаются между собой. Но она невольно оказалась в курсе всех этих словесных перепитий. Это лишило её одиночества, того одиночества, когда она могла быть наедине со своими мыслями и настроениями. Только с наступлением ночи, когда под её пологом живое засыпало, наступала возможность быть предоставленной самой себе. Лишь недреманный филин где-то ухал чащобе: «Который час? Который час? Который час?» - и замолкал, не получив ответа. А затем вновь: «Который час? Который час? Который час?» «И далось тебе это время!» - устало думала тогда жаба.

То, что верна пословица: «Время всё сглаживает», - она поняла где-то через месяц, научившись не придавать никакого значения всему говоримому вокруг.

Вот почему она не обратила внимание на разговор двух особ, что расположились на поляне, которая была в некотором отдалении от берега и от того места, где обреталась жаба. Вернее, она сначала не придала значения их появлению. Люди и раньше здесь появлялись, но они её мало интересовали, так как были лишь частью той данности, где она обитала. Не более того. К тому же тогда она ещё не могла постичь смысл их разговоров, поскольку такой дар ещё был на пути к ней. Теперь, когда этот дар, неотразимый «как Нате!», — как бы определил

неожиданность его вхождения в её личность всё тот же знаменитый словотворец, стал частью её сущности, среди прочих наречий она должна была бы понимать и людское общение. Но случай убедиться в этом ей пока не предоставлялся.

И был день, и было утро, когда до неё долетели фрагменты общения двух человек, судя по голосам, пожилого мужчины и девочки–подростка. Самих участников словесного обмена она не видела: кусты терновника не позволяли этому. Но к их разговору внимательно прислушалась.

— Вот и ладно – палатку мы установили. Теперь, Дарьюшка, возьми вещи из машины и перенеси их в палатку и не забудь развернуть спальники – пусть подышат теплом. Да и перекусить что-нибудь сообрази из того, что мама с бабушкой собрали нам в дорогу. Что-то аппетит у меня разыгрался на природе.

- Ты, дед, никогда не страдал его отсутствием, сколько я тебя помню.

— Не умничай больно! Ишь взяла бабкину манеру на вооружение. Поди, ты и сама не прочь перекусить её выпечкой!

— Не без того. Слушай дед, тут вот что я подумала: пока ты наловишь ершей да плотичек для ухи, давай я поймаю несколько лягушек и сварю французский суп.

— И не вздумай! Нечего кастрюлю поганить такой дрянью! Она для ушицы наварной, а не для этого пойла. Прости, господи, как тебе в голову могло прийти такое, душенька моя бестолковая!

— За душеньку, конечно, спасибо, дедуля! Но я совсем небестолковая. Я об этом прочитала в интернете на странице советов для юных туристов. Даже рецепт переписала. Хочешь, прочту его тебе?

— Некогда мне выслушивать эти мерзкие глупости. Пойду на берег: пора готовить удочки и снасти. Вон уже как солнце высоко поднялось: того и гляди утренний клёв пропустим.

Кулинарный изыск, предложенный девочкой, вызвал у жабы поток не совсем однозначных соображений: «Видно, у этих французов основательно повывелись звери и рыба, да и птиц поубавилось, раз они стали употреблять в еду этот плюгавый народ. – Тут она в очередной раз удивилась, откуда у неё взялось это весьма несимпатичное слово — «плюгавый». — Ведь там и

есть нечего – одни кости да шкура. Нн то, что мы...» И тут она пришла в некоторое волнение, а вдруг эта юная кулинар-туристка предложит своему спутнику переключиться на жаб. А то, что это может произойти, у жабы были весомые опасения и предчувствия. Ведь она доподлинно знала, что никакого улова у этого пожилого человека сегодня не будет: из-за неимоверной дневной жары рыба ушла в холодные глубины Завидовки, и ей, рыбе, до утра будет не до тех соблазнов, что обретаются на дедовских рыболовных крючочках.

Поэтому, решив быть более в курсе предстоящих событий, она спустя некоторое время сумела подобраться поближе так, чтобы не только слышать, но и видеть эту парочку.

Они сидели за небольшим походным складным столиком и, поедая нехитрую снедь, вели неторопливый разговор. Многое из того, чего они касались в нём, мало интересовало эту визионершу. Пока Дарья не вернулась к утреннему своему предложению.

— Твоя рыбалка, дед, обернулась пшиком: две тощие плотички не устроят даже нашего Ваську. Это кошачье создание, презрительно посмотрев на это твоё приношение, отвернётся и уйдёт, нервно подергивая хвостом, как бы говоря, что уважающие себя коты такое не едят – одни кости и чешуя. И если бы ты не отверг моё предложение сварить французский суп, если не с лягушками, то с мясистой жабой, что я приглядела здесь на берегу, мы бы питались не этими достовучими бутербродами, а уплетали наваристый суп., которого хватило бы и на завтрашнее утро. Выходит, что дело я тебе тогда говорила, а ты: «Не надо поганить кастрюлю! Наловлю рыбку, и будет нам ушица». — И где она твоя расчудесная ушица, скажи на милость?

— Ещё не выросла, а уже сварливая, как моя бабка...

И тут разговор принял столь любопытный для жабы поворот, что та значительно пододвинулась вперёд, изрядно рискуя быть невзначай замеченной.

— Еда едой, суп супом, а тебе не приходит в голову, что могла сварить для уголения нашего голода царевну? Ту царевну, которой суждено принести счастье доброму молодцу, царёвому сынку, которая...

— Пстой, дед! – оборвала старика Дарья. Ты о чём, о какой такой царевне, которой угрожала моя кулинарная прихоть, в твоём, конечно, толковании? Хотя пстой! Ты намекаешь на персонажа из сказки, которую мне читал, когда я была маленькая?

— Именно так, моя внученька. Именно так. Читал, и не единожды читал. Тебе она тогда очень нравилась.

— Да, я помню, что меня тогда беспокоил один вопрос, зачем царевич из сказки сжёт лягушачью кожу? Да и сейчас не очень в толк беру.

— Да толк-то очень мудрый в сказке той: люби ту, которая тебе судьбой уготована, такой, какой она есть, и тебе воздастся за это сторицей. Сжёт шкур потому, что хотел, чтобы женой у него была красавица Василиса Прекрасная, а не болотная невзрачная лягуха. А вот если ещё бы стерпел три дня, то тогда бы всё вышло по-евойному.

Любовь, моя милая, сберегает терпение. Нет терпения, и никакие волшебные клубочки, косые зайцы, могучие медведи, шуки зубастые да баба –яга преклонных лет – они все вместе взятые тебе не помогут по одной простой причине – они все из сказки, а в нашей жизни можно рассчитывать только на себя. На свою любовь, на своё терпение. Вот так, моя милая. Уяснила, красна девица?

— Уяснила, батюшка, – в тон ему ответила внучка. – Теперь я понимаю, почему ты меня продолжаешь любить, несмотря на все мои загогулины, как ты иногда называешь мои, как бы так аккуратно сказать, мои странности в поведении. Я правильно поняла тебя, мой мудрый дед?

— Правильно, оно-то правильно, только вот, скажи на милость, чем мы с тобой займёмся до вечерней зорьки, когда я вновь попробую испытать своё рыбацкое счастье?

— Прежде чем ответить на твой вопрос, я сделаю официальное заявление пред тобой, этим лесом и рекой, перед теми, кто здесь обитает, и прежде всего перед Аделаидой.

— Что за заявление, кто такая Аделаида? Опять ты, Дарья, хочешь что-то отчебучить! Уймись уже! Мало тебе домашних катавасий, так ты и здесь, на природе, пускаешься во все тяжкие.

И чего тебе неймётся, какого рожна надо!?

— Ой, охолонь, дед, как тебя урезонирует моя бабушка, охолонь. Или не гони пургу, как говорят у меня в классе. Ничего я не затеваю, просто хочу объявить этому миру, что никого не собираюсь включать в своё меню. И вон тот толстоногий боровик пусть растёт спокойно, пока его белка на дерево не утащит и на суку не пристроит, чтобы там подсох основательно. А что до Аделаиды, то такую кличку я дала той жабе, которую я было вознамеривалась приготовить по французскому рецепту, да ты воспротивился. Знаешь, ей это имя очень подходит: она большая, солидная и важная. Прямо как фрау Фрекен Бок из мультика про Малыша и Карлсона. И если ты увидишь эту жабу, то ты наверняка со мной согласишься: она такая А- де-ла- и- да! Умереть не встать, как говорит твой сын, то бишь мой родной дядя. А он самых честных правил, как говаривал, кажется Пушкин. — И заметив достаточно угрожающее движение своего собеседника в её сторону, вновь затараторила: «Кончаю дозволенные речи, как молвила Шахерезада, и, дед, волноваться похчка, как успокаивает себя мой однокашник армянин Самвел, то есть не надо. А я сейчас сбегаю к роднику и наберу чайник водицы, и потом мы будем пить чай с заваркой из душицы и мяты — я тут недалеко собрала большой пучок — ещё домой принесём. И мы обсудим за чаем, чем займёмся до вечерней зорьки.

Не встретив возражения, девчонка убежала, провожаемая взглядом пожилого человека, который даже с некоторым облегчением выдохнул, когда остался один, всё ещё, правда, сохраняя достаточно недовольное выражение лица.

Что касается жабы-вуайеристки, что не только наблюдала за этой парочкой, но очень внимательно вслушивалась в беседу этих прямоногих. так для себя она с недавнего времени стала именовать тех людей, что появлялись в поле её зрения, то возникшая пауза ей была весьма кстати.

По ходу беседы у неё возникали разные мысли, но сосредоточиться на них она не могла, так как боялась пропустить что-либо интересное в разговоре. И вот теперь у неё появилась возможность привести свои соображения в относительный

порядок. Во-первых, она окончательно убедилась, что прямоногие ей гораздо интереснее тех, что летают и обретаются на деревьях, тех, что плавают то тут, то там по Завидовке, и тех, кого она определила как волосатых, то есть всех этих белок, енотов, зайцев, лис и медведя-шатуна, что изредка навевается, чтобы охолонуть в Завидовке в знойную пору. Это соображение в полной определённости у неё возникло неделю тому назад, когда на ближайшей полянке расположились две пары молодых людей. Их разговоры были мало интересны жабе до того момента, когда один из них, поддавшись на уговоры собеседников, достал нечто, именуемое гитарой, и начал петь, сопровождая своё пение игрой на этой штуке. Из десятка песен ей запомнилась только одна. Запомнилась настолько, что потом поздними вечерами, сидя на коряге и вглядываясь в звёздное небо над головой, она произносила про себя удивительные слова, что услышала тогда:

Я сегодня смеюсь над собой...

Мне так хочется счастья и ласки,
Мне так хочется глупенькой сказки,
Детской сказки наивной, смешной.

Получая удовольствие от этих слов, она не понимала, что такое счастье и что такое сказка, в которую некто хотел бы попасть, но из разговора девочки и её деда она уяснила, что сказка – это место, где она сможет стать прямоногой и даже принцессой. Но чтобы её лишили собственной шкурки, этого она никак не хотела. Ведь это означало бы, что она никогда не сможет вернуться на берег Завидовки в прежнем образе, в образе жабы. Такого она никак не могла представить. Выбор между обликом царицы и обликом жабы был для неё очевиден: она навсегда останется понимающей язык жабой. *Lingua intellectus bufo.*

Во-вторых, ей совершенно претило быть как-то именуемой. И кличка Аделаида только усилила это чувство, которое возникло после встречи с созданием, отзывавшегося на кличку Борзик. Это существо, лохматое настолько, что даже его глаза и нос были едва различимы, и размером оно было чуть более средней белки.

Появившись как-то в ближайшем к жабе окружении, он проявил неукротимую деятельность. Стремительно бегал кругами, обнюхивая цветы и кусты, распугивая бабочек и стрекоз, издавая при этом визгливый лай. Окрики его хозяев, расположившихся в шезлонгах, принесённых из машины, его мало вразумляли. Более того, в один из своих стремительных забегов он сходу налетел на корягу, где в это время благоденствовала жаба. Налетел, заметил жабу, обнюхал её, а затем совершил нечто совершенно абсурдное. Повернулся боком к ней, поднял заднюю ногу и оросил сидящую жабу чем-то тепловатым и очень смрадочно пахучим. Только многократное купание в Завидовке да омовение под сильным ливнем избавили её от этого мерзопакостного запаха. После этого случая у неё сложилось крайне недоброжелательное отношение к собакам и почему-то к кличкам вообще.

В-третьих, угрозе быть сваренной по французскому рецепту она не придавала особого значения, ибо не понимала характер подобного действия: при ней ещё никого не варили в том, что называется кастрюлей. И к заверению Дарьи, что таки она не будет заниматься впредь, отнеслась без внимания по той же причине.

Были у неё свои соображения по поводу любви и терпения, но тут вернулась Дарья с чайником полным воды, с ходу заявившая деду, что она придумала, чем они заполнят время до начала вечерней поклёвки. Так что жаба оставила уяснение смыслов любви и терпения до иных времён, ибо надо вновь быть в курсе того, что продолжает происходить с этой парочкой.

- Дед, ты что забыл, – начала Дарья с энтузиазмом, - что на дворе, то есть здесь, на берегах Завидовки, стоит XXI век? И у меня с тобой есть смартфоны. И они позволяют играть во всевозможные игры, вот я и подумала...

- И продолжать не надо, - достаточно резко остановил пожилой человек внучку, - я с этими штуками не дружу, ничего у меня с ними не получается, разве только позвонить. Никак не осилить мне все их заморочки.

- Ничего осиливать не надо вовсе в моём случае. Вот как мы с друзьями иногда с их помощью развлекаемся. Даётся задание,

выбрать какое-нибудь слово, скажем, гололедица, затем в Яндексе найти три пояснения к этому слову. Потом определяемся, у кого найдено самое прикольное из них, тот и признаётся победителем. Играем до трёх или пяти раз, но каждый раз берём новое слово. Меня иногда очень заводит такая игра.

- С Яндексом я, пожалуй, справлюсь. А какое слово ты предлагаешь для первого тура?

- А тут и думать не надо. Предлагаю слово жаба. Ведь о ней мы уже много сегодня сказали.

- Жаба так жаба. Почему бы и нет, - раздумчиво ответил её собеседник, потянувшись рукой в карман куртки.

Можно, конечно, подумать, что наша жаба наострила уши, услышав, что о ней скоро поведают много интересного с помощью неведомого ей Яндекса. Но это было бы досадной ошибкой. У жаб, как и у всех земноводных, нет внешних признаков ушей. Вместо них у неё барабанная перепонка. Вот как об этом информирует всё тот же Яндекс: «Когда барабанная перепонка лягушки улавливает звуковые волны, она вибрирует. Затем барабанная перепонка передаёт звуки и вибрации в среднее ухо. Среднее ухо усиливает звуки и передает их во внутреннее ухо. Наконец, внутреннее ухо и его тонко настроенные волосковые клетки “преобразуют” звуки и вибрации в сложные электрические сигналы. Эти сигналы отправляются в мозг лягушки. Затем мозг лягушки интерпретирует эти сигналы, чтобы найти пищу, спрятаться от хищников».

Так что барабанная перепонка завибрировала, и жаба тут же обратилась вся во внимание, наблюдая, как собеседники, взяв в руки какие-то прямоугольные предметы, стали в них тыкать пальцами, время от времени останавливаясь и всматриваясь в эти предметы, которые девочка назвала замысловатым словом - смартфон.

Но тут пожилой человек прервал это занятие и с явным неудовольствием в голосе обратился к Дарье:

- Не знаю как тебе, а мне Яндекс на запрос «жаба» выдал четыре тысячи ответов. Если предположить, что буду читать и

осмысливать прочитанное со скоростью один ответ в минуту, то на это у меня уйдёт чуть более тридцати трёх часов. А это почти полтора дня. Я на такое не подписываюсь, как говорили в моём детстве. Думаю, надо чем-то ограничить этот поиск.

- И как ты это себе представляешь?

- Давай запрос сведём к следующей формулировке: «Жаба в творчестве российских поэтов». Ведь любопытно, как это явно не поэтическое создание явлено в их стихах?

- А почему я не поэтическое создание? – попыталась было обидеться Аделаида, но не успела, так как Дарья тут же среагировала на предложение своего дедушки:

- А что, ништяк! Давай поюзаем на эту тему, - и через некоторое время радостно воскликнула, – послушай, что я нашла у некоего Мандельштама:

Здесь отвратительные жабы

В густую падают траву.

— Действительно, наступил XXI век – для моей внучки Осип Мандельштам какой-то поэт, - произнёс как бы сторону пожилой человек, а, обращаясь к внучке, сказал, что у Николая Гумилёва он тоже обнаружил весьма нелицеприятное изображение жабы.

- Суди сама. Я прочитаю вслух этот достаточно объёмный текст:

Захотелось жабе чёрной
Заползти на царский трон,
Яд жестокий, яд упорный
В жабе чёрной затаён.
Двор смущенно умолкает,
Любопытно смотрит голь,
Место жабе уступает
Обезумевший король.
Чтоб спасти свои седины
И оставшуюся власть
Своего родного сына
Он бросает жабе в пасть.
Жаба властвует сердито,
Жаба любит треск и гром.
Пеной чёрной, ядовитой

Всё обрызгала кругом.
После, может быть, придёт
Победитель тёмных чар,
Но преданье не забудет
Отвратительный кошмар.

После окончания чтения воцарилась тишина. Видно, Дарье нужно бы некоторое время, чтобы обдумать эту готическую жуть. Что касается нашей жабы, то она впала в полную прострацию:

-Та вот что эти прямоногие пишут о ней! Это ведь сплошной наговор, что она «любит треск и гром», что «пеной чёрной ядовитой» может всё обрызгать кругом, что она просто «отвратительна», что «яд жестокий, яд упорный» в ней затаён!

Преисполнившись праведными обидой и гневом, жаба уже было собралась уйти и впредь избегать общения с любыми представителями прямоногих, но задержала всё же внимание на том, что начала, говорить Дарья:

- А вот у французского поэта Виктора Гюго я нашла строки, рисующие жабу, с другой стороны, которую я назвала бы благородной и весьма уважительной к предмету своего изображения. Здорово, дед, я сказала? Сама не ожидала от себя. А ты говоришь, XXI век. Готов слушать? Только тоже предупреждаю, текст немаленький.

Что знаем мы? Кто глубину вещей изведал?
Диск солнца в розах облаков дремал под пледом;
Гроза водой терзала день, и запад прятал
Брильянты ливня в тлеющих углях заката;
А возле колеи, у лужи, жаба смело
И восхищенно в небо красное смотрела;
Серьезная, мечтала, её ужасный вид
Блеск отражал, который страдание таит;
Увы, но в Позднем Риме Августов шли полки,
И Цезари-злодеи, как жабы бугорки,
Его покрыли, словно бартонии луга,
Как солнечные блики скрывают берега;
Алеющей листвой пристыжено деревья

Свой прикрывали ствол, как птицы в свои перья,
В ней прятались, в выбоине вода сверкала
Смешавшийся с травой, ночь опускалась вяло,
И птица, утомившись, вдруг тише стала петь,
Замолкнув вовсе, словно её закрыли в клеть;
Всё стихло: и в воде, и воздухе. Лишь жаба
Без страха и тоски, слегка склонившись на бок,
Без гнева, без стыда, смотрела нежным взглядом,
Как тихо занавес вослед за солнцем падал...

— Гюго, с твоей подачи, открылся мне в неизвестной доселе ипостаси. Я знал его как изумительного прозаика, а тут такое поэтическое мастерство, которое меня весьма впечатлило. Но хочу заметить, что его опыт прозаика, пытающегося увидеть жизнь во всём её многообразии, в противоречиях и сложностях, сказался и в этом его творении. Поэтому жаба в его описании предстаёт совсем неоднозначной данностью. С одной стороны, она имеет «ужасный вид», с другой стороны, она серьёзная, мечтательная, наделённая к тому же нежным взглядом.

И заметив желание Дарьи что-то сказать по поводу только услышанного, поспешил остановить её:

- Подожди. Мне ещё есть что сказать в связи с нашей игрой. Дело в том, что я удивился не только неожиданной стороне творчества этого французского мастера слова, но в большей степени поразился совпадению идейной установки этого его стиха - под неказистой внешностью могут скрываться весьма привлекательные качества личности – с основным посылом одного рассказа, что только что мне нашёл Яндекс. Его написал Радий Погодин, известный в своё время детский писатель. Рассказ так и называется — «Жаба». Он достаточно большой, поэтому я ограничусь кратким пересказом его содержания. Это история одного мальчика, которого звали Коля Уральцев. История одного его опрометчивого поступка и того, что ему пришлось пережить после этого его пакостного деяния.

— И что же совершил этот безобразник? Что последовали какие-то неприятности для него? Что-то украл? Кому-то соврал? Или

разбил чью-то любимую голубую чашку? Помнится, как ты читал мне эту гайдаровскую историю.

— Я хорошо помню, как тебе было жалко тех, к кому с обвинениями пристала та, которая лишилась любимой чашки. Как ты тогда возмущалась: «Ей чашка важнее дружбы и мира». Но давай договоримся, что ты не будешь перебивать меня. А то я теряю нить своего пересказа. Спрашиваешь, что он совершил? Отвечаю: на прогулке перед сном он камнем убил жабу, которая прыгала по садовой дорожке.

— Взял и убил? За просто так? — не удержавшись, воскликнула Дарья.

— Вот как он сам это объяснил бабушке. Послушай фрагмент из их разговора. Я зачитаю его со своего смартфона:

— Чего так долго ходил?

— А я жабу кокнул, — сказал ей Коля.

— А за что ты её не пожалел?

— А чего она такая некрасивая на свете живёт?

И тут эта старуха начала вразумлять этого мальчика:

«Если всех некрасивых камнями побить, — сказала она, — тогда и красоты на земле не останется. Иная бабочка или жучок такие золотые, прекрасные с виду, а насквозь ядовитые. К чему ни прикоснутся — испортят. А некрасивая твоя жаба всю ночь шлёпает, трудится, чистит землю для утренней красоты».

— Видно, Елизавете Антоновне, так звали эту старуху, этот довод показался не совсем убедительным. Поэтому она перешла на природу отношений между людьми:

«А посмотри, люди под старость все некрасивыми делаются. В морщинах да сутулые. А руки у них у всех узловатые. И смотри-ка: чем некрасивее руки, чем больше морщин у старика на лбу да возле глаз, да чем у него спина горбатей, — значит, больше других понаделал он за свою жизнь работы. Ты вот в школу пойдёшь, ты учителей поспрашивай. Может быть, человеческая красота молодая потихоньку переходит в ребятишек или в

работу, которую человек работает. А иначе куда же она девается?»

— И что эти её рассуждения подействовали на мальчика? Ведь

даже мне стало как-то неудобно за своё несколько неприязненное отношение к этим квакающим и ползающим скользким созданиям.

— Подействовало, ещё как подействовало. Он весь испереживался до того, что вновь отправился в сад: он очень надеялся убедиться, что жаба осталась живёхонька после его броска камнем в неё.

— И что действительно оказалась живой?

— Ещё какой живой. Вот как пишет об этом Погодин:

«Та же толстая жаба мимо него идёт по своим делам. Прыгает всем телом. Шлёпает по земле брюхом. Большущими круглыми глазами в темноту смотрит».

Вот и вся история. И хочу спросить тебя, ты уловила связь погодинского рассказа со стихотворением Гюго, которое ты до этого зачитала мне?

— Уловила, ещё как уловила. Даже вспомнила моей бабушки со стороны мамы присказку – не с лица воду пить, в том смысле, что некрасивая внешность не аргумент против, скажем, дружеских отношений.

И давай, дед, прекратим эту игру. Что я приустала. Хочется полежать, подремать под спокойный музон. Ты не против?

— Ладно. Принято. Но нам нужно определиться ещё в одном вопросе. Яндекс напомнил мне о существовании двух литературных сказок, где главным действующим лицом выступает жаба. Речь идёт о сказке «О жабе и розе» русского писателя Всеволода Гаршина и о сказке «Жаба» датского писателя Ганса Христиана Андерсена. Так вот, ты должна сказать, какую из них ты хочешь, чтобы я тебе прочитал на ночь, предварительно найдя в инете?

— Дед, ты серьёзно хочешь, чтобы я сделала выбор, не имея ни малейшего представления, о чём они?

— Не подумал, извини. Но это дело поправимое. Вот краткий отсыл к этим сказкам. Сказка Гаршина, трогательная и грустная, рассказывает о роскошной розе бледного цвета, расцветшей в заброшенном саду. И так случилось, что она стала предметом обожания мерзкой жабы, которая в доказательство своих нежных чувств решила слопать эту прекрасную розу,

предпринимая для этого решительные попытки, даже несмотря на то, что колючие шипы куста, на котором цвёл и благоухал предмет её страсти, в кровь её ранили.

Но цветения этой розы в это время с нетерпением ждал очень хворый маленький мальчик. И чем закончится это история, ты сможешь узнать, если предпочтёшь эту сказку.

А в сказке Андерсена мы знакомимся с жабой, когда она находится на дне глубокого колодца вместе со всей своей жабьей семьёй. Все её родственники довольствовались жизнью, тем более что верили в наличие какого-то драгоценного камня в своей голове. Но жаба, о которой пойдёт речь, в это не верила. Кроме того, ей страстно хотелось выбраться на поверхность и увидеть, что из себя представляет тот неведомый, но так манящий мир, что находится там, на поверхности, под солнцем. Ведь она могла видеть лишь малую толику того мира над головой, там, наверху: кусочек неба, облака и иногда солнце. И ей удалось это осуществить. Дальнейшее развитие сказки – это её путешествие в новом для себе мире, который её всё больше и больше очаровывал. Что увидела жаба, чем ей стал близок новый мир и чем это всё закончилось для неё, ты узнаешь, если выберешь эту историю. Так что прими решение и иди отдыхать, а я займусь снастями.

— Выбор не так уж сложен. Сказку Гаршина я точно не хочу слушать. Причина одна: она мне кажется слишком тоскливой. А вот история с жабой из колодца мне любопытна. Интересно, чем её покорила наш мир, и что он, этот мир, приготовил для этой любопытной особы?

— Вот и ладно. Отдыхай, только не переполоши местный мир своим музоном, как ты изволила назвать это звукоизвлечение. И пожалей местную жабу, а то у неё нарушится обмен веществ от столь благостного звучания.

— Дед, это что за наезд!?

Пожилой человек, не обращая внимания этот возмущённый вопль, уже шёл в сторону реки, и обескураженной девчонки ничего не оставалось другого, как забраться в палатку, откуда вскоре стали раздаваться тяжёлые джазовые синкопы.

Аделаида была в некоторой нерешительности. Ей, конечно, хотелось остаться и вместе с Дарьей узнать всё о приключениях любопытной жабы из колодца в новом для неё подсолнцевом мире. Кроме того, Аделаиде было бы интересно сравнить впечатления этой исследовательницы со своим восприятием. Но было принято решение воспользоваться длительной паузой до встречи с андерсеновской сказкой для основательного перекуса и отдыха с дремой. Всё это надлежало осуществить на привычном месте: на берегу Завидовки и, безусловно, на заветной коряге. Не торопясь, она направилась к этому давно ею облюбованному месту, причём, эта неспешность не объяснялась усталостью. Просто тем временем она всё ещё пребывала в плену размышлений по поводу того, что она услышала после того, как преодолев обиду на прямоногих за их отношение к жабам, всё же продолжила отслеживать дальнейшее содержание беседы этой парочки. И с удовлетворением резюмировала для себя: услышанное позволило ей изменить резко негативное отношение к прямоногим. Ведь француз Гюго и погодинская русская старуха убедили её в том, что среди людей есть благоразумные, для которых жабы не предмет неприязни или какого-то другого отторжения. Хотя гаршинское видение жабы её вновь огорчило. Мало того, что жаба у него мерзко жуткая, так она ещё поедает цветы, что просто отвратительная ложь. Уж, а она-то знает доподлинно, что едят её сородичи. Именно поэтому она одобрила выбор Дарьи, а не потому, что предложенная сказочная история кажется тоскливой.

Размышляя над этими обстоятельствами, она почти приблизилась к своей прибрежной коряге, как началось настоящее светопреставление. Внезапно стремительно налетел сильный порыв ветра. Зашумели кроны деревьев, посыпались сухие листья и сучья. Разбуженный филин спросонья стал в отдалении

озабоченно вопрошать: «Который час? Который час? Который час?» Враз потемнело и похолодало. А затем наступила тишина в преддверии чего-то непредсказуемого.

Пожилой человек тем временем уже бежал от берега, крича:

- Дарья! Идёт грозовой фронт! Давай помогай собирать вещи.

Хватай всё и как попало бросай в багажник и на заднее сиденье. Надо успеть до ливня выехать, иначе застрянем здесь надолго.

Уже начался моросящий дождик, когда шум мотора засвидетельствовал, что этой парочке удалось сбежать вовремя. Ибо через мгновение ослепительно резко сверкнула молния, и оглушительный гром сотряс земную твердь и воды. И тут же разверзлись хляби небесные, и неукротимый мощный ливень обрушился на всё живое и неживое.

Через некоторое время вся эта сумятица также внезапно закончилась, как и началась. Наступило некоторое затишье, лишь были слышны звуки множества капель, падающих с крон деревьев на кустарники и на подножные траву и поросль.

Жаба сидела на своей корчаге в расстроенных чувствах. Но не этот внезапный природный катаклизм поверг её в это состояние. Она от него благополучно укрылась под той же корягой. И пряталась она там не от ливня, а от падающего под воздействием стихии сухостоя. Её печалила несостоявшаяся возможность познакомиться со сказкой Андерсена, да продолжить наблюдение за этой приглянувшейся ей парочкой прямоногих ей тоже хотелось бы продлить.

Она согбенно сидела на берегу, наблюдая за всё ещё залопающими дождевыми пузырями на поверхности Завидовки, а в голове навязчиво звучали строки, так щемяще откликающиеся где-то у неё внутри:

Я сегодня смеюсь над собой:

Мне так хочется счастья и ласки,

Мне так хочется глупенькой сказки,

Детской сказки про сон золотой...

Если кто-нибудь каким-то образом окажется в ближайшее время на берегах Завидовки, то он там наверняка спрыгнет с ума,

как говаривалось ещё в XIX веке, то есть сойдёт с ума от вящей неожиданности. И как не лишиться рассудка, если сидящая на корчаге внушительных размеров жаба, глядя в глаза вам, пришельцу в её пределы, с весьма галантной приятной интонацией поинтересуется: «Который час, не скажите, любезный?»

И откуда знать этому бедняге, что Аделаида вышла на новый виток своего развития. В дополнение к предыдущим дарам она стала обладать ещё и способностью к вербальному, словесному, общению, иными словами, стала *Et loquentes bufo*, то есть говорящей жабой.

Такие настали времена, в конце которых можно ожидать появление и *Bufo erectus est*, то есть жабы прямоходячей, или, как она сама определила, — прямоногой.

Эссен. 2025.

Татьяна Ивлева / Германия /

Родилась и окончила школу в Казахстане. Первые публикации стихов в областной газете «Южный Казахстан» и в литературно-художественном журнале Казахстана «Простор». Диплом филолога получила в Одессе, там же служила в Русском драматическом театре им. Иванова. В Минске была сотрудником комитета Белорусского радио и телевидения. В Германии с 1986 года. Работала преподавателем русского языка, переводчиком, служила в различных театрах Земли Северный Рейн-Вестфалия (Рургебит /). Сотрудничала с известным театром «Theater an der Ruhr» (Мюльхайм /), принимая участие в большом международном проекте «Шёлковый Путь» под эгидой ЮНЕСКО.

Печаталась в различных международных журналах, сборниках, антологиях и поэтических альманахах. Редактор и составитель нескольких поэтических альманахов Русского Зарубежья и антологий современной русскоязычной поэзии и прозы, изданных в России, Германии, США и на Украине. Автор восьми поэтических сборников. Член Союза русских писателей в Германии, член Московского союза российских литераторов, член жюри и лауреат нескольких литературных конкурсов. Живёт и работает в Эссене (Германия /).

ЧУЖИЕ БЕРЕГА

Стихи из эмиграции

СОРОК ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

Гроздь рябины пророческой –
Алый след на снегу...
Сорок лет одиночества
На чужом берегу.

Выбран путь. – Ах, не лучше бы
Было сбиться с пути,
И на первой излучине
Путь обратный найти?!

Снегопады не радуют,
И не радужны сны:
Разноцветия радуги
Тёмным смыслом полны...

Заметает метелица
Алый след на снегу.
Что не любо – не стерпится
На чужом берегу.

2026 – Эссен

ВОЛХВЫ

Сыну Рудольфу

Светом Новой Звезды станет небо мерцать,
И в дорогу отправятся три мудреца:
Чёрный мавр Бальтазар, Каспар и Мельхиор. –
Чтоб не сбились с пути, разожгу им костёр.

Стану их поджидать. Будет пламя светить. –
Светлый разум и жизни парчовую нить,
Благодатной судьбы яркий радужный шар –
Вот что наши волхвы принесут тебе в дар!

Если верить пророчеству древней молвы,
В путь далёкий отправятся скоро волхвы...
И над нами взойдёт Золотая Звезда. –
Свет Любви осенит души и города.

И легендою станет людская молва... –
Продержаться бы нам до Его Рождества!

2026 – Эссен

ПОСЛЕНОВОГОДНЕЕ – 2026

Ночь. Шуршание снегопада.

Иосиф Бродский

Снеги, снегá... – Ах, спасибо, не надо!
Я разлюбила волшбу снегопада,
Снежное поле, серебряный лес,
Предновогоднюю жажду чудес...

Грохот петард и салютов армада -
Тайные знаки кипящего ада!
Ухо оглохло от горя и бед,
Сердце – от горестных лет и замет.

Катится по миру зла перемога,
Как отсечённое ухо Ван Гога...
Праздник не радует. – И невпопад
Призрачный, белый фантом-снегопад.

2026 – Эссен

* * *

Сногшибательный ветер – в спину... в грудь –
Судьбы кружит – не вальсом венским...
Мне бы только не потерять свой путь
В тьме египетской, тьме вселенской.

Всё пройдёт, как шум дождя за окном,
И как дикий рёв океана бушующего.
Не оглядывайся, не говори: «Потом!» –
Потому что у Прошлого нет Будущего.

Потому что простить – не значит забыть,
А забыть – не значит утратить боль.
Но кто-то шепчет: жить... жить... жить...
Кто-то держит судьбы драгоценную нить,
Значит, кем-то любимы и мы с тобой.

2022 – Эссен

ИМЯРЕК*

Печаль моя – глуха:
Сродни ушку' иголки.
Печаль моя – тиха,
Что образок на полке...

Безмолвна, как цветок –
Свидетель злой интриги,
Засохший между строк
В забытой Богом книге.

Седа и холодна,
Как предрассветный иней,
Печаль моя полна
Предсказанности зимней.

Мне до озноба жаль
Двуликий век двадцатый,
А ныне жмёт педаль
Век наглый, бесноватый.

Мелеют русла рек,
Уходят в землю воды;
Мельчает че-ло-век,
Что был царём природы.

Теперь на царстве – крах,
Мир в сумраке летальном.
Стою на всех ветрах
В молчании печальном.

Кто я? – Я имярек
С душой смиренно-тихой...
Печаль – мой оберег
Среди людского лиха.

2025 – Эссен

* Имярек (древнерусский / – некто

* * *

На фоне Пушкина...
Булат Окуджава

На фоне Пушкина снимаются семейства... –
Благословенны эти времена!
Ещё семейства не способны на злодейства,
И миром правит мир, а не война.

Что светлый ангел в небеси, голубка мира
Над памятником Пушкину парит,
И Сам Господь, склонясь над виршами кумира,
Его хрустальный ямб боготворит.

Теперь иные времена – хоть плачь, хоть смейся:
Все памятники напрочь снесены!
В наш век снимаются злодейские семейства
На фоне кладбищ, смерти и войны.

2025. Одесса – Эссен

* * *

Я ставлю точку невозврата:
Кто – мне чужой? И кто – родня?
Не жаль ни друга мне, ни брата,
Не пожалевших и меня...

Но жаль погибших, незабвенных,
Чужих и не знакомых мне,
Детей – невинно убиенных –
В чужой стране, в чужой войне.

2024 – Эссен

ПЕЧАЛЬНО Я ГЛЯЖУ...

Мы не выбираем эпоху и время,
Но мы выбираем и знамя, и стремя.

Мы сердцем находим родню и дорогу:
Неверным – к Люциферу, преданным – к Богу.

Никто не подсуден и не идеален.
Неверные друзья – до первых развалин.

Лукавые речи. За пазухой – камень.
Окончена месса. – Memento! И – Amen.

Всё реже – прощаю. Но чаще – прощаюсь.
Долги возвращаю. – И не возвращаюсь.

Не жду одобренья. Не жажду объятий.
Неверные друзья. Гневливые братья.

До первой засады. До – зла. До – распутья. –
С печалью в душе продолжаю свой путь я.

В тумане, во тьме, за стеной, за оградой –
Я стаю всегда отличаю от стада...

И пусть я давно высоко не летаю, –
Я стадо отрину и выберу стаю.

25.05.25. – Эссен

Memento (лат./ – Помни.

Amen (лат./ – Аминь.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Измятый глянец чёрно-белых фото
Поблек за позапрошлым рубежом.
Тогда казалось, рядом близкий кто-то:
Родное виделось и в кровном, и в чужом.

О, да! Тогда ведь многое казалось
Навек родным, незыблемо святым!
Ещё не залегла в душе усталость
Сомнений облаком – тяжёлым и густым.

Ещё звучали соловьи по рощам,
И не тревожил слух вороний грай...
И Сам Господь – в мирских делах помощник –
Указывал перстом дорогу в рай.

Как вдохновенны были наши лица,
Каких дорог распахнуты врата! –
Но к прошлым рубежам не возвратиться,
Да и дорога выбрана не та...

Всё поперёк – без права и без правил.
Вскипает кровь. Кипит неравный бой.
Держи баланс – ни влево шаг, ни вправо! –
Тернистый путь отныне стал судьбой.

Стирает век следы, слова и лица
На том – на позапрошлом рубеже.
Отечество. – Чужбина. – Заграница. –
В конце пути не всё ль равно уже?

И лишь измятый глянец фотографий
Хранит черты наивного лица,
Излом дорог, обрывки биографий
И братства дух идущих до конца.

2025 - Эссен.

НОЧЬ В ГОСПИТАЛЕ

Ах, больница, белый дом-кранкенхаус,
В плоти – огненная боль, в сердце – хаос.
Прежней жизни перелом – испытанье,
Чьим-то когтем иль пером – начертанье...
И не только мне одной – поэтессе,
Нынче целый мир – во зле и в эксцессе...
Всё болит и всё кричит: – Дайте капель!
Датских капель! Если нет – дайте скальпель!
Тонкой вены лабиринт полон света, –
Это жизни алый свет, свет кометы.

Нет иных. А те – далече. –
Мы за них поставим свечи
В этот вечер – ты и я.
Вновь припомнится бывшее –
Жизни плещущий прибор...
Нынче нас – на пирсе – двое:
Ты да я, да мы с тобой.
Гладью вышиты по шёлку
Наши судьбы-визави.
Но сегодня – без умолку –
Зло грохочет. – Дни без толку
Угасают в нелюбви.
Ничего не ждём, не ищем.
И, не размыкая вежд,
Мы бредём по пепелищам
Человеческих надежд.
Кривотолки. Речи – колки.
Разбитная се ля ви
Мир разбила на осколки.
Мы живём, как в клетке волки, –
Без креста. И без любви.
Сердце мечется, не верит,
Сердцу вовсе невдомёк:
Впереди – одни потери,
И везде закрыты двери
На рубиновый замок.

2025 - Эссен

ГОЛУБОЙ РОЯЛЬ

Был у меня рояль голубой...
Эльза Ласкер-Шюлер

Я поставлю рояль голубой
В белом зале без стен и без крыши,
Чтобы каждую ноту услышал
Каждый свой и чужой, и любой.
Для начала – Бетховен и Бах,
С ними Гедике, Моцарт и Шнитке...
Замирает на тоненькой нитке

Мир, готовый рассыпаться в прах...
Пусть для чёрных и белых, и для
Разномастных: и красных, и жёлтых
Прозвучат окрылённые ноты
Во спасенье планеты Земля!
Собирайтесь ко мне, соловьи,
Канарейки, щеглы и кукушки! -
Пусть навек ненавистные пушки
Замолчат, спрятав жерла свои!

2025 - Эссен

* * *

Обманчивы крылья мечты,
И хрупки, как лёд, ожидания...
Мы рвёмся из пут темноты
И новые множим страдания.

Блуждаем в бездонности тьмы,
Взыскуя надежды излучины,
О как ошибаемся мы,
Всем сердцем надеясь на лучшее!

Тяжёлый и тёмный недуг
Владеет умами и душами...
Всё уже безвременья круг,
Всё ближе химеры грядущего...

2025 - Эссен

ГИМН АЛОЙ РОЗЕ

Миг воспаренья алой розы
Над белой скатертью стола
Превыше скорби "Лакримозы",*
Печалью выжженной дотла.

* "Лакримоза" – самая печальная и эмоциональная часть в "Requiem" Моцарт

Живой цветок, твой век недолог,
Но стать твоя – природный дар.
Не для тебя печали полог. –
Ты – факел! Ты – страстей пожар!

Столь горячо, столь обречённо,
Но силы жизненной полна,
Паришь на стебле утончённом
Над белой скатертью – одна...

Пример свободы в тесной склянке
Запоминая наизусть,
Учусь твоей прямой осанке
И стойкости твоей учусь!

2025 - Эссен

Алесь Поплавский (Беларусь /

Член Союза белорусских писателей. Автор нескольких книг прозы и поэзии. Стихи публиковались в литературно публицистическом журнале «Литерра нова», в альманахах: "Другие времена" изд. "Алетейя", Санкт-Петербург. 2021г. "Зимние сны" изд. "Алетейя", Санкт-Петербург. 2022г. и "Главный стих 2022", "Книга ру", Барнаул, 2023 г., в коллективных сборниках: "В контакте со Вселенной" и "Автор года 2024", 2024г. издательство «Ridero». Премия Международного Союза русскоязычных писателей "Автор года 2024", номинация "Поэт года". Международный поэтический конкурс «Я только малость объясню в стихе 2022» (шортлист /

КАПЛЯ

А. М.

Рассвет твой слишком тих и неподвижен,
который год не дальше и не ближе.
И, видимо, не лучше и не хуже
того, кровотокающего снаружи.
Мы встретимся когда-нибудь, конечно,
на этой дальней станции конечной —
два странных посторонних: некий с некой,
повенчаные скорбью с этим веком.
Две вычурные, выцветшие тени.
Два призрака из божьих сновидений.
Смешные, как нашкодившие дети,
виновные во всех грехах на свете.
Коснётся луч довременный багровый
бумажных наших лиц перстом Христовым,
смотрящих в ночь с пожухлых фотографий, —
забытых, без имён и эпитафий.

Ни тени суеты, ни тени фальши.
Ни нас живых, ни видимостей наших,
а только межевые аватары
в семейных и чужих альбомах старых...

ЧИСТОТА

Отпускаю фантомные грёзы.
И дыханьем сушу твои слёзы...
Незаметной морщинкой у рта
вековая тоска пролита.
И, как тысячи прочих похожих,
в этой тьме, в этих храмах безбожий,
примеряю, пространства тесня,
очертания Спасова дня.
Ты была там!.. Ты помнишь: "Варавва!"
— исходила слюною орава...
Кто любил нас с тобой, тот распят.
Ну, а эти доселе вопят.
Не Христос, омывающий ноги,
был во веки понятным им многим,
а удобней Его во стократ,
умывающий руки Пилат.
С той поры, с той минуты, похоже,
на прозрачной, обёрточной коже,
словно чьё-то чужое тату,
носим все мы его чистоту.

ЛЕТО РЫЖИХ

"Впрочем, рыжими были и кудри мадонн Боттичелли..."

"Вивальди". Хентов Игорь

Чьей-то грустью нездешней портретной
выскользаю из кущи ночной,
в это лисье, тревожное лето,
в этот рыжий заутренний зной.
Шаг за шагом смелей и теснее
льнёт к моей не моя колея,
словно упряжь чужая на шее
несвобод моего бытия.

Забывая, что Бог шельму метит
золочёным тавро испокон,
прусь опять в одиночества эти
опрометчиво, как на рожон.
Вглубь толпы, в телефоны смотрящей,
где любому уже не хитро
заблудиться в чужом настоящем
на вельветовых лентах дорог.
В эпицентрах безумного движа,
где незримые духи огня
жгут на жёлтых кострах лето рыжих
в двух шагах за спиной у меня...

КАПЛЯ

Я святости учился у дождей,
читая, как магические руны,
начертанные рябью на воде
сакральные послания фортуны.
Я радость черпал точно не из Вед,
мечтая быть у благости в фаворе...
И чьи-то тени скалились мне вслед,
нашептывая зло: ты капля в море!
Я молча утирался тишиной —
неважно, кто и что в бреде пророчит.
Но если быть мне каплей суждено,
то только той, что камни стойко точит...

ДВОЕ

Как где-то в неживых песках река,
течёт внутри меня твоя тоска,
как и моя в тебе, наверняка...
И нам без этих рек уже никак.
В беспмятном потоке суеты,
я обречён, бесспорно, как и ты,
таскать эту привязанность как тень,
в толпе вполне счастливых, и не тех.
Во мраке ускользающего дня,
исчезнет всё забывшее меня,

имеющее смысл и имена —
всё то, чему в итоге грош цена...
Останется лишь то, что вне мечты —
два близких незнакомца: я и ты,
смотрящихся в безвременную стынь
немого очертанья двух пустынь...

СТРАННИКИ

Время течёт сквозь пальцы,
сквозь тишину на пальцы
вслед за иглкой с ниткой,
словно со старых свитков
тень на канву ложится:
в небе повисла птица,
утро в пространство вдето,
вянет под солнцем лето,
спутанных трав щетина,
путник бредёт долиной...
Нитью у ног дорога.
В блёклых глазах тревога.
Мышечный спазм испуга.
Слышим ли мы друг друга?..
Кто ты, прочь уходящий,
имя моё носящий,
мнимый и сущий?.. Боже!
Как мы с тобой похожи —
странники без позыва
в таинства по извивам
брошенной кем-то нитки
к запертой тьмой калитке!..

ИЗНУТРИ

День за днем низводя, как с небес нисходя
по неровностям струй золотого дождя
в тишину, где живо ещё эхо
безмятежного детского смеха.
Или просто во тьму безрассудных ночей,
как всегда, невесть с кем и незнамо зачем,

каждый миг в пух и прах выгорая
в тщетных поисках присного мая.
В ожидании слов сопричастности с тем,
что само по себе, что во всём и ни с кем,
вытесняя грядущее утро
изнутри одиночества будто...

ДЕВУШКА ИЗ ИПАНЕМЫ*

В пространстве всеобещанного рая,
нас комкают, как воск свечной, сужая,
и мы, не поспевая вслед за веком,
скользим по этим жёлтым райским рекам.
И упиваемся до чёртиков обманной,
действительностью шумной, ресторанной,
неоновой закусывая синюю.
Зажав, как удила во рту, гордыню,
махнув на все, танцуем босса-нову...
Я — ветреный, в туфлях на босу ногу.
Ты — солнечная, в стильном белом платье.
Казалось бы, всё к месту и всё кстати.
Твоей душе заблудшей тесно тоже,
под этой обнажённой божьей кожей.
Какая к черту грусть тут, я не знаю,
для нас двоих, несущихся по краю?..
Скрипят бесстыдно в зале половицы.
Листаются минувших дней страницы.
Все спрятано под толстым слоем грима,
и боль чужая нам недостижима.
Ну, разве что, ничтожнейшая малость...
И это все, что нам от нас осталось,
свободным и осознанным, ей-богу,
танцующим беспечно босса-нову.

* "Garota de Ipanema" – «Девушка из Ипанемы» – известная песня в жанре босса-новы.

VIVO

Заращивают дни пределы лета
флюидами полуденного света.
Замаскируют выси облаками,
скрывая то, молчащее веками,
что есть уже, что было и что будет,
что каждый день нас спящих утром будит.
И то, что вне меня, но слишком рядом,
как эта примерещенная радость...
Сползает ночь со стен дождями гулко,
теряется в пустынных переулках,
крадётся умиленной ленью ранней
сквозь заросли чужих воспоминаний.
И я опять вхожу самозабвенно,
как в храм дельфийский, в собственную брэнность,
в своё александритовое гетто
из серых будней выдутое ветром...

Ночь неслышно скользит по фронтоу.
Кто-то в храме играет Чакону.
И мне кажется, будто впотьмах,
за органом сам Бог или Бах.
С неба сыплются скользкие капли —
золотое свечение, крап ли?..
За окольной верстою верста.
Онемелость легла на уста.
В этом коконе скудного света
я как призрак холодного лета,
как зачатый от жёлтых дождей
непорочной Данаей Персей.
Потеряв — не найти... Что с того нам?..
Злополучная ночь, как Горгона,
нагло льнёт к непослушным ногам...
Изливается грустью орган.
И трещат полусгнившие сучья
в неоглядных пространствах беззвучья,
в неопознанной мной темноте,
под немислимой тяжестью тел
то ли птиц, то ли ангелов падших.

И в предчувствии внутренней фальши
оглянусь, как всегда, впопыхах —
никого... только брэнность и Бах...

МЁРТВЫЙ СЕЗОН

Немые выси гасят свет свой
у алтарей святых небесных.
Какое странное соседство
родного с неким неизвестным!..
Тщету растраченных мгновений,
собрав в колье, подобно магу,
теней безликие сплетенья
в садах донашивают август.
Глухая ночь и даль убога
у чёрных стен, где эта осень
таит за пазухой у Бога,
что износить не удалось им.

Уже июнь в окне, но я же осень!..
Внутри меня дожди и нету сил,
выслушивать, как морок зим и вёсен
о чём-то невозвратном голосит.
Выдавливая мякиш полумрака,
из комнаты пустой струится свет.
И я бреду сквозь внутреннюю слякоть
к себе тому, кого давно здесь нет.
Мне б словом перемолвиться,
да не с кем,
всё кануло в года, лишь тишина,
одетая в льняные занавески,
колышет тень раскрытого окна...

Элина Красс / Германия /

Родилась в Харькове в 1975 г., окончила Харьковскую государственную академию (ранее институт / культуры по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры»). В Германии с 1998 года. Живёт и работает в Эссене. Стихи пишет с 14 лет. Автор монографии «Парламентская деятельность А.Д. Сахарова» (Харьков, 1998 г. / и русско-немецкого сборника стихов и переводов «Асфальт и небо» (Гельзенкирхен, 2018 /.

Публикации в двуязычной антологии «Письма мои читал ты во сне» (Бохум, 2011 г./; в альманахе «Источник – 8» Гамбургского литературного объединения (2012 г./; антологиях «Ностальгия» (Санкт-Петербург, 2017 / и «Роза ветров» («Каяла», Киев, и «Алетейя», Санкт-Петербург, 2020 /; сборнике стихов членов еврейской общины «Рифмуя жизнь под небесами» (Эссен, 2022 /; статьи в журнале еврейской общины Эссена JEZ. Специальный диплом «За самое красивое стихотворение о любви» международного поэтического турнира в рамках «Дней русской поэзии в Ганновере», 2018, за стихотворение «Сыну».

«...ещё одна сторона поэтической одарённости Элины Красс: она прекрасный переводчик, что дано не каждому поэту. Её переводы с немецкого на русский избранных стихов трёх современных немецких поэтов – Бэтти Фихтл, Гизелы Кемпкенс и Хельги Хельнвайн являются образцами изящной словесности. Несомненно, выбор именно этих стихов, написанных в жанре верлибра, не случаен: их тематика и образный ряд, то есть ряд тех зрительных образов-картинок, которые автор закладывает в произведение, само мироощущение каждой из поэтов близки переводчику. Элине удалось сохранить самобытность оригиналов и максимально точно донести смысл и глубину содержания, сохранив в русском переводе не только суть, но также красоту и изящество языковых средств речевой выразительности.»

Составители – Татьяна Ивлева и Михаил Рахунов

ПЕРЕВОДЫ

Из сборника «АСФАЛЬТ И НЕБО»

Переводы трёх современных немецких поэтов:

БЭТТИ ФИХТЛ

МЕЖДУЗВУЧЬЕ

волшебная музыка
на крыльях несёт меня
в маленькую нирвану

предоставьте меня
мне самой
на острове
над цветными
камнями мозаик

ВЕЧЕР У МОРЯ

на песчаном холме
ты похож
на эскиз
исполненный
в красках заката

пурпурные
ангелы облаков
простирают
над тобой
свои крылья
тебе улыбаясь

рисую
это мгновение
вобравшее
музыку моря
на холсте
воспоминаний

МУЗА

покорно струна затрепещет
от удара крыл твоих, Муза,
светло зазвучит
и в алмазных секундах
сокроет
боль и страданье

расправь свои крылья
над храмом
изящных искусств
они ещё в силах
служить
любимцам своим

Ты, богиня чудесная,
возвышенных чувств

СПЯЩИЙ РЕБЁНОК

ангел хранит твои сны
и ты улыбаешься

ещё так спокойны
ладошки
у розовых щёчек
и бьётся сердце
в такт твоего безмятежного мира

спи и смотри сновиденья
тихо ночь укрывает тебя
лунным светом

НОЧЬ

алмазное небо
ночь молчаливо несёт

беззвучна музыка
воздушных потоков

и только хоры сверчков
в луговых травах
у тёмных лесов

час предрассветный

ГИЗЕЛА КЕМПКЕНС

ВРЕМЯ

Проходит время, шаг за шагом,
остановлюсь, оно на месте не стоит.

Невидимо, изменчиво, летит.
Его измерить я хочу часами,

Но как на след его напасть?

Пройдёт – его уже не вернуть,
но новый день сполна хочу испить.

Для дела каждого оно – своё,
хоть велико то дело, хоть мало.

Другие времена придут,
когда меня уже на свете не найдут.

Жизнь коротка, но место есть
в ней радости, и счастью, и страданью.

Пока живу, хочу творить
и в тишине найти отдохновенье.
Я бесконечно благодарна Богу,
что время мне в подарок преподнёс.

МАЯК

Маяком быть хочу кораблям –
далеко в бушующем море
светлым лучом указывать путь
им, из странствий приплывшим.

Людям быть хочу маяком,
на крепком камне покоясь.
Надёжной опорой всем,
кто путь потерял.

Хочу ли, действительно, быть маяком?
В шторм, ураган и бурю?
Небесам близка – но одинока,
робка, как боязливый ребёнок.

ХЕЛЬГА ХЕЛЬНВАЙН

ЛУННЫЕ СНЫ

серебрясь
будто в изморось
из лунной пыли
мы возникаем
танцуя в обнимку

прошлое тонет
в ночных сновидениях
искусно вплетённое
в шлейф забвения

оазис покоя
далека реальность
от наших понятий
о сейчас и завтра

всё исчезает
всё становится неодолимым

только чувства и только любовь
имеют значение

но рвётся плёнка
нас настигает реальность
время, пространство
снова властвуют нами

прошлое исчезает
до будущего – подать рукой

ведь это было только
обманчивое мгновение
бегство в другое измерение,
в далёкий уютный мир
забвения всех,
танцующих в мерцающей лунной пыли

МОСТ

небесный зыбкий мост
на дальнем и прозрачном горизонте

лестница в вечность –
невесома в упоеньи цвета

настигнута вечерним дивным светом
и лёгкими лучами переплетена

направлена в неведомую
райскую страну

небесный зыбкий мост
на дальнем и прозрачном горизонте

ЗАБЫТЫЕ РАКУШКИ

я собираю ракушки,
выплеснутые морем,
когда-то хранившие в себе жизнь

раскладываю на песке
ветер сдувает их
и несёт дальше,
мне оставляя чуть заметный след

так же и моя любовь
которую хранила я
в маленьких ракушках

ты пришёл улыбаясь
ушёл
а я осталась

мои слёзы хранятся
в ракушках,
которые сдувает ветер

забытые лежат они
где-то на берегу

ФАКЕЛ ЛЮБВИ

тысячами протуберанцев
польхающего
солнечного костра
греет меня твоя улыбка
мы идём
по цветущим полям

я срываю тебе цветы мака
такие красные

такие нежные и изысканные
зажги факел любви!

когда бурлящий туман
пронизывает поля
ты как магнитный полюс
который меня никогда
не покинет
навсегда
останешься
в сердце

СЛОВА НА ВЕТРУ

ветер швыряет слова тоски
в море
ленты тумана обвивают
и держат их

утром туманы растают
и пленённые слова
ветер погонит перед собой

погонит над морем
когда-нибудь они достигнут
побережья
упадут в песок
там будут лежать, захоронённые,
у кромки моря
и если буря их снова
с берега ввысь унесёт
тогда однажды они устремятся к тебе
обретая звуки –
зов томления

В РИТМЕ ЗЕМЛИ

в час звездопада
желанья в магическом блеске

скрыты в стене тумана
мечты ускользают к тебе

равновелики в звучании
поют в ритме Земли
песню тоски и надежды –
песню о безответной любви

собирают кровь наших сердец
в глиняную чашу
и лишь неизменно
дуновение воспоминанья

волны света, беззвучный крик,
исчезновение притяжения –
подобны мечтам
в час звездопада

ПУСТЫНЯ

ночью, когда веет прохлада
миллиардами звёзд усыпано небо
как будто оно в языках пламени
лунный свет превращает песок
в чистое золото

поднимается лёгкий ветер
в такие ночи
ты забываешь раскалённый полдень
и в тишине одиночества
появляются расплывчатые картины
так далеко и так близко

ты чувствуешь любовь
и через бескрайнюю пустыню
лёгким дуновением веет вечность

Максим Жуков / Россия /

Родился в Москве. Окончил московскую школу рабочей молодежи. С 14 лет обучался актёрскому ремеслу в школе-студии московского Театра на Юго-Западе и затем работал актёром в этом театре. Проходил срочную службу в Советской армии (1986–1988). С 1991 года работал администратором в рейв-клубах «Аэро-дэнс» и «Плазма». Переменил множество профессий – от электрика и продавца до инкассатора и начальника охраны. Стихи пишет с 13 лет. В советское время не публиковался. Первые публикации: альманах «Мулета-Скват» в 1992 году и газета «Гуманитарный фонд» в 1994. После длительного перерыва послал свои ранние стихи на международный конкурс «Тамиздат» и стал его лауреатом. Печатался в журналах «Знамя», «Юность», «Нева» и мн. др. изданиях. Обладатель первого приза Григорьевской поэтической премии (2013). Первое место в конкурсах «Заблудившийся трамвай» (2012) и «45-й калибр» (2021). Был редактором на сайте «Снежный ком». Работал журналистом (внештатным корреспондентом / «Литературной газеты»). В 2011–2023 годах жил в Евпатории. Затем вернулся в Москву, где с 2023 года ведет Клуба чтения поэзии в библиотеке Дома творчества Переделкино.

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ

ФЛОМАСТЕР

Проходил сегодня мимо школы
через толпу «кавказцев»
(студенты – учатся рядом
в Налоговой Академии /.
За оградой
бегают русские детишки.
У одной девчучки
в прозрачном модном рюкзачке
живописно разложены
разноцветные
ручки, маркеры, карандаши...

– Дэвачка, дай фломастэр.
Остановилась. Посмотрела:
– А писю покажешь?
(Не боится – ограда висо-о-окая! /
Смеются.
Девочка с виду
учится в младших классах.

О СТИХАХ

Для того чтобы быть поэтом,
необязательно писать стихи.

Наверное, надо пояснить:
я всегда хотел говорить с людьми именно так –
без излишней образности.
Не путаясь в силлабах,
не подыскивая
нужных рифм.
Разве можно отобразить в стихах такое, скажем,
детское воспоминание:
среди подмосковных разросшихся одуванчиков,
за стройными рядами созревающей малины,
стоит известное всем сооружение из соснового горбыля
с выпиленной сердечком и,
как правило,
загаженной
дыркой.
Это деревенский туалет,
неотъемлемая часть
российского пейзажа.
Я иду в коротких штанишках в направлении этого
отхожего места,
сорвав по пути зеленое яблоко и
уворачиваясь от жалящих стеблей
подзаборной крапивы;
«Надо.
Давно не был.
Пришло время».
Или что там говорят в подобных случаях?
Мощным рывком открываю дощатую дверь.
И вот тебе на!

Там на корточках сидит
соседская девчушка
по имени Лилька,
которая иногда забегает к нам
пожрать малины и пострелять со мной
из самодельного игрушечного лука.
Она исподлобья смотрит то на меня,
то на яблоко у меня в руке и,
как ни в чем не бывало, заявляет:
– Ты знаешь, что есть в туалете нехорошо?
– Не знаю...а почему?
– У меня была знакомая в пионерском лагере,
она тоже ела пряники и конфеты,
когда ходила в туалет...
– Ну и что?
Лилька делает паузу и, бесстыдно
поправив трусы на щиколотках,
произносит:
– У неё от этого мама потом умерла.

Вообще-то весьма распространенное заявление
из области детской мифологии.

Все это производит на меня
чрезвычайно глубокое впечатление, и я
бормочу что-то вроде:
– Ну, и что дальше-то?
– Да ничего. Выйди, мне трусы надеть надо!
Я держу яблоко и слушаю, как Лилька аккуратно
шуршит нарезанной газетной бумагой
за прикрытой дверью.

В туалет мне как-то расхотелось.

С тех самых пор
я в такие места
с яблоками не хожу:
МАМУ ЖАЛКО!

Вот какова сила усвоенных в детстве
суеверий.

Ну и как, скажите мне на милость,
поведать такую историю,
борясь с ускользящим размером
и подыскивая сочетание
миллионы раз использованных рифм?

*...Самое смешное, что кто-то делает это
до сих пор...*

ЦДХ

Это было на выставке
в Центральном Доме Художника
много лет назад.
Тогда разные художественные галереи
стали выставлять произведения наших авангардистов:
живопись, скульптуру;

была там одна инсталляция:
на маленьком белом постаменте
стоял старый замызганный таз
из оцинкованной жести –
в таких тазах рачительные домохозяйки
обычно замачивали бельё перед большой стиркой.
Таз был наполовину заполнен грязной почерневшей водой;
такую воду
называют талой
и она
каждой весной, собираясь в лужи,
стекает мутными ручьями
по улицам нашего города.

В тазу,
в этой черной, грязной воде
плавало три предмета:
морковка (покрытая слоем плесени /,
ведро (пластмассовое, с такими дети ковыряются в песочницах /
и метла (вернее, грубые березовые прутья, увязанные в пучок /.

Зрелище, прямо скажем – так себе...
Было непонятно – зачем это показывать

зажравшейся художественной и
околохудожественной
московской публике.

Я мучительно переживал тогда
вторую,
самую большую
в моей жизни влюбленность.
Разрыв уже состоялся.
Она,
сжалившись и поддавшись
на мои многочисленные уговоры,
решила сходить на эту выставку –
в последний раз
со мной
в ЦДХ.

Я почти не замечал картин,
не видел столпившихся там и тут
посетителей;
я держал её за руку
(мне это –
напоследок! –
было дозволено /
и несказанно радовался этому обстоятельству,
как ребёнок.

Вид оцинкованного таза
с плавающими в нём морковкой,
ведром и метлой
как бы зацепился за край моего сознания и
словно застыл там
раздражающим пятном,
расплывчатым и ничего не говорящим.

Это продолжалось до того момента,
пока не раздался её смех,
радостный и бесцеремонно-громкий:
– Знаешь, как эта фигня называется?
– Нет...
– Прочитай, там на боку написано.

На медной,
чересчур солидной
для такой инсталляции
табличке
было выбито крупным шрифтом:

ПАМЯТИ СНЕГОВИКА

Больше этим вечером
она
так не смеялась.
На этой выставке.
Со мной.
В последний раз.

А вот имя и фамилию автора
я позабыл,
не запомнилось как-то...

Извиняйте, люди добрые.

КРЫМСКИЙ ТЕКСТ

Когда я гуляю по зимнему парку,
и рядом со мной
бегает бездомная собака,
заглядывая мне в глаза
своими голодными глазами,
и потом,
представив, что я ее хозяин,
провожает меня через весь город,
потому что с хозяином
не надо бояться
других бездомных собак;
когда ветер с моря
продувает насквозь
заброшенный санаторий
и срывает последние листья
с платанов, акаций и тополей, —
я часто вижу среди деревьев
толстого больного мальчика,

одетого в шапку-ушанку
и теплый, не по размеру,
лыжный спортивный костюм.

Мальчик постоянно ест
и постоянно разбрасывает по аллеям
рваную упаковку
от чипсов, конфет и орешков.
Он берет их из багажника
обшарпанного мотоцикла,
на котором его привозят
днём или вечером
для регулярных прогулок
в парк.

Привозит мальчика сорокалетний
деклассированный элемент,
подстриженный наголо
и одетый в короткую кожаную куртку.
Он постоянно находится рядом,
изредка поглядывая
на жующего мальчика,
лицо которого
обезображено
недоразвитой психикой
и, как следствие,
болезненной полнотой.

«Странная пара», – всегда думаю я,
но так, похоже, не думает
считающая меня хозяином
бездомная собака:
она подходит то к мальчику,
то к подстриженному наголо
деклассированному элементу,
повиливая хвостом
и настойчиво выпрашивая поесть.

Мальчик не обращал на собаку
никакого внимания,
а вот деклассированный
любил, усевшись по-зоновски на корточках,

погладить её и поиграть с ней;
иногда – я не видел, но, может быть, –
чем-то кормил.

Подстриженный наголо
часто отвечал на телефонные звонки
и, переговорив по мобильному,
кивал жующему мальчику,
после чего
тот,
с мучительной сосредоточенностью
умственно отсталого человека,
устремлялся за трансформаторную будку
или в ближайшие кусты,
некоторое время пропадал там
и с облегчением возвращался
к наполненному едой
багажнику обшарпанного мотоцикла.

Как-то, ближе к Рождеству,
прогуливаясь по парку
с бегающей рядом собакой,
я увидел
протянутую между кустами
и трансформаторной будкой
полицейскую ленту и микроавтобус
с надписью: «Следственный комитет».

Вокруг, в кустах и за деревьями,
ходили и шарили в зимней траве
одетые в служебное
и гражданское люди.

Я и до этого замечал,
что после того,
как деклассированный элемент
увозил на мотоцикле больного мальчика,
на их месте
постоянно появлялись
какие-то тёмные личности
и что-то искали,
шпыняя ногами листву.

Пройдя чуть дальше по аллее,
я увидел
лежащий на боку
сразу за микроавтобусом
знакомый
обшарпанный мотоцикл.

«Надеюсь,
мальчику ничего не грозит», –
думал я, уводя за собой
подальше от полицейского ограждения
бездомную собаку, –
«трудно повесить
сбыт наркотических средств
на слабоумного
и малолетнего инвалида».

Надеюсь также, что мальчик не выдаст
подстриженного наголо,
ибо кто же, в таком случае,
будет покупать ему
орешки, конфеты и чипсы –
за спрятанные
в лыжном костюме наркотики
и за их закладку
в заранее определённых местах?

Когда я перехожу городское шоссе,
постоянно волнуясь
из-за летящих машин
за бегущую следом собаку,
я думаю: как же ей, наверное, страшно,
проводив меня до дома,
возвращаться под тёмным небом,
одной,
в продуваемый всеми ветрами
заброшенный санаторий.
Через полный опасностей город
возвращаться по улицам,
где во дворах
бегают стаями

чужие бездомные собаки,
или – что ещё страшнее –
выгуливают
без поводков и намордников
своих агрессивных питомцев
настоящие, – в отличие от меня,
но глупые и безответственные хозяева.

Как страшно, думаю я,
и как одиноко
возвращаться через тёмный город,
где собака
может попасть под горячую руку
и пострадать,
по доверчивости подойдя
к одному из местных наркоманов,
находящихся в ломке
и потерявших сегодня
двух своих постоянных,
но не очень удачливых
продавцов.

МАТЬ

Когда гуляю по парку,
я часто вижу её.
Эта собака
никогда не подходит ко мне
слишком близко;
она похожа на Капитолийскую волчицу,
вскормившую Ромула и Рема:
такая же остроухая,
но маленькая и очень худая.

«Ушки» – называет её седая женщина,
которая, как и я,
кормит в парке бездомных собак.

Ушки не отзывается на эту кличку
и так же, как и ко мне,

не подходит слишком близко
к этой женщине.

Поэтому накормить вечно голодную
и пугливую Ушки
получается крайне редко;
местная собачья стая –
куда её не берут,
но рядом с которой
она часто бегает и промышляет –
относится к ней без сантиментов.

Стоит, пока поблизости
нет ни одной бродячей собаки,
бросить Ушки кость
или выложить
принесенное с собой из пакета,
как, словно из-под земли,
вырастают полудикие здешние псы
и отнимают у неё всё
до последнего кусочка.

Седая женщина,
жалостливая и справедливая,
пытаясь защитить её,
кричит
и машет на местных собак руками.

Это не помогает,
и Ушки с лаем и рычанием
отгоняют от места кормёжки,
а если она пробует опять подойти,
набрасываются так, что она
зажмуривает глаза,
прижимает свои острые уши
и ложится в траву,
всем своим затравленным видом
демонстрируя полное подчинение
и покорность.

Иногда её оставляют в покое,
иногда нет...

Особенно стараются два брата,
молодые и недавно принятые в стаю:
они лают на Ушки громче всех,
чаще всех кидаются на неё
и гоняют по территории парка.

Я помню их
ещё несмышлёными щенками.
Помню, как Ушки старательно
прятала их по кустам
и кормила своим материнским молоком,
как Капитолийская волчица.
Но, в отличие от Ромула и Рема,
они не приходились ей приёмными,
а были родными
и горячо любимыми
маленькими сыновьями.

Анна Рубин (Германия /.

Окончила механико-математический факультет Уральского государственного университета, кандидат физико-математических наук. В настоящее время живёт в Германии, работает научным сотрудником в НИИ. Имеет широкий круг интересов и несколько дополнительных образований: музыкальное, дизайнерское, психологическое. Пишет стихи и песни.

В СВОБОДНОМ ПОЛЁТЕ

Вцепилась в гриву жизни – и скачу,
Без цели, без седла и без поводий,
Через метель разливы половодий.
Я в мир молчу, а внутрь себя кричу.

Везде как дома и всегда в гостях,
Не привыкать мне к смене направлений.
Вскочить, бежать – то по души велению,
То сдуру, то от ломоты в костях.

Мой верный спутник, мой единорог
Спасал, когда казалось, что не выжить,
Шептал подсказки еле-еле слышно,
Крылами тихо щекотал висок.

В полёте не сносить ему подков,
Я постараюсь быть полегче ношей.
Ловлю дожди обветренную кожей,
Как жизнь сама – не ведаю оков.

ШОТЛАНДСКАЯ СЮИТА. ЭДИНБУРГ

О, да! Четыре сорта виски,
Билет на самолет! Листать записки
Из прошлых и наивных дней
И распланировать скорей
Маршруты посещения камней
И надписей по-гэльски и английски.

Не помню ничего подробно, лишь
Мысль, шуршащую по листьям, словномышь
Летучая, с локацией без зренья.
И оторопь до головокруженья
От параллелей всех пересечения,
Свалившихся с дворцовых крыш.

Теперь проверим снова, ты ли это,
Пославший сквозь туман и дождь приветы,
Был там. И был, и миф, и знак,
Где вереск, сделав плюшевым овраг,
Расцвел. Смутивший всех писак
Сюжет продегустируем грядущим летом.

РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР

Жизнь вседневную решили
Мы с семьёй разнообразить
И отправились в субботу
Все на рыцарский турнир.

В старом замке ходят гости,
Ждут начала представленья.
Кто в кольчуге, кто в парео,
Кто как ведьма на метле.

Вот фанфары заиграли –
Объявляют претендентов.
Первый – вылитый Маклауд
(Горец, если кто не знал /.

Конь его чернее ночи,
Алый плащ по ветру вьётся,
Грива – будто из рекламы,
Но, похоже, он с женой.

Следом выехал эффектно
Персонаж весьма знакомый.
У пивных ларьков полно их,
Но обычно без коня.

Наконец – уже не ждали –
Прибывает третий рыцарь.
У него мутантный пони
И корона на ушах.

Выбирай себе принцессу,
Гномов ты король убогий, –
говорит ему ведущий.
Выбирает гном меня.

Быть принцессой крайне лестно
(Вся семья приободрилась /.
С гномом мы уже родные,
Мы бодем за своих!

Он и скачет, и фехтует!
Но, как водится, злодеи
Конкурента устраняют
Не регламентным путём.

Говорят – прощайся с Дамой,
В нашем обществе не место
Всяким гномам-недомеркам!
И вали к себе в нору.

Мы встаём демонстративно,
Объявляем: в знак протеста
Покидаем ваше шоу
Вместе с нашим королём!

Тут герольд засуетился,
Говорит нам: что вы, что вы,
Не волнуйтесь так за гнома,
Он получит гонорар.

Но напрасно! Мы решили –
Ни за что его не бросим!
Уезжаем на природу
С гномом жарить шашлыки.

Мы рукастые ужасно,
Подмести могём пещеру,
Суп сварить в большой кастрюле
И цветов собирать.

Только пони почему-то
Прижимает робко уши,
Да и гном уже не знает,
Новую родню – куда?

Сторговались на прогулку
Возле замка по тропинке,
Чтоб успеть назад к банкету,
Раз оплачено уже!

МРАМОРНЫЙ РОМАНС №1

В нашем парке опять весна...
Лёгкие тени,
запах сирени,
Пух тополиный,
нежно-пыльный.
И снова мне не до сна.
Кружатся пары
в дымке фонарной,
Ты же стоишь,
не спешишь...

Сколько зим утекло с тех крыш..
В старой ротонде
свадьбы бомонда,

А у фонтана
неустанно
Ловит струю малыш...
Он был бы нашим,
если б однажды
Ты сделал шаг
в полумрак.

Я же в белом своем плаще:
Жемчуга нитка,
полуулыбка,
Веки прикрыты
нарочито,
Тонет нога в плюще.
Мраморна кожа.
Скульптор не сможет
Нас отпустить.
Оживить...

МРАМОРНЫЙ РОМАНС №2

Не на потеху вам отнюдь я здесь стою!
Ко мне, о девы, не тяните ваши руки.
Я ваших бабушек знавал, дождусь и внуков,
Я вам не пара – не роняйте честь мою.
Что скажет та, с которой не спускаю глаз,
Как объясню ей ваши страстные объятия,
Вам сделать фото – мне укоры и проклятья.
И так судьба навечно разделила нас.

Когда вы ночью все уйдете наконец,
И сторож тихо скрипнет кованую дверцей,
Услышит шёпот каменное моё сердце,
и шорох шёлка... И мерцание колец...
О, боги, боги, тяжела моя нога,
Нет сил, не сделать мне и шагу с постамента!
Зовёт она... Но нет в природе прецедента,
Чтоб ожил мрамор, даже если цель близка.

Создатель, скульптор мой, великий был хитрец,
Он изваял любовь, но знал, что век недолог.
Меня поставил он под этой кроны полог,
Хранить и опекать прекрасного венец.
Тогда, наивный, мог ли он предположить,
Что яркой краски этих чувств не смоет время.
Сезонов карусель, оплечь эпохи бремя –
Душа его во мне вовеки будет жить.

ПРИСТУП ОПТИМИЗМА

Как славно быть самою по себе!
Не обреченной, не приговоренной
К семье, к стране, к наречию, к судьбе.
Забавно быть ума слегка лишённой!

Как увлекательно изведать глубину,
Услышать и увидеть запределье,
Нырнуть в наитие, в идее утонуть.
Как терпко на губах догадки зелье!

Так интригующе почуять новизну
И роли раздавать, меняя лица,
С предчувствием весны носиться – и уснуть.
И наконец однажды с вечным слиться!

Лола Звонарёва / Россия /

Звонарёва Лола Уткировна – родилась в Москве (1957 /, закончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1982, диплом с отличием /, кандидат филологических наук (1987 /, доктор исторических наук (1997 /, почетный академик Российской академии художеств (2024 /, действительный член Российской академии естественных наук (2004 / и Петровской академии наук и искусств (2007 /, член корреспондент Международной академии культуры и искусства (2023 /, профессор Института мировых цивилизаций и Московского международного университета, секретарь Союза писателей Москвы (2004 по настоящее время /, член исполкома Русского ПЕН Центра (2022 /, член Московского союза художников (секция искусствоведения / (2022 /, член Правления Союза художников Подмосковья (2010 /, член Союза журналистов России (1993 /, главный редактор журнала «Литературные знакомства» (с 2008, выпущено 101 номер по 288 стр. каждый /, учредитель детскоюношеского журнала «Серебряные сверчки» (с 2013, выпущено 14 номеров по 150 стр. каждый /, постоянная ведущая литературной гостиной в культурном центре «Булгаковский дом» (с 2008 г. по настоящее время /. Автор 23 книг и 600 статей о писателях и художниках, по истории культуры, переведённых на 11 языков. Секретарь Союза писателей Москвы, доктор исторических наук, почётный академик Российской академии художеств, профессор Университета мировых цивилизаций и Московского международного университета

ОСТАНОВИТЬ ЛИТЕРАТУРНОЕ МГНОВЕНИЕ

Известно: в Москве в один и тот же день на разных площадках проходит около ста литературных вечеров. Я всегда думала: невозможно дать сколько-нибудь подробный срез нашей литературной московской жизни в течение одного-двух лет... Слишком она разнообразна, противоречива. Но неутомимый Владимир Бувей отважно пытается это сделать. И результат, на мой взгляд, получается весьма достойный.

В 2023 году в литературной гостиной, которую я веду в Булгаковском доме с 2008 года, появился молчаливый круглолицый человек средних лет с камерой в руках, тщательно фиксирующий очередную литературную презентацию, а затем помещавший в Интернете результат своих двухчасовых съемок.

А вскоре я прочитала и их сокращенный печатный вариант, сделанный тем же Владимиром Буевым, выпускником факультета журналистики МГУ, и опубликованный в книжном приложении к «Независимой газете», в журнале «Литературные знакомства». Був записывал и публиковал литературные репортажи не только из Булгаковского дома, но с разных творческих площадок Москвы: из музея Серебряного века, из Боголюбовской библиотеки и музея-библиотеки А. Ф. Лосева, из Дома Ростовых, библиотек имени Д. С. Лихачева и М. Ю. Лермонтова.

Что здесь проступает в этих репортажах (а их опубликовано в Интернете уже более сорока / особенно ярко? Скрытые рифмы и связи между писателями разных поколений. Читая репортаж с творческой встречи Марины Бородицкой и встречая упоминание про Тима Собакина (он же Андрей Иванов /, я вспоминала: в далёком 1990 году мы участвовали в первом после обериутов объединении детских писателей «Чёрная курица». Выходивший миллионными тиражами журнал «Пионер» посвятил «Чёрной курице» целый номер. Так с нами, тридцатилетними, познакомилась благодаря этим публикациям школьница Дана Курская, сегодня известная как талантливый поэт и авторитетный издатель, а тогда только мечтавшая о собственном пути в литературу. Не обошелся репортаж про творческую встречу с Мариной Бородицкой, слава Богу, и без Валентина Дмитриевича Берестова, чья кухня в его гостеприимном доме на улице Волгина ничем не уступала лучшему из Литинститутских семинаров.

Погрузившись в репортаж о праздновании в Булгаковском доме столетия «Нового мира», я думала о своей давней (в середине 80-х! / публикации на страницах этого великого журнала, посвящённой книге стихов добрейшего человека и самобытного поэта с финскими корнями Ивана Семёновича Киуру (мужа Новеллы Матвеевой /. Сразу вспомнился и разговор о «Новом мире» с Валентином Григорьевичем Распутиным на конференции в Белгороде. Я так гордилась: мой любимый журнал возглавил человек моего поколения! Тем более, что критик Александр Неверов в середине 80-х годов прошлого века в «Литературной газете» назвал Андрея Василевского, Андрея Немзера, Евгения Школовского и меня самыми заметными критиками новой волны.

Радуюсь, когда встречаю в репортажах Владимира Буева имена сегодняшних 30-летних - Бориса Кутенкова и Елены Погорелой. В самом начале XXI века, на очередном Совещании молодых писателей Москвы мы с Кириллом Владимировичем Ковальджи руководили семинаром поэзии в малом зале ЦДЛ. Выслушав точные и глубокие замечания о стихах других семинаристов 18-летнего Бориса, Кирилл Владимирович предложил сразу принять первокурсника Литературного института в Союз писателей Москвы. А Лена Погорелая ещё школьницей, приехав из маленького города Заречный Пензенской области, заняла призовые места сначала на всероссийском фестивале «Дети и книги» в Геленджике, а чуть позже – на межрегиональном конкурсе «Начало» в Рязани. Необычайно одарённой, строгой и скромной школьницей восхищались Римма Фёдоровна Казакова и Лев Александрович Аннинский, французский академик Ренэ Герра. Сегодня мы зачитываемся её книгами в серии «ЖЗЛ» про Черубину де Габриак и актёра Владислава Дворжецкого. Кандидат филологических наук, Елена Погорелая заведует отделом современной литературы в академическом журнале «Вопросы литературы».

Важно: в этих подробных репортажах неслучайно звучат имена и фамилии главных редакторов изданий, сыгравших и выполняющих сегодня важную роль в литературе. Это талантливый поэт Игорь (он же Исаак / Бяльский, главный редактор «Иерусалимского журнала», недавно покинувший нас навсегда, и Александр Мелихов, прекрасный прозаик, в прошлом году возглавивший петербургский журнал «Нева». И, конечно, поэт Евгений Лесин, выпускающий редактор книжного приложения к «Независимой газете», запомнившийся мне улыбчивым юношей из «Книжного обозрения», аспирантом Литературного института, пишущим диссертацию о прозе Венедикта Ерофеева.

Поэт Игорь Бяльский в этом контексте представлял русскоязычную эмиграцию: он переехал в Израиль из Ташкента. В репортаже Владимира Буева упоминается и пишущий порусски прозаик-эмигрант София Агачер (она же Елена Васильевна Клименкова /, переехавшая в Чикаго из Белоруссии и недавно получившая первую национальную премию имени Д. Гранина в номинации «Искатели» за философский роман «Исцеление мира. Журнал Рыси и Нэта», о котором писали в разных изданиях я и заместитель главного редактора «Литературной газеты» Анастасия Ермакова.

Удивительно, но факт: сегодня настоящим литературным аксакалом стал Геннадий Калашников, частый герой не только репортажей, но и пародий Владимира Буева. А перед моим внутренним взором вновь и вновь возникает немногословный тридцатилетний сотрудник «Литературной России», с трепетом ожидающий выхода в «Советском писателе» своей первой книги стихов «Ладонь», справедливо гордящийся первыми публикациями своих талантливых стихов в «Юности» и «Новом мире».

В этих репортажах нередко можно встретить и имя Николая Милешкина. И это справедливо. Один из немногих московских литераторов, завсегдатай читального зала Ленинской библиотеки, Николай работает одновременно на трёх площадках. Он успел записать на видео воспоминания «золотого пера русскоязычного Париже» (цитирую Ренэ Герра / Киры Сапгир о её знаменитом муже. Для этого мы с нею на электричке отправились в крошечную библиотеку в Малаховку, на базе которой Николай уже много лет развивает свой арт-проект «Бегемот внутри».

Но особенно мне дорог благороднейший проект «Они ушли, чтобы остаться». Его Николай Милешкин ведёт вместе с Борисом Кутенковым и рано ушедшей Еленой Семёновой. Проект, вернувший десятки достойных имён умерших молодыми писателей в отечественную литературу.

Убеждена: репортажи Владимира Буева способны стать уникальным свидетельством напряжённости и богатства московской литературной жизни в очередной непростой период отечественной истории. Их можно сравнить с фрагментами из не так давно переизданной Ренэ Герра книги Юрия Терапиано «Литературная жизнь русского Парижа за полвека».

Земной поклон Владимиру Буеву, сумевшему остановить литературное мгновение.

Аркадий Терентьев /Россия /

Автор цифрового контента. Институт Атомной Энергии Курчатова

ХАИМ СОЛОМОН (1740–1785 / – СПАСИТЕЛЬ АМЕРИКИ

Он умер без гроша в кармане в возрасте сорока пяти лет. Несколько лет спустя его сын Хаим Мозес утверждал, что правительство задолжало его семье. В действительности, настаивал Хаим Мозес, его отец одолжил генералу Вашингтону, армии борцов за независимость и нескольким «отцам-основателям» более 354 тысяч долларов, т. е. финансировал на деле войну за независимость. Правительство США так никогда и не признало иска Саломона.

Майкл Шапиро. «100 великих евреев»

Он одолжил новорожденной нации 650 000 долларов, чтобы она пережила ее самые тяжелые времена. Но Америка так и не вернула ему долг.

В 1781 году Континентальная армия голодала. Солдаты дезертировали. Конгресс не мог платить своим членам. Американская революция — смелый эксперимент в области свободы, который должен был изменить мир, — оказалась на грани финансового краха. Генерал Джордж Вашингтон направил срочное сообщение Конгрессу: без денег на еду, одежду и боеприпасы война проиграна.

У Конгресса не было денег. У штатов не было денег. Французские союзники колебались.

Именно тогда Роберт Моррис обратился к еврейскому иммигранту из Польши по имени Хейм Саломон.

Саломон прибыл в Нью-Йорк всего за шесть лет до этого, в 1775 году, спасаясь от преследований в Европе. Он говорил по-польски, по-немецки, по-французски, по-итальянски и по-английски. Он разбирался в банковском деле, кредитовании и международных финансах.

Он также понимал, что значит бороться за свободу.

Через несколько недель после приезда Хейм присоединился к "Сынам свободы", подпольной организации, готовящей революцию против британского правления. Он использовал свой финансовый опыт и знание языка, чтобы поддержать это дело.

Британцы заметили это.

В 1776 году его арестовали за шпионаж. Его бросили в тюрьму. Его могли казнить.

Вместо этого они заключили сделку: служи переводчиком у гессенских наемников, сражающихся за корону, и ты будешь жить.

Хейм согласился. Но у него не было намерения верно служить британцам.

Он стал двойным агентом.

В течение нескольких месяцев, официально работая переводчиком для гессенских офицеров, Хейм тайно нашептывал немецкоговорящим солдатам совсем другие слова: "Вы ведете не ту войну". Эти американцы борются за ту же свободу, ради которой вы покинули Германию. Присоединяйся к ним. Сотни гессенских солдат исчезли из рядов британской армии.

Когда британцы обнаружили предательство Хейма, они снова арестовали его.

На этот раз казнь казалась неизбежной.

Он сбежал.

И сбежал в Филадельфию ни с чем.

Большинство людей спрятались бы. Хейм вернулся к работе.

К 1781 году война продолжалась уже шестой год. Континентальный конгресс распался. Солдатам месяцами не платили зарплату. Офицеры угрожали восстанием. Письма Вашингтона в Конгресс становились все более отчаянными:

"Мы на пределе наших возможностей".

Роберт Моррис, управляющий финансами — по сути, министр финансов страны, которая официально еще не существовала, — столкнулся с невыполнимой задачей: найти деньги, которых не существовало, из источников, которые не верили в выживание американцев, для правительства, у которого не было возможности вернуть их.

Моррис повернулся к Хейму Саломону.

То, что произошло дальше, спасло революцию.

Хейм работал по восемнадцать часов в сутки. Он оформлял займы у французских финансистов, которые верили в американское дело. Он вел переговоры с голландскими банкирами, которые видели выгоду в долгосрочной игре. Он использовал свою репутацию в международной еврейской общине, чтобы получить кредит, когда никто другой не стал бы рисковать. И когда даже эти источники иссякли, Хейм совершил нечто экстраординарное:

Он использовал свои собственные деньги.

Члены Конгресса не могли позволить себе оставаться в Филадельфии для голосования по важнейшим военным мерам. Хейм лично одолжил им средства — на аренду жилья, на еду, для их семей, оставшихся дома, — чтобы они могли остаться в столице и обеспечить функционирование правительства.

Джеймс Мэдисон, будущий четвертый президент, выжил благодаря займам Хейма.

Джеймс Уилсон, подписавший Декларацию независимости, финансировался Хеймом.

Когда армия Вашингтона голодала в Вэлли-Фордж, Хейм нашел деньги на продовольствие.

Когда французскому флоту понадобилась провизия, чтобы заблокировать британцев в Йорктауне — битве, которая привела к победе в войне, — Хейм обеспечил финансирование.

За четыре года Хэй Саломон лично выделил или выступил посредником более 650 000 долларов на американское дело. В пересчете на сегодняшние деньги: более 20 миллионов долларов. Он вел тщательный учет. Он ожидал, что ему вернут долг. Этого так и не произошло. Потому что Хейм делал это не ради прибыли. Он руководствовался двумя принципами своей еврейской веры:

*Цдака — обязательства отдавать праведно, не
благотворительность, а справедливость.*

Тиккун олам — ответственность за исправление мира.
Хейм Саломон посмотрел на мир, которым правят короли и императоры, и увидел разрушение. Он посмотрел на обещание Америки — что все люди созданы равными, что правительство основано на согласии управляемых — и увидел восстановление. Поэтому он отдал все.

Революция увенчалась успехом. Корнуоллис капитулировал в Йорктауне в 1781 году. Парижский мирный договор был подписан в 1783 году. Америка победила.

А Хэм Саломон был разорен.

В 1785 году, в возрасте 45 лет, он умер в Филадельфии. Без гроша. Новое американское правительство, изо всех сил пытавшееся утвердиться, так и не выплатило кредиты. Его вдова и дети остались без средств к существованию. Его скрупулезные финансовые отчеты — доказательство того, что нация была ему должна, — в основном игнорировались.

Конгресс неоднократно обсуждал вопрос о выплате долга в течение следующего столетия. Они признали долг. Они восхваляли его патриотизм.

Они так и не заплатили.

Но вот чего они не смогли отнять:

Без Хэя Саломона не было бы Йорктауна. Без Йорктауна не было бы победы Америки. Без победы Америки нет ни Конституции, ни Билля о правах, ни Соединенных Штатов Америки.

Еврейский иммигрант, прибывший в Америку ни с чем, дважды сидевший в тюрьме, которому грозила казнь, потерявший все, — он спас Революцию. Не мушкетом. Не речью. С бухгалтерскими книгами, займами и непоколебимой верой в то, что этот хрупкий эксперимент с демократией стоил каждого пенни, которое у него было.

Джорджу Вашингтону ставят памятники. Томасу Джефферсону ставят мемориалы. Лица отцов-основателей изображены на монетах.

Хэй Саломон получил сноску.

В Чикаго есть его статуя, установленная в 1941 году, спустя 156 лет после его смерти. Есть почтовая марка США 1975 года выпуска. Несколько историков знают его имя.

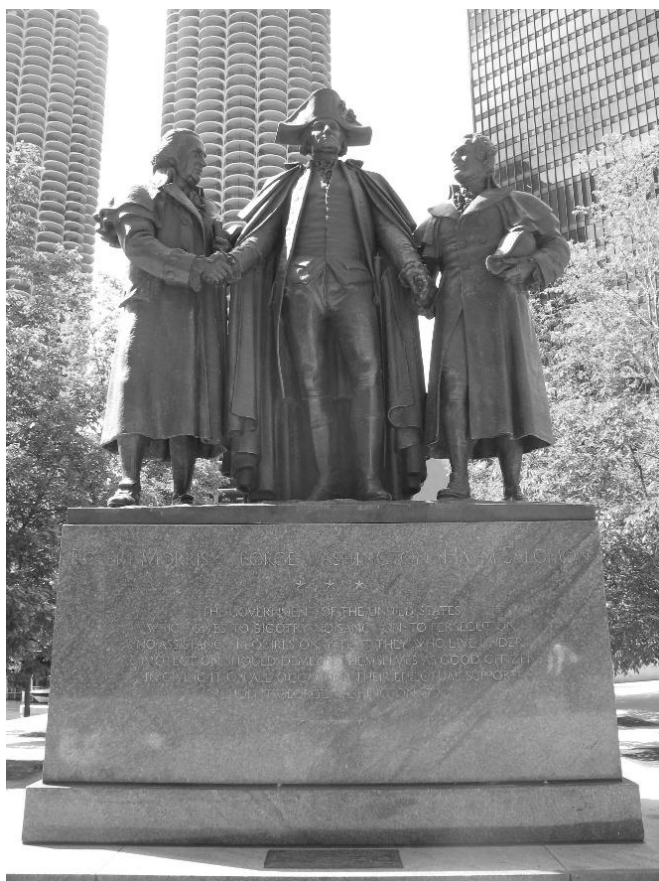
Но большинство американцев никогда не слышали о человеке, который финансировал их освобождение.

Его дети умерли в бедности. Америка стала богатой.

Вот что доказал Хэй Саломон: иногда люди, которые меняют историю, — это не те, кто держит в руках перо или меч. Иногда

это те, кто спокойно поддерживает свет, оплачивает счета, следит за тем, чтобы невозможное продолжалось еще один день. Он был иммигрантом в стране, которой еще не существовало. Он был евреем в обществе, где доминировали христиане. Он был финансистом в эпоху, когда солдат идеализировали. И он был абсолютно необходим.

Потому что революция — это не только идеалы. Речь идет о заработной плате. Речь идет о том, чтобы кормить солдат, платить законодателям и поддерживать инвестиции союзников.

Памятник на площади Хилда в Чикаго: Дж. Вашингтон в окружении финансистов Р Морриса и Х. Саломона

Революция требует, чтобы кто-то подсчитал, подвел баланс и нашел деньги, которых там нет.

Хейм Саломон провел эти расчеты.

И когда цифры не совпали, он сам выписал чек.

Америка так и не вернула ему деньги.

Но без него Америка не существовала бы.

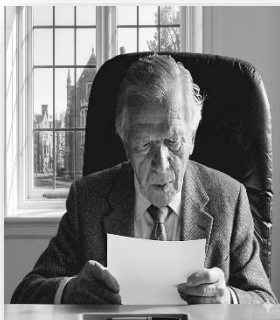
Он отдал все ради страны, которая забудет его имя.

Он умер без гроша в кармане, чтобы нация могла родиться свободной.

И если вы читаете это в стране, где правительство основано на согласии управляемых, где свобода является неотъемлемым правом, где демократия, какой бы несовершенной она ни была, все еще дышит - Вы живете в мире Хейма Саломона.

Он починил его. Дорогой ценой.

Кэри Монклэйр / США /

Кэри Монклэйр (Cary Montclair / – американский литературовед, специалист по русской и англоязычной поэзии. Родился в 1947 году в Нью-Йорке. Окончил Колумбийский университет, учился на отделении славистики. В разные годы преподавал русскую и английскую литературу в колледжах и университетах США. Основные научные интересы связаны с поэтикой модернизма, традициями русской эмигрантской литературы и вопросами ритма в современной поэзии. Автор статей и обзоров, публиковавшихся в американских и русскоязычных литературных изданиях. В настоящее время – профессор-эмеритус. Живёт в штате Мэн.

ПОЭМА КАК СУДЬБА

Хочу обратить внимание читателя, на мой взгляд, на значимую публикацию в журнале «Нева» (№ 3, март 2025 года /). Речь пойдёт о поэме живущего в США поэта Михаила Рахунова «Дежурный Ангел, или 1946 год».

В ходе переписки с автором мне удалось уточнить важную деталь, существенную для понимания замысла: поэма создавалась на протяжении 2006–2012 годов и лишь спустя значительное время была впервые опубликована полностью.

*Постановка поэмы
на радио в Чикаго.*

Уже одно это обстоятельство придаёт тексту особую объёмность: перед нами не скороспелое высказывание и не эмоциональный экспромт, а произведение, которое вызревало долго, внутренне донашивалось и лишь затем вошло в печать как целое. И это чувствуется в самой ткани поэмы: она не столько «рассказывается», сколько постепенно раскрывает свой замысел,

будто бы сама испытывая читателя на способность расслышать её внутренний зов.

ЧАСТЬ I

Общий взгляд на произведение

1. Поэма как судьба, а не как сюжет

Эпиграф к поэме — не украшение и не теоретическая декларация «вообще о поэзии», а главный ключ ко всему произведению:

*Поэт — это судьба;
И, без наличья оной,
Что есть твои стихи?
— По воробьям пальба,
Один прыжок блохи,
Жужжанье мухи сонной.*

Эти строки сразу отсекают возможность поверхностного чтения. Поэма не хочет быть только красивым текстом, только набором образов, только стилистически эффектной метафизической фантазией. Она утверждает куда более жёсткую и взыскательную мысль: поэзия имеет право на существование лишь тогда, когда она оплачена судьбой. Не опытом вообще, не культурой вообще, не техникой стиха вообще, а именно судьбой — то есть жребием, испытанием, избранностью, внутренней обречённостью к определённой пути. Она исследует само понятие Судьбы, причем делает это в предельно конкретных и в то же время вневременных координатах.

1946 год, вынесенный в заглавие, — это не просто хронологическая отметка. В контексте русской истории это время величайшей человеческой усталости и одновременно хрупкой, почти болезненной надежды сразу после завершения мировой катастрофы. Ангел в поэме не является отстранённым небесным наблюдателем; он буквально «вписан» в тяжёлый послевоенный быт — среди бараков, мартовского снега и скрипа «бобиков» у подъезда. Этот резкий контраст между «белыми крыльями» и серой грязью глубинки создает то особое экзистенциальное напряжение, которое отличает подлинную философскую лирику: святость здесь не парит над миром, а разделяет его тяготы.

В этом смысле поэма Михаила Рахунова не просто говорит о поэте: она пытается показать, как поэт возникает как существо судьбы, как он проходит через смерть, служение, истощение, выбор, возвращение и новое воплощение. Перед нами не линейное повествование и не аллегория в узком смысле. Перед нами метафизическая драма, где поэтическое предназначение мыслится как сверхличная, а затем и сверхбиографическая функция.

Именно поэтому эту поэму следует читать не как последовательность «отдельных хороших стихотворений», а как единый организм, в котором каждая часть освещает соседнюю и меняет её смысл.

2. Композиция как движение вспять

Композиция поэмы заслуживает отдельного разбора. Она открывается главой «Встреча», за которой следует «Начало». Эта инверсия — не просто формальный прием. Она задает вектор движения: мы идем не от начала к концу, а от события к его истокам, от проявленной судьбы — к её замыслу.

Здесь мы сталкиваемся с уникальной для русской поэзии трактовкой образа. Если вспомнить традицию «ангелологии» — от Лермонтова до Блока, — мы увидим, что ангел обычно либо несет душу в высь, либо остается трагически недвижим. У Рахунова же Ангел подчеркнута деятелен. Он выбирает Землю «не для венца», а для того, чтобы в полной мере ощутить себя «плотью человеческой». Это редкий мотив вочеловечивания небесного существа, который сознательно идет на принятие земной боли и ограничений.

3. Оппозиция «Личное — Государственное»

Служение Поэта-Ангела в поэме предстает как тихий, но твердый протест против «злой дуды» официальной идеологии и «безбожных властей камарильи». В главе «Ожидание» автор выводит нас на территорию гражданской лирики, где за «спектаклем воронья» угадывается холодный лик тоталитарного времени. В этом пространстве герой защищает не идеологию, а человеческую самость. Ангел становится тем единственным щитом, который не дает злу окончательно унижить и раздавить человеческую душу в жерновах истории.

4. Символизм и метафизика повседневности

Мастерство автора в создании символов второго и третьего уровня — мел, копыта, булки, крылья на крючке, свеча, ключи, сопилка — работает не как случайная образность, а как узлы значения. Сопилка здесь — голос подлинности, крылья в шкафу — затаенная до поры небесная природа, которая вынуждена ютиться в тесноте земного жилья. Читатель вовлекается в процесс расшифровки этих символов, что вознаграждает его намного глубже, чем простое линейное повествование.

5. Финал: Амнезия как цена творчества

В главе «Возвращение» звучит одна из самых пронзительных мыслей поэмы: «память ушла — первооснова». Это трагический и очень точный образ: возвращаясь в земное тело, поэт теряет прямое знание о «мире неземном». Память о божественном становится смутным предчувствием. Можно сказать, что всё последующее творчество, все «краски и кисти» — это лишь отчаянная попытка восстановить ту самую утраченную небесную первооснову и оправдать свою земную судьбу через земное же слово.

ЧАСТЬ II

Разбор отдельных стихотворений

1. «Встреча»: не первое знакомство, а память о предопределённой близости

Поэма открывается стихотворением «Встреча», и уже сам этот ход показывает высокую композиционную изощрённость автора. Начало задано не через призывание или первичное озарение, а через существующую связь между человеком и ангелом:

*От ночного ангела я слышу
Одобренья теплые слова.
Мы в саду среди цветущих вишен,
От весны кружится голова.*

Это не сцена знакомства, а сцена узнавания. Между героем и ангелом уже установлено внутреннее соответствие, не требующее объяснений и не нуждающееся в подтверждении. Их близость дана как факт, предшествующий любому событию.

Кто же здесь лирический герой и кто ангел? Лирический герой — это человек, ещё находящийся в довоенном времени, примерно за десять лет до 1946 года. Он живёт в пределах человеческой биографии и ещё не знает своей будущей судьбы. Ангел же — это посланник, обращённый к нему с призывом к будущему служению, к той роли, которую ему предстоит исполнить, став «дежурным ангелом». При этом содержание этого призыва остаётся герою не раскрытым: он не знает ни о предстоящей смерти, ни о том, каким образом завершится его земной путь.

Ключевая строка:

*Нам быть вместе лет так через сорок,
Для него, конечно, это миг.*

Здесь возникает напряжение между двумя измерениями времени. Для человека сорок лет — срок, наполненный ожиданием, изменением, жизнью; для ангела — лишь мгновение. Эта разница не просто фиксируется, но задаёт внутреннюю перспективу всей поэмы: человеческое существование уже помещено в иной, метафизический масштаб. Не менее значимы строки:

*Жизнь и смерть — две ласточки во мне.
И не важно, жив я или таю —
Я летаю, чувствуя вдвойне.*

В них схвачено состояние перехода: герой ещё принадлежит миру живых, но уже не полностью совпадает с ним. Он не покинул земное бытие, но его сознание разомкнуто и направлено в иное измерение. Это не опыт, который будет приобретён позже, а состояние, уже присутствующее внутри него.

Таким образом, «Встреча» фиксирует не начало пути, а его внутреннюю данность. Это момент, в котором судьба уже существует — пусть ещё не осмысленная, но безусловно заданная.

2. «Начало»: сцена призвания

Если «Встреча» фиксирует уже существующую связь между

человеком и ангелом, то «Начало» показывает момент, в котором эта связь впервые проявляет себя как призыв. Перед нами не другой ангел и не новый образ, а тот же посланник, что уже был дан во «Встрече», — но теперь он действует. Ангел ещё не вмешивается напрямую в человеческую судьбу. Его действие опосредовано — через звук:

*Под утро где-то там в глубинке,
Где грязь и жалкое жильё,
Играет Ангел на сопилке
Проникновенное свое.*

Мелодия сопилки здесь не является ни фоном, ни выражением настроения. Это сигнал. В нём заключено то самое обращение, которое было обещано, но ещё не осознано героем: время пришло, призыв осуществляется.

Кульминация сосредоточена в финальных строках:

*Проснулся тот, кто за стеною,
Глядит в себя, оторопев.
И этот миг всей жизни равен.
Сейчас он всмотрится во тьму
И вдруг поймет, кто там играет,
Зачем играет и кому.*

Главный герой — это человек, который просыпается. Он ещё не знает своей будущей судьбы, не знает ни о смерти, ни о последующем служении. Но он уже поставлен в ситуацию узнавания: происходящее обращено к нему. Сопилка звучит не «в мире», а для него.

В этом и заключается сцена призвания. Она не оформлена как торжественное откровение и не сопровождается ясным знанием. Напротив, призыв дан в предельно сжатой и почти нерасшифрованной форме. Герой не получает ответа — он получает знак, который требует отклика.

Таким образом, «Начало» фиксирует момент, после которого возвращение к прежнему состоянию уже невозможно. Связь, намеченная во «Встрече», здесь становится действием: обещание призыва исполняется, хотя его смысл остаётся для героя скрытым.

3. «Смерть»: низовой, лагерный, исторический ад

После призвания поэма резко опускает нас в историческую и телесную конкретику.

«Смерть» — одно из самых сильных по своей зрительной фактуре стихотворений цикла:

*Тень от барака, пилорама,
А дальше снег и черный лес,
И там, где выгребная яма,
В три доски сложенный навес.*

Перед нами не отвлечённая смерть и не «метафизический уход». Перед нами лагерная, унижительная, обесчеловеченная смерть в пространстве послевоенного советского ужаса. Смерть здесь дана с той степенью бытовой вещественности, которая только усиливает её трагический смысл. Особенно страшно то, как на фоне снега и барака возникают тёплые, почти буржуазные воспоминания о камине, гостиной, пледе, чае, бисквитном торте. Эта память о домашнем уюте не смягчает трагедию, а углубляет её: человеческая жизнь, со всем её теплом и достоинством, уничтожается в среде, предназначенной для полного унижения.

*Гудит в камине жаркий пламень,
В гостиной стол давно накрыт...
Как хорошо укрыться пледом,
Забравшись в кресло без забот.*

Этот контраст не смягчает происходящее, а обнажает его предельную жестокость. Мир, в котором человек когда-то жил как человек, уничтожен не только физически, но и как возможность существования. Память о тепле и укладе жизни здесь не утешает — она подчеркивает глубину разрыва. Смерть наступает не как событие, а как растворение:

*Бледнеет ночь, чернеет тело
На белом с проседью снегу...*

Тело становится частью безличного пейзажа, теряя индивидуальность и человеческое значение. В этом пространстве человек лишается не только жизни, но и формы своего присутствия в мире.

Именно здесь начинается подлинная трансформация героя. Он не просто умирает; он умирает после призвания, уже зная, что его жизнь не случайна. А значит, его смерть не завершает сюжет, а только переводит его в другое измерение.

4. «Метаморфоза» и «Полет»: посмертное преобразование

Короткая «Метаморфоза» задаёт формулу превращения:

*Собери себя в мешок,
Обмотайся нитью по нитью
Совершится — дай лишь срок! —
Это превращенье.*

Здесь происходит смещение от лагерной конкретики к природному образу: смерть мыслится как окукливание, как переход из одной формы жизни в другую. Она предстает не как разрушение, а как превращение, имеющее внутреннюю направленность и смысл.

Этот мотив достигает полной ясности в стихотворении «Полет»:

*Как бабочка из гусеницы тела
Рождается в прекрасной новизне,
Моя душа проснулась и взлетела,
Чтоб стать свободной и не тлеть во мне.*

Образ бабочки здесь необычайно точен. В отличие от традиционного символа души-голубя, он основан на самой логике органической метаморфозы. Душа не просто «улетает»: она вырастает из тела, как новая форма бытия из старой. Далее следует панорамный взгляд сверху:

*Земля внизу, я вижу все извивы:
Вот горы, реки, села, города...
И затем кульминационная строка духовного прозрения:
Я рядом с Ним, я у его чертога —
Гляжу на мир через его плечо.*

Эта строка принадлежит к сильнейшим во всей поэме. Она

выражает не просто восторг от освобождения, а опыт сопричастности Божественному взгляду. Однако важно помнить: этот опыт не остаётся окончательным. Поэма не заканчивается

на точке просветления. Напротив, именно после него начинается труднейшая часть пути — служение.

5. «Ожидание»: сознание дежурства

Стихотворение «Ожидание» долго можно было бы читать как размышление о земных радостях и несвободе. Но в контексте всей поэмы, а особенно в свете авторского разъяснения, его смысл делается ясным: это внутренний монолог уже умершего человека, ставшего дежурным ангелом, который знает, что скоро где-то будет арест, и готовится к исполнению своей обязанности. Здесь важна цитата из Блока:

*«Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое...»*

Этот блоковский отголосок не случаен. В стихотворении Блока он обозначал переход от личной драмы к поэтическому и судьбинному долгу. У Рахунова эта формула получает новый, гораздо более страшный и конкретный смысл. Для дежурного ангела «дело» — это не написание стихов, не внутреннее собрание себя, а мгновенное спасение души арестуемого от пытки и унижения.

Поэтому следующие строки имеют программное значение:

*Мне — душа, вам — безвольное тело.
Начинай свой спектакль, вороньё!*

Здесь осуществлён поразительный по силе переворот. Палачи получают только тело; человек как существо воли, достоинства и внутреннего ядра уже отнят у них. Душа перехвачена раньше, чем насилие достигает своей цели. Это не отмена смерти, но отмена унижения.

Слово «дежурный» раскрывается именно здесь. Это ангел не вечной идиллии, а ангел смены, поста, назначенной функции, действующий в условиях исторического террора.

6. «Противостояние»: оперативная поэтика спасения

Если «Ожидание» — мысль перед действием, то «Противостояние» — сама реализация этой мысли. Это стихотворение поражает сжатостью и кинематографичностью: *Подъехал «бобик». Выходят трое. Блестят погоны. Время такое.*

Здесь нет лишней метафизики, нет лирических украшений. Всё подано как хроника, как монтаж, как документ. И в этой документальности особенно сильно звучит момент вмешательства:

*Раскрылись крылья. Прыжок — и в небе!
Удар был быстрым. Обмякло тело.*

Почему именно удар? Потому что поэма честна перед реальностью насилия. Спасение не может здесь быть изображено умиленно или сладостно. Ангел действует в том же пространстве жестокости, в котором действуют палачи, но меняет смысл действия. У палачей удар — инструмент уничтожения и ломки. У ангела удар — инструмент освобождения. Это один из самых сильных парадоксов поэмы: форма насилия становится формой милости.

Последняя строка — «Такое Время. Такое Дело» — закрепляет не частный эпизод, а целую этику эпохи: в некоторых исторических условиях спасение возможно только как мгновенное изъятие человека из зоны унижения.

7. «Взгляд со стороны»: Россия как страна закрытой души

После частной драмы и частного спасения поэма расширяет масштаб до национального:

*По России, заснеженной мелом,
Беспокойные люди снуют,
И, в своем беспокойстве умелом,
Проживают и булки жуют.*

Это одно из самых жёстких стихотворений поэмы. Россия здесь не героизирована, не идеализирована, не романтизирована. Она

показана как страна, где большинство людей живёт рядом с трагедией, не вмешиваясь в неё — либо по неведению, либо из страха, либо вследствие внутреннего омертвения.

Очень точен образ:

*Потому что душа их закрыта
На заслонку, как русская печь.*

Заслонка перекрывает воздух, тепло, тягу. Душа не уничтожена, но закрыта, перестала дышать.

Не менее многозначна строка:

И следы, — всё копыта, копыта...

Здесь следует видеть двойной смысл. С одной стороны, это действительно образ расчеловечивания, стадности, утраты человеческого облика. С другой — и это ещё важнее — копыта в русской культурной традиции принадлежат также нечистой силе. Значит, среди забитого и запуганного люда снуют не только жертвы, но и носители зла: доносчики, палачи, соучастники. Россия оказывается пространством, где зло не стоит отдельно, а растворено в толпе.

Почему страна «заснежена мелом», а не снегом? Потому что мел — это не живая стихия, а мёртвая белая пыль, вещество стирания и обезличивания. Россия покрыта не свежестью, а как бы слоём исторической меловой смерти.

Даже строка «булки жуют» работает здесь предельно жёстко. Она снижает человеческое существование до уровня механической физиологии: пока одних ломают и вырывают из жизни, другие просто продолжают жевать, двигаться, существовать телом, не участвуя душой.

8. «Страхи»: кризис дежурного ангела

После активного служения приходит изнеможение. «Страхи» — одно из самых психологически точных стихотворений поэмы. Это не страх смерти и не страх наказания. Это страх утраты сил для продолжения миссии:

*Неужели сгорела, истлела свеча
И высокое небо не подставит плечо...*

Свеча здесь — не просто жизнь, а внутренний ресурс, огонь служения. Следом идут ещё более конкретные образы:

*И потеряны где-то когда-то ключи,
Да и крылья повешены в шкаф на крючок.
Ключи и крылья — это инструменты ангельской функции. Потеря ключей означает потерю доступа, возможности открыть, успеть, спасти. Повешенные крылья — временное бессилие, неспособность взлететь тогда, когда это необходимо.
И всё же миссия не прекращается:*

*Но ночами я все-таки в небе лечу,
И расправлены крылья, звезда на плече.
Только утром за эту свободу плачу...*

Эти строки чрезвычайно важны. Дежурный ангел не сияющее небесное существо, а изнашивающийся, устающий, платящий собой служитель. Поэма тем самым разрушает всякую сладостную ангелологию. Здесь ангелизм — не комфорт, а долг, не триумф, а выгорание.

9. «Окрылённый»: выбор человеческого опыта

Именно после этого кризиса возникает «Окрылённый» — стихотворение, без которого поэма не имела бы своей полноты. Можно было бы ожидать, что герой, истощённый служением, захочет окончательно уйти в небесный покой. Но происходит противоположное. Он говорит:

*Возвращаться в горние пределы
Я, Всевышний, вовсе не хочу...*

Это один из самых важных поворотов всей поэмы. Герой не отвергает небесное; он отказывается от преждевременного ухода в него. Он выбирает человеческий опыт во всей его боли:

*Разрешить лишь радости, и горю
Бить наотмашь, доведя до слез.*

Эти строки знаменуют зрелое понимание: знание Бога не заменяет прожитой жизни. Можно быть рядом с Ним, можно видеть мир «через его плечо», но всё равно желать ощутить

тяжесть, боль, радость, плотность человеческого существования.

Поэтому герой просит не об облегчении, а о полноте участия в земной доле.

Отсюда и финальная формула:

*Но затем, чтоб плотью человеческой,
Ощутить себя в твоей горсти,
Возложив земную жизнь на плечи,
Её суть и самость обрести.*

Ангел начинает хотеть стать человеком. И делает это не из-за слабости, а из-за высшего понимания того, что только прожитая жизнь даёт право на подлинное знание.

10. «Последний взгляд»: очеловечение ангела

Стихотворение «Последний взгляд» фиксирует переходное состояние, когда герой уже не просто ангел-служитель и ещё не совсем обычный человек. Он осознаёт свою двойственность:

*Жить среди смертных обучен —
Очеловечен.*

Это слово — очеловечен — подводит итог всему предыдущему пути. Не человек поднялся до ангела, а ангел, пройдя через службу и сострадание, пожелал обрести человеческую меру существования. Крылья теперь:

*Спрятаны в чулане,
Спят в темноте под холстиной...*

То есть герой сохраняет свою иную природу, но уже не выставляет её напоказ. Он существует среди людей как скрытый носитель иной памяти и иной ответственности.

Особенно значительна строка:

*Хочется мне опровергнуть
Экклезиаста.*

Это значит: герой не принимает мир как круговорот тщеты и

пустоты. Он хочет подтвердить смысл человеческого пути — не теоретически, а жизнью.

11. «Возвращение»: цена новой жизни

Финал поэмы, на мой взгляд, принадлежит к числу самых тонких её решений. «Возвращение» может показаться небольшим эпилогом, но в действительности в нём заключено философское ядро всего произведения:

*Душа на часок отделилась от тела
И мир неземной описать захотела.
Она там жила, в ярком свете купалась.
И нет ничего.
Ничего не осталось.*

Это не просто мотив забывания. Это мотив невозможности сохранить метафизический опыт в готовом виде, если тебе возвращается земная жизнь. Герой получает жизнь обратно, но ценой утраты памяти о высшем знании:

*Но память ушла —
Первооснова.*

Если бы память сохранилась целиком, герой уже не был бы по-настоящему человеком. Он жил бы поверх людей, а не среди них. Поэтому возвращение требует забвения. Однако забвение не абсолютно:

Есть краски и кисти, журчание слова...

Это чрезвычайно важный финальный штрих. Память исчезла, но осталось искусство. Высший опыт нельзя пересказать буквально, но можно попытаться выразить через краски, через кисть, через поэтическое слово. Именно так поэма объясняет саму возможность своего существования: человек уже не помнит «того света» как факт, но поэзия остаётся дрожащим следом этого забытого знания.

12. Главная идея поэмы

Теперь можно попытаться сформулировать сущность произведения в целом.

«Дежурный Ангел, или 1946 год» — это поэма о поэте, который, будучи однажды призванным, проходит через лагерную смерть, становится дежурным ангелом — спасителем чужих душ от унижения и пытки, затем истощается в этом служении, жаждет не небесного покоя, а человеческой жизни и, наконец, возвращается в мир уже как человек, получивший в дар вторую жизнь, как награду за служение добру, утративший прямую память о высшем, но сохранивший искусство как форму косвенного свидетельства.

Это чрезвычайно редкий по замыслу и внутренней логике текст.

Он соединяет:

- историческую тему репрессий,
- христианско-метафизическую образность,
- драму служения,
- и парадокс возвращённой, но заново оплаченной человечности.

При этом поэма избегает и прямолинейной религиозной дидактики, и чисто эстетической игры. Её настоящая сила — в серьёзности поставленного вопроса: что такое поэт, если его слово оплачено судьбой; что такое душа, если её нужно спасать; и что такое спасение, если оно не может отменить зло, но может лишить его главной победы — унижения человека?

13. Художественные особенности

Отдельно следует сказать о форме. Поэма строится из стихотворений, различающихся по тональности, темпу, степени метафорической насыщенности. Здесь есть и почти романсовая плавность «Встречи», и суровая фактура лагерного эпизода, и краткая формульность «Метаморфозы», и широкий духовный жест «Полёта», и нервная чеканка «Противостояния». Это разнообразие не разрушает единства, а, наоборот, подчёркивает сложность метафизической биографии героя.

Особенно удачно то, что композиция не подчиняется прямой хронологии. Поэма движется не по принципу «сначала случилось это, потом то», а по принципу раскрытия смысла через возвращение, предвосхищение и внутреннюю переключку частей. Такое построение требует от читателя внимательности, но и вознаграждает его намного глубже, чем простое линейное повествование.

Не менее важно мастерство автора в создании символов второго и третьего уровня: мел, копыта, булки, крылья на крючке, свеча, ключи, сопилка — всё это работает не как случайная образность, а как узлы значения.

III Заключение

Поэма Михаила Рахунова «Дежурный Ангел, или 1946 год» представляется мне одним из тех редких современных текстов, в которых поэтическое воображение не бежит от истории, а входит в неё; не растворяется в метафизике, но и не уходит в туманную отвлечённость; не довольствуется красивой печалью, а пытается ответить на страшный вопрос: что может сделать поэт перед лицом зла, если он уже ничего не может сделать как человек?

Ответ поэмы суров и высок: он может стать тем, кто не даст злу унизить душу. Но ещё глубже другой ответ, возникающий в финале: даже ангел, пройдя через такое служение, хочет обратно — в человеческую жизнь, в страдание, в незнание, в смертность, потому что только там, в пространстве между небом и послевоенным бараком, и совершается подлинное оправдание и поэзии, и судьбы.

Поэма выстроена с редкой внутренней точностью: чем внимательнее вчитываешься в её слои, тем яснее становится, что она не распадается на отдельные фрагменты, а, напротив, собирается в строгую и цельную конструкцию, где история страны и история души становятся неразделимы. В этом постепенном прояснении её внутренней логики и заключается главная победа автора.

Юрий Магаршак / США /

Юрий Борисович Магаршак – советский и американский физик-теоретик, философ, публицист и предприниматель. Родился в Ленинграде (СССР /). Окончил физический факультет Ленинградского университета, занимался теоретической физикой и биофизикой, а также математическим моделированием сложных систем. В СССР работал в научной сфере и общественных организациях, однако из-за конфликтов с властями подвергался преследованию и был вынужден сменить научную карьеру. С конца 1980-х годов живёт в США.

ФАШИЗМ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ КАК ПАРОДИЯ НА ИУДАИЗМ

*в которой фюрер играет роль не только мессии, но и самого
Господа Бога*

После второй мировой войны фашизм был демонизирован. И совершенно напрасно. Потому что демонизация не дает возможности критиковать что либо, а лишь огульно охаивать. Фашизм критикуются огульно – что неизбежно ослабляет любую критику. Между тем трезвый, беспристрастный анализ фашизма совершенно необходим – в первую очередь для борьбы с современным фашизмом, который вновь поднимает голову.

Одной из проблем, которые необходимо рассмотреть всесторонне, без демонизации, а трезво и вдумчиво, является взаимоотношение национал-социализма в Германии (который из политических соображений называют фашизмом / и иудаизма. Которое далеко не так просто, как принято думать. Ибо взаимоотношение этих народов при Гитлере далеко не исчерпывалось тем, что один народ стремился уничтожить другой. Дело неизмеримо серьезнее. Ибо причина ненависти к евреям фашистов лежит намного глубже, чем просто зоологическая неприязнь. И дело не только в том, что большинство лидеров третьего Рейха имело тесные, нередко любовные – отношения с (как теперь говорят в России / лицами еврейской национальности, а сама фамилия Гитлер, скорее

всего, еврейская – и ненависть к евреям у Гитлера могла иметь сугубо личные, “человеческие” и даже бытовые причины. А в том дело, что сама идеология национал-социализма является парафразом иудаизма. Не верите? А вы вдумайтесь. Давайте рассмотрим не что-то второстепенное, а ключевые положения нацистской идеологии. Нацисты говорили о чистоте крове – за которой в Европе давно не следили, может быть со времен Юлия Цезаря (в императорском Риме смешение кровей народов империи было обычным делом – а в позднем Риме даже практически поощрялось /, может быть со времен Александра Македонского (при котором браки между греками и покоренными народами, в частности персами, были массовыми / – а скорее всего вообще никогда. Для национал-социалистов же вопрос о чистоте немецкой крови был одним из краеугольных в их идеологии (заменившей религию! /. Но какой народ в Европе и мире пекся о чистоте своей крови в течение тысячелетий? Только один: евреи. Евреем, как известно, может быть только тот, у кого мать еврейка (о случаях приобщения к иудаизму согласно религии и ритуалу, являвшихся за тысячи лет еврейского народа, вообще говоря, единичными, мы здесь не говорим / – а браки смешанные, учитывая жесткие требования иудаизма к образу жизни – были действительно редки там, где блюлась ортодоксия. То, что евреи следили за чистотой своей крови, позволило народу выжить на протяжении трех с половиной тысяч лет гонений. Гитлер объявил чистоту арийской крови главным признаком причастности к нации, которой – по его убеждению – предстоит править миром. Что является совершенно очевидным парафразом еврейской традиции, идущей из Библии и Талмуда.

Далее.

Фашисты – следом за Гитлером – объявили себя избранным народом. Но один избранный народ на земле, как известно каждому христианину и вообще любому, кто хоть раз брал в руки Библию, уже есть. Это евреи. Двух избранных народов на одной земле быть не может, это ясно. Поэтому один из этих двух народов должен быть уничтожен другим. Такова логика национал-социализма. Под которую они подводили совершенно иную идеологическую подоплеку. Отметим, однако, весьма существенное различие. Фашисты считали себя избранной расой для того, чтобы владеть людьми других рас – и, стало быть, миром. Евреи же являются

избранным народом – согласно Священному Писанию – вовсе не для того, чтобы владеть миром (такое представление и эпоху Птолемеев, и в эпоху Рима, и в Средневековье, и в Возрождение, и в эпоху просвещения (когда стены гетто в Европе еще стояли /, и в девятнадцатом веке, когда стены гетто рухнули и евреи Австрии, Германии, Франции, Италии стали активно включаться в культурную жизнь стран проживания – было попросту смехотворным /, а избранным господом для служения Всевышнему. В одном случае избранный народ для владения другими народами, в другом – избранный народ для служения Господу. Есть разница?!

Далее.

У евреев религия управляла каждодневной жизнью, ритуал пронизывал все. У фашистов религией стала идеология. Которая также пронизывала все стороны жизни. И таким образом, занявшей место религии.

Далее.

У евреев было единобожие: вера во Всевышнего. У фашистов тоже было единобожие: вера в Фюрера.

Далее.

У евреев главным является вера в Творца, в его всемогущество и непогрешимость. У фашистов вера тоже главенствует – но это вера в Фюрера, в его всемогущество и непогрешимость. Есть разница? Разумеется. А сходство?!

Далее.

Евреи, как известно, считали и называли свою страну Землей Обетованной, данной им в вечное владение Господом. Разве не подобен этой концепции лозунг DEUTSCHLAND ÜBER ALLES, ГЕРМАНИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО, абсолютно всего! Так же, как и

Еврейский Бог для евреев (а затем также и для всего христианского мира /.

Далее.

Фашисты создали миф о том, что евреи правят миром. В то самое время как они пытались овладеть миром сами – то есть занять место евреев, которое (согласно созданной гитлеровцами легенде / те занимали в Европе, Америке и других частях света.

Другими словами национал-социалисты Германии хотели в мире занять место евреев, каковой их функцию в человечестве они изображали и понимали. И что же? Фашизм потерпел поражение – но не созданные ими совершенно нелепые мифы, один из которых, а скорее всего, судя по роли, который занимал еврейский вопрос в нацистской пропаганде и газовые камеры Освенцима и Бухенвальда в демонизации гитлеровцев главнейший фашистский миф: о том, что миром правят евреи (нелепость, живучая до сих пор и пережившая фашизм / тогда как на место владык мира претендовали сами фашисты – остался и жив до сих пор. Забыв о своем источнике и оторвавшись от него, как тень в сказке Андерсена от того, кто именно отбрасывал эту тень.

Далее.

У фашистов было священное писание – Майн Кампф Гитлера, совершенно очевидным образом заменившее Священное Писание народов, исповедующих единобожие, Библию: Ветхий завет, который по сути своей является историей еврейского народа, и Евангелия христиан – (в которых, как мы понимаем, фигурируют исключительно или почти исключительно евреи, как, впрочем, и на иконостасе любой христианской церкви /. Говоря объективно, претендуя на то, чтобы быть Супер Священным Писанием – с фюрером, являющимся одновременно мессией и богом: такой вот дуализм заместо троицы: двое в одном лице! И тот, кто послал, и тот, кого послали; и тот, кто давал, и тот, кому дали – в одном теле и одной голове! Священное писание для людей – Сверхсвященное писание – Майн Кампф – для Сверхчеловека. Майн Кампф была по структуре подражанием Священной Книге евреев и христиан, а попросту говоря (рискуя обидеть фашистов, марширующих сегодня по улицам, и духи лидеров Третьего Райха, если они по сей день витают где-то неподалеку: но очевидного умолчанием не скроешь / пародией на

Нее. У фашистов был свой мессия – Гитлер. Который в своей книге ни разу не упоминает господ Бога, который стоит над богом и является Богом. Ни разу Гитлер не говорит, что ему (как Господь Моисею / закон дан свыше или вообще его дал кто-то другой. Майн Кампф – священное писание национал-социализма, в котором фюрер немецкого народа играет роль и Бога, и его посланника одновременно. Парафраз этой

фашистской дуалицы (Гитлер и Бог, и Мессия в одном лице и в одном теле / с троицей очевиден. Есть много других параллелей, достойных тщательного изучения. Но сказанного достаточно, чтобы понять, во-первых, насколько глубоко идея национализма связана с иудаизмом – являясь, однако всего лишь пародией на него. Наверно, ни одна пародия не приносила миру за всю его историю столько крови и горя. И ни одна пародия не оказывалась столь живуча. Сегодня ни один здравомыслящий человек не поставит рядом священное писание и Майн Кампф, этику фашизма (если ее вообще можно назвать этикой / с одной стороны и этику иудаизма & христианства (напомним, что десять заповедей Моисея и десять заповедей Христа с точностью до нескольких слов (таких как замена воскресеньем субботы как священного дня / полностью совпадают, этика евреев и христиан по большому счету одна и та же, так из за чего же многовековая вражда? Но это предмет особого разговора /. Фашизм и вера во Всевышнего отличаются буквально как небо отличается от земли. Но связь между ними очевидна: второе инспирировано первым. Фашизм хотел занять место иудаизма – став в действительности пародией на иудаизм. Избранность немецкого народа – как ее понимали фашисты – является параллелью (а по сути пародией / на избранность еврейского народа в священном писании, ибо в одном случае это избранность Богом, в другом Фюрером. Неудивительно, что Гитлер ненавидел евреев, что детей Иакова сжигали в печах крематориев: двух избранных народов, как двух царей в одном царстве и двух голов на одном теле быть не может, это ясно любому.

Таким образом, фашизм и национал-социализм являются пародией на иудаизм, в которой фюрер играет роль не только мессии, но и самого Господа Бога – а Майн Кампф является пародией на Библию и одновременно подражанием ей. Неясно это лишь по сей день, и в частности, не преподается в школах лишь оттого, что фашизм был демонизирован и любое сравнение его с чем-либо человеческим, а тем паче священным, считают

априори кощунственным. Но такое положение необходимо исправить. Ибо оно вредит человечеству и гуманизму. Думаю, после прочтения данной заметки, отнюдь не претендующей на раскрытие проблемы во всей ее полноте, а всего лишь обращает внимание на проблему – это очевидно любому.

ИЗ ИНТЕРНЕТА

Денис Саитов.

Вид из окна или вместо признания

Я шел нерешительно и медленно по очень медленной, гладко выжженной улице. Дома втягивались и вытягивались, как лица, потерявшие свой кров, свою судьбу и свои гениталии. Воздух застыл, заморозился, каждая часть всего видимого будто расставило раз и навсегда свои границы, свои правила. Нежный, молочно-голубой коктейль неба был везде виден. Только крыши домов вонзали свои почерневшие, толстые и съехавшие шапки в небо. Здесь небо сдавалось и прекращало существовать. Все. Game Over. Здесь больше не территория неба, здесь глупые, никому не нужные дома, в которых живу я, ты, мы; проводим там глупо время. Выжигаем себя, ждем медленной смерти, делаем вид, что не замечаем наших обугленных ног, голов, наших сгоревших душ. Когда кто-то последний раз прыгал со своего окна вниз, чтобы увидеть, запечатлеть прозрачное, голубое небо, которое из кожи вон лезет, старается, для тебя старается, снимает всю свою одежду, уничтожая свою гордыню, предрассудки и все только для того, чтобы ты, человек, увидел за голубым небом, космос, универсум. Безвоздушное пространство с миллиардами звезд, которые нас ждут, а, может, и не ждут. Ты помнишь, человек? Когда кто-то последний раз, прыгал из окна вниз, чтобы это

все увидеть, понять и никогда больше не расставаться с любовью, чтобы никогда, я ору вам, в ваши оглохшие уши, чтобы никогда не жрать руками из разбитой, из чужой, в мазуте вымазанной тарелки, червей сомнения, заглатывая их, кривыми, лопнувшими губами в свой змеиный желудок, все, что вне тебя, все, абсолютно все, но не тебя самого? Когда же ты, человек, перестанешь это делать? И вот сидишь ты: белая рубашка, вся в ядовито-коричневых каплях жира, во рту танцуют черви свой победоносный танец, у тебя пожелтевшие ногти, руки и ноги опадают, а ты все радуешься, жрешь, боишься посмотреть в окно. А там ведь небо одеялом желает тебя поскорее обнять, согреть! Почему же ты, человек, не хочешь спрыгнуть из окна вниз и это все увидеть, принять и больше не изменять себе? И почему ты думаешь, что, упав, ты умрешь? Эгоист, болван! Ты ведь живешь на первом этаже, жирная и подлая скотина, ничего с тобой не случится. В тебе столько грязной крови, что, потеряв половину, ты обновишь себя, и будет хотя бы половина тебя чистой, невинной, живущей, хотящей жить. Ничего с тобой не случится...

Я снял почему-то свою обувь, снял носки, которые я, кстати, никогда не надевал, и босиком пошел дальше по улице, у которой не было конца. Я почувствовал запах крови и увидел, как моя нога кровоточит. Наверное, я наступил на разбитую бутылку самого дорогого вина, а, может, и на бутылку самого дешевого вина. Но крови было так много, что это не могла быть моя нога. Обернувшись, я увидел позади, недалеко от меня, мужчину; он лежал в луже крови. Я быстро подбежал к нему, и я не мог никак понять, он жив или нет. Виски мои так сильно забарабанили, как сердца тех, кто стоит на вершине вулкана и осознает в это мгновение, что вулкан, вот-вот разразится и ничего не остается, как признаться в любви тому, кто сейчас с тобой рядом, тому, кто с тобой решил подняться на эту роковую вершину. Возможно, твоя спутница знала про это еще до восхождения, но она промолчала, потому что Ты хотел подняться наверх, и она была согласна с тобой на все. Молчаливо и без малейшего сомнения она наступала на все

твои малюсенькие, для нее огромные следы. Она вступала в них, ты ее поглощал, а она была согласна быть поглощенной тобой.

Все мое тело знобило, я никак не мог понять, стою я или лежу подле этого мужчины. Город горел. Волна цунами заполняла город, все его умирающие улицы. Город трясся, птицы в бешенстве орали свою арию. Я начал бить мужчину, отдавать ему все свои легкие. «Живи, пожалуйста, живи». Вдруг он кашлянул прощанием с болезнью, и засмеялся. Его огромные руки прижали по-отцовски меня к его животу. Он сказал мне: «Я жив, я все понял. Я жив и буду жить». Океан ударил по домам и безостановочно приближался к нам. Мы лежали с ним неподвижно в круговороте металлической крови, смешанной с соленью слез. Я лежал на его теплом животе, он меня обнимал, мы смеялись, я так никогда еще не смеялся. Я посмотрел ему в счастливые глаза, и в этот момент океанская мощь поглотила нас, смыла нас, смыла эту улицу и этот город.

Абсолютная тишина.

Все чисто, прозрачно, голубой океан. Почти как-то небо, но только почти...

Теперь я рыба. И этот мужчина тоже. Мы иногда видимся. Редко это происходит, но происходит. Он куда-то плывет, и я куда-то плыву...

Автор неизвестен.

**ОТЕЦ, КОТОРЫЙ ВЫБРОСИЛ ДОЧЬ В ЛЕДЯНОЙ ОКЕАН...
ЧТОБЫ СПАСТИ ЕЙ ЖИЗНЬ**

Октябрь 1917 года. Атлантика беснуется в шторме. На борту пассажирского судна, идущего в Нью-Йорк, — 28-летний итальянский плотник Антонио Руссо и его пятилетняя дочь Мария. Жена Антонио умерла при родах. Америка была их последней надеждой на будущее.

В 2 часа ночи огромная волна ударила корабль. Вода хлынула в нижние отсеки третьего класса. Судно резко накренилось. Паника, крики, давка на лестницах. Антонио схватил дочь и бросился вперёд, держа её над водой. Но толпа была слишком плотной, а время — на исходе. Он понял: до шлюпок они не доберутся. В хаосе Антонио

добрался до разбитого иллюминатора. В него едва мог пролезть ребёнок. За ним — чёрная, ледяная Атлантика. Вдали уже мелькали прожектора спасательных шлюпок. Мария плакала, звала маму, цеплялась за отца. Он посмотрел на неё в последний раз... и вытолкнул дочь в иллюминатор. Мария с криком полетела в океан. Антонио крикнул ей вслед, перекрывая рёв шторма: «Плыви, Мария! Плыви к свету! Корабли близко! Плыви!» Через семь минут корабль затонул.

Антонио Руссо погиб вместе со 117 пассажирами третьего класса. Его тело так и не нашли. Марию вытащили из воды через 45 минут — живую, но в тяжёлом переохлаждении. Пятилетняя девочка осталась сиротой в чужой стране, не зная ни слова по-английски. Долгие 25 лет она верила, что отец её бросил. Что он выбросил её в океан, потому что она стала ему не нужна. Только в 30 лет она узнала правду: отец сознательно пожертвовал собой, чтобы у неё был шанс.

Мария Руссо прожила долгую жизнь — до 92 лет (умерла в 2004-м /). У неё появились четверо детей, девять внуков, шесть правнуков... Всего 31 потомок, которые родились только потому, что один человек в ту ночь сделал невозможный выбор.

В 83 года она рассказала свою историю в интервью: «Я думала, что мой отец убивает меня...Я не понимала, что он меня спасает. Долгие годы я думала, что он меня бросает. Правда в том, что он бросал меня в жизнь». Каждый свой день рождения она слышала его голос: «Плыви к свету». «Я плыла к этому свету 78 лет. Надеюсь, он мной гордится».

Её последние слова об отце были простыми: «Спасибо тебе, папа. Спасибо, что подарил мне жизнь. Я люблю тебя».

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Олег не верил в знаки. Раньше не верил. Теперь просто не думал об этом. Думать было лень. Или незачем. Когда полтора года живёшь в режиме «лишь бы день прошёл» – начинаешь как-то экономить. На мыслях в том числе. Инженер. Без работы семь месяцев. Без жены год и два. Без кота чуть больше.

Вот именно в таком порядке всё и рассыпалось.

Сначала Рыжий потерялся при переезде. Просто не оказался в новой квартире и всё. Олег расклеил объявления, обошёл весь район, звонил в приюты. Ничего. Пропал, как не было. А через месяц ушла Катя. Олег вслух не связывал эти события. Но внутри понимал: что-то с того переезда сломалось. Что-то важное, без чего дом перестал быть домом.

Потом сократили на работе. Потом ещё раз. Потом он и сам ушёл с третьего места, потому что невозможно было оставаться.

И вот сегодня встреча с работодателем в какой-то проектной компании. Анкету отправил почти машинально, особо не надеясь. Но перезвонили. Назначили встречу. Он надел чистую рубашку, побрился тщательнее обычного и сказал себе в зеркало, что это надо просто пережить.

Офис оказался небольшим. Уютным даже, что ли. Цветы в красивых горшочках на подоконниках. Негромкая музыка из коридора. Секретарша с тёплой улыбкой проводила его до нужной двери.

– Виктор Андреевич ждёт. Проходите.

Олег взялся за ручку.

Сделал вдох.

И вошёл.

Кабинет был просторным. Светлым. На стенах чертежи, какие-то схемы, фотографии объектов. Сам Виктор Андреевич, мужчина лет пятидесяти, плотный, с короткой стрижкой, уже смотрел на него поверх очков и кивнул на стул.

– Присаживайтесь, Олег... – он заглянул в бумаги, – ...Сергеевич. Олег сел. Положил папку на колени. Огляделся коротко.

И замер.

На диване у стены лежал кот.

Рыжий.

Нет. Показалось. Мало ли рыжих котов.

Олег отвёл взгляд. Виктор Андреевич что-то говорил про компанию, про направление, про то, что ищут специалиста с опытом именно в промышленном проектировании. Олег кивал. Отвечал. Слова выходили правильные, нужные – он умел это, когда надо.

Но краем глаза смотрел на дальний диван.

Кот не двигался. Лежал клубком, мордой к спинке. Хвост свешивался вниз – рыжий, полосатый, с белым кончиком.

Белый кончик.

У Рыжего был белый кончик хвоста. Такая особенность – будто окунули самую малость в молоко. Олег всегда смеялся.

– Вы слышите меня? – голос директора.

– Да, простите. – Олег моргнул. – Задумался на секунду.

Виктор Андреевич проследил за его взглядом. Понимающе усмехнулся.

– Не обращайтесь внимания. Босс у нас – личность самостоятельная. Может войти, может выйти. Мы уже привыкли.

– Босс? – переспросил Олег.

– Ну да. Сотрудники назвали. Он тут порядки устанавливает – не мы.

Виктор Андреевич засмеялся. Добродушно. И снова уткнулся в документы.

А Олег смотрел на кота.

Это не он. Не может быть он. Полтора года прошло. Другой район, другой офис. Это просто похожий кот.

Но губы уже произносили тихо. Почти беззвучно.

– Рыжий...

Кот поднял голову.

Сразу. Резко. Как от знакомого звука.

Олег почувствовал, как что-то оборвалось у него где-то в середине груди.

– Рыжий, – повторил он чуть громче.

Кот смотрел на него. Рыжая морда, зелёные глаза, белое пятно на груди – вот оно, пятно, Олег сразу его увидел и сразу понял, что видел раньше, много раз, каждое утро, когда тот запрыгивал на кровать и тыкался именно этим пятном в лицо.

Виктор Андреевич отложил бумаги.

Смотрел молча.

Кот спрыгнул с дивана. Не торопясь, по-кошачьи мягко, с достоинством. Прошёл через весь кабинет. Остановился у ног Олега.

И ткнулся головой в его руку.

Как будто не было полутора лет, ни переезда, ни расклеенных объявлений, ни пустой квартиры без тёплого рыжего клубка на диване.

Олег не сразу смог пошевелиться.

Потом медленно, осторожно, как будто боясь спугнуть опустил руку. Коснулся. Провёл по спине.

Кот замурлыкал.

Он всегда урчал именно так – низко, с хрипотцой, как старый мотор.

– Вы знакомы? – тихо спросил Виктор Андреевич.

Олег поднял глаза. Горло перехватило, неожиданно, некстати, совершенно не вовремя. Он сглотнул. Попробовал ответить – не вышло сразу.

– Я думаю, – он остановился. – Я думаю, это мой кот. Был мой. Полтора года назад потерялся при переезде.

Директор помолчал. Снял очки. Положил на стол.

– Вот как, – произнёс он негромко.

Это были просто два слова. Но в них было что-то – участие, что ли.

Олег снова посмотрел на кота. Тот устроился у его ног и смотрел вверх – спокойно, с той кошачьей уверенностью, с которой смотрят только на своих.

Он узнал. Он узнал меня.

И вот тут всё остальное стало неважным. Семь месяцев без работы. Даже пустая квартира, в которую надо было возвращаться вечером.

Всё это осталось где-то снаружи.

А здесь, в этом кабинете с чертежами на стенах, его Рыжий урчал у его ног и никуда не уходил.

И Олег не знал, что с этим делать. Просто сидел. Просто чувствовал под ладонью тёплую рыжую спину.

Живой. Живой, чёрт возьми.

Олег не плакал.

Он просто не мог говорить. Слова не шли.

Виктор Андреевич не торопил.

Сидел, смотрел. Просто ждал. Спокойно.

– Сколько ему лет? – спросил директор.

– Шесть, – сказал Олег. Голос вышел хриловато, но вышел. – В мае было шесть.

– Алёна говорила, что взрослый. Сразу было видно, что домашний.

– Алёна?

– Наш менеджер. Она его и подобрала. – Виктор Андреевич кивнул куда-то в сторону двери. – Нашла у подъезда, осенью позапрошлого года. Говорит – сидит, никуда не уходит, смотрит на всех. Она его покормила, он за ней зашёл в лифт. Буквально зашёл и всё. Она привезла его сюда, потому что домой нельзя было: аллергия у кого-то из родственников. Попросила оставить на время.

– На время, – повторил Олег.

– Ну да. – Директор усмехнулся. – Прошло полтора года.

Олег смотрел на кота.

– Он никого к себе долго не подпускал, – продолжал Виктор Андреевич. – Месяца три ходил сам по себе. Еду брал и уходил. Никому не давался. Алёна расстраивалась. А потом сам пришёл. Лёг к ней на колени и замурлыкал. Она потом говорила, что это был лучший день в году.

Олег слушал и не слушал одновременно.

Потому что внутри у него сейчас происходило что-то такое, для чего нет нормальных слов.

– Я искал его, – сказал Олег. – Месяца три искал. Объявления, приюты, группы в интернете. Потом перестал.

– Почему?

Он помолчал.

– Потому что больно было. Искать и не находить – это отдельный вид пытки. В какой-то момент думаешь: лучше просто не знать. Решить для себя, что всё хорошо. Что нашёлся, живёт где-то, сыт. И не думать.

– А оно не работает так, – негромко сказал директор.

– Не работает, – согласился Олег.

Кот поднял голову. Посмотрел на него снизу вверх – зелёными глазами, внимательно, серьёзно. Потом встал, потянулся всем телом – долго, основательно, с наслаждением – и запрыгнул на колени.

Просто запрыгнул. Как раньше.

И вот тут Олег не удержался.

Глаза стали мокрыми.

Он вытер их тыльной стороной ладони. Неловко. По-мужски. Как будто это можно было сделать незаметно.

Виктор Андреевич заметил.

Но не сказал ничего. Просто взял со стола стакан с водой и поставил перед Олегом – тихо, без слов.

– Спасибо, – выдавил Олег.

– Не за что.

Он погладил кота. Тот мурчал низко, неровно, с хрипотцой. Маленький трактор. Живой. Тёплый. Тяжёлый – потяжелел за полтора года, разъелся на казённых харчах.

– Я могу его забрать? – спросил Олег. И тут же остановился. – Нет, подождите. Это не моё дело решать. Он же тут свой. Его тут любят. Я не имею права просто...

– Олег Сергеевич, – перебил директор. Спокойно, без резкости. – Это не мне решать. Это Алёне решать. Она его нашла, она о нём заботилась. Поговорите с ней.

– Она сейчас здесь?

– Здесь. – Виктор Андреевич чуть помолчал. – Но сначала давайте всё-таки закончим. – Он кивнул на документы. – Вы же пришли на работу устраиваться. Я, честно говоря, уже почти всё решил.

Олег смотрел на него.

– Решили?

– Ну а что тут решать. – Директор плечами пожал. – Кот вас признал. Босс плохих людей не принимает. Это у нас уже проверено.

Олег не сразу понял, шутит он или нет.

Потом понял – совсем не шутит.

– Опыт у вас хороший, – продолжал Виктор Андреевич, снова надевая очки. – Проекты серьёзные.

Кот на коленях у Олега зевнул – широко, беззастенчиво, показав все зубы. Потом свернулся клубком и закрыл глаза.

Как будто вопрос был решён.

Как будто он так и решил – с самого начала.

Алёну Олег нашёл в соседнем кабинете.

Она сидела за столом у окна – невысокая, светловолосая, в простом сером свитере. Смотрела в монитор, что-то печатала. Потом почувствовала взгляд и подняла голову.

– Вы с собеседования? – спросила она.

– Да. – Олег чуть помялся у двери. – Вы Алёна?

– Я.

– Я Олег. Мне Виктор Андреевич сказал, – он остановился. Начал иначе. – Кот, который у вас в офисе. Босс. Это мой кот. Потерялся полтора года назад при переезде.

Алёна долго смотрела на него. Изучала.

– Он вас узнал? – спросила она.

– Да.

– Тогда это ваш, – сказала она просто. – Я сразу видела, что он

кого-то ждёт.

Вот так. Без споров. Без «докажите» и «это невозможно». Как будто она всё это время знала, что однажды придёт человек и заявит свои права на этого кота.

У Олега снова перехватило горло.

– Я не сразу заберу, – сказал он. – Если, конечно, вы не против. Пусть пока здесь. Я начну работать, освоюсь. А потом, если можно, заберу домой.

Алёна кивнула.

– Можно. – Она чуть улыбнулась – краем губ, осторожно. – Только он уже привык приходить ко мне в обед. Так что придётся делить.

– Договоримся, – сказал Олег.

И в этом слове вдруг оказалось что-то большее, чем просто про кота.

Они оба это почувствовали. И оба сделали вид, что не заметили – пока.

Через неделю Олег вышел на работу.

Рыжий встретил его у входа – сидел в коридоре, как будто знал. Потёрся о ногу, заурчал и пошёл рядом до самого рабочего места. Сотрудники смеялись: «Босс нового принял».

В обед они с Алёной пили кофе на кухне. Говорили сначала про кота, потом про что-то ещё.

Домой Олег возвращался вечером и думал о том, что завтра снова на работу. И почему-то от этого становилось тепло на душе.

Рыжий пока оставался в офисе. Но по пятницам Олег забирал его на выходные. Вёз в переноске, разговаривал всю дорогу. Кот слушал.

И от этого была уверенность, что теперь и всё остальное тоже будет налаживаться.

Говорят, что самые Великие люди проходят незаметно, без пафоса и аплодисментов. За последнее время я всё чаще встречаю публикации о таких вот людях - этот человек "просто спас 30 тыс. людей", та женщина - "спасла из гетто более 10 тыс. еврейских детей", некто Шиндлер... а еще один превратил голый остров в зеленые джунгли...

А о скольких "тихий" подвигах, спасениях и открытиях мы не знаем? И, возможно, никогда не узнаем имена этих "незаметных героев", которые делали то, что могли сделать - "а там будь, что будет!"

Есть "книга рекордов Гиннеса". Может быть, стоило бы создать Книгу "спасателей человечества"?

Лоретта Этернити

1.

Монахиня тридцати лет написала архиепископу всего четыре предложения в 1942 году, и его ответ — всего четыре слова — в итоге спас 83 ребёнка от газовых камер. Её звали сестра Дениз Бергон. Это произошло в декабре 1942 года, в Капденаке на юго-западе Франции, в небольшом католическом пансионе при монастыре Нотр-Дам-де-Массип. Сестра Дениз была самой молодой настоятельницей в регионе, и под её руководством находились пятнадцать монахинь и несколько сотен католических девочек, живших и учившихся в школе. Снаружи же происходило нечто совсем иное: Францию систематически очищали от евреев. Облавы начались в Париже — сначала забирали иностранных евреев, затем французских граждан, а потом и детей. Семьи разлучали прямо на платформах, людей загоняли в товарные вагоны и отправляли на восток. Почти все догадывались, чем это заканчивается, но почти никто не осмеливался говорить об этом вслух.

Регион, где находился монастырь, считался безопасным — так называемая «Свободная зона» режима Виши. Но эта иллюзия рухнула в ноябре 1942 года, когда немецкие войска заняли и её. Вскоре после этого в лесах вокруг Капденака начали появляться дети — еврейские дети, одинокие, истощённые, испуганные. У некоторых были контакты Сопротивления, у большинства — ничего. Сестра Дениз сначала принимала их по одному или по двое, давала им католические имена, записывала как учениц, учила их креститься, чтобы они не выделялись. Но поток не

прекращался: десять детей, двадцать, пятьдесят. Она понимала, что если продолжит, ей придётся лгать — не случайно, а постоянно, систематически, годами — властям Виши, гестапо и даже собственным монахиням. Она не была уверена, имеет ли на это моральное право как католическая монахиня.

И тогда она решила спросить того, кто мог дать ей ответ. Она написала архиепископу Тулузы Жюлю-Жеро Сальежу. Этот человек уже проявил редкую смелость: за три месяца до этого, в августе 1942 года, несмотря на возраст, паралич и почти полную потерю голоса, он распорядился прочитать во всех церквях своей епархии письмо, в котором прямо заявил: «Евреи — это люди. Они наши братья. Христианин не может этого забыть». Это было открытое осуждение депортаций и молчания общества. Из примерно ста французских епископов лишь немногие осмелились выступить против происходящего, и голос Сальежа был одним из самых громких. Власти Виши пытались подавить его обращение, но оно всё равно распространилось — его передавали по радио, перепечатывали и распространяли подпольно.

Местный епископ сестры Дениз поддерживал режим Виши, поэтому обратиться к нему она не могла. В своём письме Сальежу она задала один единственный вопрос: допустимо ли монахине лгать — сознательно и постоянно — чтобы спасти еврейских детей? Ответ пришёл быстро и был предельно коротким: «Лжём, дочь моя, лжём». Эти четыре слова стали для неё моральным разрешением и точкой невозврата. После этого она действовала уже без колебаний.

Детей становилось всё больше. Среди них была двенадцатилетняя Анни Бек, которую тётя отправила в безопасное место, когда в Тулузе стало слишком опасно. Была и двенадцатилетняя Элен Бах, приехавшая вскоре после неё. У Элен была младшая сестра Ида, но та не захотела отпускать руку матери, когда за ними пришли, и осталась с ней. Элен больше никогда не увидела ни мать, ни сестру — обе были убиты в Освенциме. Спустя десятилетия Элен говорила, что если бы её

сестра тогда отпустила руку, она, возможно, тоже была бы спасена в монастыре.

В итоге в монастыре оказалось 83 ребёнка. Сестра Дениз не могла скрывать это от всех, поэтому доверила правду лишь трём людям: директору школы, капеллану и одной надёжной монахине. Остальным объяснили, что это католические дети-беженцы из Эльзаса-Лотарингии, перемещённые войной. Но возникала проблема: дети не знали молитв, не умели правильно креститься и не понимали хода мессы. Тогда она придумала прикрытие — дети должны были говорить, что их родители были коммунистами и отвергали религию, поэтому их ничему не учили. В условиях военной Франции это выглядело правдоподобно и не вызывало подозрений. Если дети вели себя неловко на службе, это воспринималось как отсутствие религиозного воспитания, а не как попытка что-то скрыть.

Параллельно она готовила тайники. Под монастырём были оборудованы укрытия — подвалы и даже скрытое пространство под полом часовни. Родители, отправляя детей, часто передавали с ними всё, что могли: деньги, украшения, документы. Если бы всё это нашли во время обыска, последствия были бы катастрофическими. Поэтому по ночам сестра Дениз выходила в сад и закапывала ценности, не оставляя никаких отметок и полагаясь только на память. Она также вела тайные записи с настоящими именами детей и сведениями об их семьях, надеясь после войны помочь им воссоединиться. Хранение таких записей было смертельно опасным — за это её могли расстрелять.

Гестапо и милиция Виши приходили с проверками не раз. Каждый раз она встречала их спокойно, показывала классы, часовню, учениц. Они никогда не нашли ни детей в тайниках, ни закопанные ценности, ни записи. Эта скрытая операция продолжалась двадцать месяцев — с декабря 1942 года по июль 1944-го. За всё это время не погиб ни один ребёнок. Все 83 выжили.

После освобождения Франции родители и родственники начали приходить за детьми. Сестра Дениз возвращала их и отдавала всё, что было передано на хранение — каждое украшение, каждую монету, нетронутыми. Тем, чьи семьи были уничтожены, она помогала найти новых родственников или устроить жизнь за границей — в Израиле, США или других странах. Сама же она осталась в монастыре, продолжила руководить школой и почти не говорила о том, что произошло.

Лишь спустя десятилетия её подвиг был официально признан: в 1980 году её удостоили звания Праведницы народов мира. В 1992 году в монастырском саду посадили кедр — рядом с тем местом, где она когда-то закапывала драгоценности. Улица рядом была названа в её честь. Она прожила долгую жизнь и умерла в 2006 году в возрасте 94 лет, в том же месте, где когда-то спасала детей.

В последние годы к ней возвращались те, кого она спасла. Уже пожилые люди, они приводили своих детей и внуков. Три поколения собирались в том самом саду, где когда-то были спрятаны обручальные кольца их родителей. Для них она была не просто монахиней — она была тем человеком, благодаря которому у них появилась жизнь.

Сестра Дениз Бергон не написала мемуаров, не искала признания и не рассказывала свою историю миру. Она просто однажды задала вопрос — можно ли лгать, чтобы спасти жизни — и, получив ответ, приняла его полностью. Двадцать месяцев она лгала государству, гестапо, милиции и даже части своего окружения. Благодаря этому выжили 83 ребёнка. Её поступок — это не история о словах, а о выборе. О том, как четыре коротких слова могут изменить судьбы десятков людей и их будущих поколений: «Лжём, дочь моя, лжём».

2.

В течение трёх дней он заперся в своей спальне, пока снаружи тысячи людей ждали и умоляли о помощи. Когда он наконец вышел, он разрушил жизнь, которую строил, всего за двенадцать дней.

Его семья не могла понять, что происходит. Жена стучала в дверь. Дети стучали в дверь. Снаружи, у консульства в Бордо, число беженцев росло. Германия приближалась. Кризис углублялся, а человек, у которого была власть помочь, погрузился в полное молчание.

А затем, утром 17 июня 1940 года, дверь открылась.

Его сын Педру Нуно видел, как он прошёл прямо в канцелярию, распахнул двери и заявил голосом, который разнёсся по всей

площади:

«С этого момента я выдаю визы всем. Больше не будет ни национальностей, ни рас, ни религий».

Аристидеш де Соуза Мендеш родился в 1885 году в одной из старейших аристократических семей Португалии. Его жизнь с самого начала была предопределена привилегиями. Он изучал право, поступил на дипломатическую службу и три десятилетия служил в разных уголках мира — от Британской Гвианы до Занзибара, от Сан-Франциско до Антверпена. Он был общительным, любил вино и французские песни. У него было четырнадцать детей. Он построил надёжную и комфортную жизнь, и у него были все причины её сохранить.

В 1938 году его назначили генеральным консулом в Бордо. В том же ноябре диктатор Португалии Антониу де Оливейра Салазар издал циркуляр №14 — приказ, разосланный всем португальским дипломатам: не выдавать визы беженцам, особенно евреям, русским и лицам без гражданства.

Португалия официально оставалась нейтральной, но фактически сочувствовала Гитлеру. Салазар не хотел впускать беженцев в страну. Приказ был чётким, и последствия неповиновения были очевидны.

Полтора года Соуза Мендеш подчинялся.

Затем Германия вторглась во Францию.

В мае и июне 1940 года дороги на юг заполнились людьми. Сотни тысяч пытались бежать к испанской границе, к Португалии, к любому пути спасения из страны, рушащейся под натиском немецкого наступления. Евреи из Польши, Бельгии, Нидерландов, Германии и Франции. Дипломаты, учёные, художники и обычные семьи, оказавшиеся не в том месте и не в то время.

Они пришли к португальскому консульству в Бордо, потому что

португальская виза означала безопасный транзит через Испанию — последний оставшийся путь к спасению. Они заполнили залы ожидания, лестницы, улицу снаружи. Они спали на площади. Они умоляли через окна.

Соуза Мендеш не имел права выдавать визы. Циркуляр №14 это запрещал. Он направлял беженцев в Лиссабон. Лиссабон отвечал отказом.

Он впустил некоторых из них внутрь, чтобы укрыть от дождя, среди них был польский раввин Хаим Крюгер, бежавший из Бельгии с женой и пятью детьми. Они разговаривали. Крюгер объяснил, что происходит с теми, кто не сможет спастись. Соуза Мендеш отправил два запроса в Лиссабон с просьбой о чрезвычайном разрешении выдавать визы.

Ответ из Лиссабона состоял из двух слов: «Визы отклонены».

И тогда он ушёл в свою комнату.

Нет полного объяснения этих трёх дней. Его собственный рассказ неполон. Но ясно одно: когда он вышел, внутри него было принято решение, которое уже нельзя было изменить.

Он прошёл в канцелярию и открыл двери.

Поставили стол. Паспорта приносили стопками, в сумках, в дрожащих руках. Один человек ставил штамп. Другие заполняли данные. Соуза Мендеш подписывал. Чтобы работать быстрее, он сократил подпись до «Мендеш». Плату не брали. Имена не заносили в официальный реестр, чтобы Лиссабон не мог проверить и остановить процесс. Раввин Крюгер работал рядом с ним. Те, у кого не было денег, всё равно получали документы.

Он работал без сна. Три дня и три ночи он подписывал. К концу его подпись почти превратилась в неразборчивый знак, стёртый усталостью и повторением.

Лиссабон узнал. 24 июня Салазар приказал немедленно прекратить и вернуться домой. За ним отправили двух человек.

По дороге они проезжали португальское консульство в Байонне. Соуза Мендеш увидел ещё одну толпу — сотни беженцев, которым отказывали, потому что местный консул продолжал исполнять приказы.

Соуза Мендеш прошёл мимо сопровождающих и вошёл в здание.

Он приказал сотрудникам выдавать визы всем ожидающим. Сам подписал ещё множество документов. Затем он поехал к испанской границе в Андайе, где беженцев не пропускали. Он пытался договориться с пограничниками. Когда это не удалось, он сам открыл ворота и позволил людям перейти в Испанию.

Посол Португалии в Испании прибыл в изумлении и потребовал объяснений.

Соуза Мендеш ответил, что подчиняется более высокой власти, чем Салазар.

По возвращении в Лиссабон его привлекли к дисциплинарному суду. Его обвинили в неповиновении, оставлении поста и позоре Португалии перед Испанией и Германией. Он лишился должности, пенсии и карьеры, которой посвятил тридцать лет. Ему запретили заниматься адвокатской практикой. Его дети были занесены в чёрные списки — им закрыли доступ в университеты и на государственную службу. Семейное родовое имение пришлось продать, чтобы покрыть долги.

В конце концов еврейская община Лиссабона кормила их через свою столовую для бедных. Семья выживала благодаря помощи тех самых людей, ради которых он рискнул всем.

Он четырнадцать лет пытался обжаловать решение. Салазар отказался встречаться с ним или даже отвечать.

Он умер 3 апреля 1954 года в францисканской больнице в Лиссабоне. Его похоронили в одолженной рясе, потому что у него не было собственной подходящей одежды.

Однажды он сказал раввину Крюгеру:

«Если тысячи евреев страдают из-за одного христианина, то, наверное, один христианин может пострадать ради стольких евреев».

В 1966 году Яд Вашем признал его первым дипломатом, удостоенным звания «Праведник народов мира». В 1988 году правительство Португалии извинилось перед его семьёй. В 1995 году президент страны назвал его величайшим португальским героем XX века. Площадь в Иерусалиме носит его имя.

Историк Холокоста Йехуда Бауэр назвал его действия в те двенадцать дней июня 1940 года, возможно, крупнейшей операцией спасения, осуществлённой одним человеком.

Тридцать тысяч человек спаслись.

Среди паспортов с его измученной подписью были и документы создателей «Любопытного Джорджа», которые бежали из Парижа на самодельном велосипеде с рукописью и успели добраться до консульства вовремя.

Он спас их всех — после трёх дней молчания в спальне в Бордо и после решения, которое никто не мог принять за него.

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Ивлева ЛЕСТНИЦА В НЕБО	7
--------------------------------------	---

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Олжас Сулейменов / Казахстан /	10
Владимир Делба / Россия /	18
Елена Печерская / Россия /	37
Жан Бахыт (Бахытжан Канапьянов) / Казахстан /	86
Борис Илюхин / Россия /	115

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Уварова Елена / Казахстан / — 1 место в конкурсе.....	120
Гоголина Ирина / Беларусь / — 1 место в конкурсе.....	121
Алексева Светлана / Россия / — 2–3 места в конкурсе	122
Катаева Лариса / Россия / — 2–3 места в конкурсе	123
Бессараб Александр / Россия / — лауреат конкурса	123
Велигорский Георгий / Россия / — лауреат конкурса.....	125
Великжанин Павел / Россия / — лауреат конкурса	126
Иванова Маруся / Россия / — лауреат конкурса.....	127
Князева Светлана / Россия / — лауреат конкурса.....	128
Краснопеев Юрий / Россия / — лауреат конкурса.....	130
Партолина Наталья / Беларусь / — лауреат конкурса	130
Сараф Ольга / Испания / — лауреат конкурса	131
Супрунова Надежда / Россия / — лауреат конкурса	132
Фельдман Елена / Россия / — лауреат конкурса.....	133

АВТОРЫ

Михаил Синельников / Россия /	135
Дина Дронфорт / Германия /	147
Павел Кренёв / Россия /	153
Грета Чесновицкая / Россия /	177
Саша Зеленская / Швейцария /	190
Ольга Оливье / Франция /	200
Борис Бартфельд / Россия /	212
Михаил Рахунов / США /	232
Ольга Гулинкина / Россия /	256
Фархат Тамендаров / Казахстан /	267
Наталья Горячева / Казахстан /	271
Наталия Хаимова / Россия /	276
Зинаида Варлыгина / Россия /	289
Юрий Радзиковицкий / Германия /	297
Татьяна Ивлева / Германия /	322
Алесь Поплавский / Беларусь /	333
Элина Красс / Германия /	340
Максим Жуков / Россия /	349
Анна Рубин / Германия /	361
Лола Звонарёва / Россия /	367
Аркадий Терентьев / Россия /	371
Кэри Монклэйр / США /	377
Юрий Магаршак / США /	393

ИЗ ИНТЕРНЕТА

Денис Сайтов	398
Неизвестный автор	401
Ирина Чижова	403
4К Project	409

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПОЭТИЧЕСКИЙ ФОРУМ

«СОЛНЕЧНЫЙ
ВЕТЕР»

Площадка живого поэтического слова,
где встречаются поэты разных стран,
обсуждают современную литературу,
читают стихи и создают новые смыслы.

<https://poezia.us/allforums/>

ВЫ ХОТИТЕ ПОЛУЧИТЬ
20 ВАШИХ КНИГ
В ПОДАРОК?

Издайте свою книгу у нас, и она будет
продаваться по всему миру!

Всего за **\$649*** Ваша мечта будет
исполнена нами.

ISBN номер и номер регистрации в
библиотеке Конгресса США будут
получены по вашему требованию.

ПОДРОБНОСТИ:

- ✉ service@poezia.us
- ☎ Телефон: +18479151601
- 📞 WhatsApp: +18479151601

МЫ ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ!

*Цена пакета временная! Обычная цена \$699.

POEZIA.US. 2495 Emerald Ln., Lindenhurst, IL 60089, USA

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

ПОЭТЫ, КРИТИКИ, ЧИТАТЕЛИ

RUSSIANPOETRY.ORG

